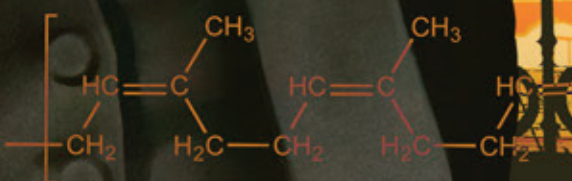
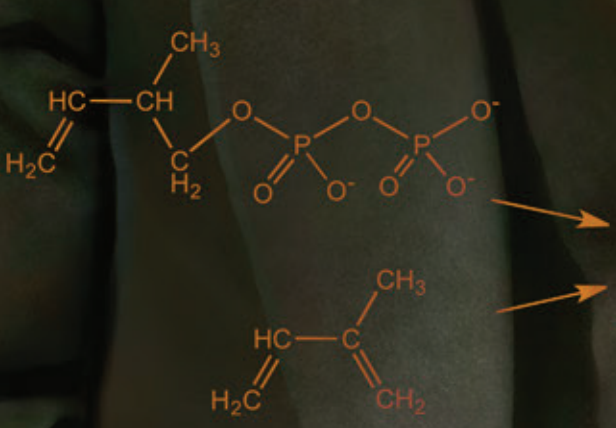
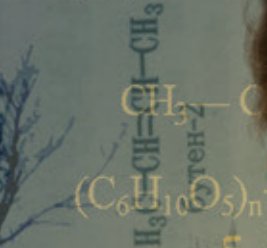
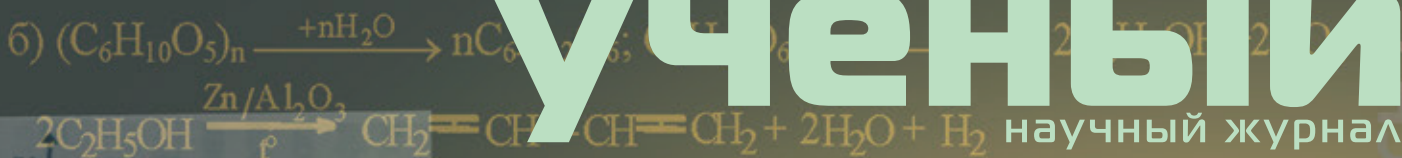
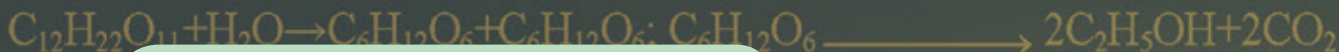

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Synthetic rubber

В
2015
Часть VIII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 13 (93) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Матусевич Марина Степановна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенцов Аркадий Эдуардович, *кандидат политических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Титова Елена Ивановна, *кандидат педагогических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, *кандидат химических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ячинова Светлана Николаевна, *кандидат педагогических наук*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Сергей Васильевич Лебедев (1874–1934) — русский учёный-химик, основоположник промышленного способа получения синтетического каучука.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Захаров С. М., Хачатрян А. Г.**
Влияние глобализации на российское телевидение 763
- Полибенцева А. В.**
Образ героя-подростка в западных научно-фантастических и фэнтези-фильмах 21 века 766
- Чивилёв А. А.**
Межличностная коммуникация в кинематографе 770

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Асташов Д. Ю.**
Градостроительный генетический код как «ядро» эволюционного развития архитектурно-планировочной структуры г. Борисоглебска 773
- Полякова С. Н.**
Эксцентричность и конфликтность личности А. Н. Скрыбина 780

ФИЛОЛОГИЯ

- Ахмади М., Гамарпур Т.**
Изучение русских глаголов движения с приставкой от- и способы её выражения в персидском языке 783
- Баканова О. С.**
Метафора как способ выражения оценки (на материале специализированного журнала «За рулем») 787
- Бурмакова Е. А.**
Anthropomorphous metaphor in literary discourse 789
- Исаева Е. В., Рудикова Ю. Ю.**
Концепт «город»: структура и языковые средства репрезентации (на материале отзывов российских туристов о Китае) 793
- Кузнецова С. М.**
О грамматической концепции Токиэда Мотоки 797

- Молчанова С. Е., Касаркина В. Е.**
Особенности метафорической образности в современной англоязычной научной фантастике 799
- Мухаммади М. Р., Абтин Г., Шахбазян З.**
Способы выражения вида приставочных глаголов движения в персидском языке 802
- Мусатова Г. А.**
Самостоятельные части речи с уступительной семантикой 807
- Нурметов Ж. Н., Жуманиёзова Ф. Т.**
Personal names as realia in a language 811
- Нурметов Ж. Н., Жуманиёзова Ф. Т.**
Proper Names in Translation 813
- Саморокова Ю. А.**
Семантическое поле фамилий в пьесах В. Розова 816
- Сорокина А. С.**
Особенности коммуникативного поведения викторианской жены (на материале романа Эмили Бронте «Грозовой перевал») 818
- Стребкова Ю. В.**
Имена собственные в составе фразеологизмов как переводческая проблема (на материале англоязычной прессы) 821
- Фазилова К. Б.**
Олжас Сулейменов — писатель и поэт 823

ФИЛОСОФИЯ

- Душаев А. Ж.**
Глобализация и идеологический иммунитет 825
- Кочергина В. И.**
Внутренние детерминанты и стадии развития этнического 826
- Литовченко И. В.**
Роль семиотической системы в процессе институционализации общественной жизни 829
- Пятаков Д. В.**
Трансформация сознания индивида под влиянием массовой культуры 832

Рябинская Т. С.

Феномен лжи и обмана в рамках этико-
религиозного подхода 835

Ягодзинский С. Н.

Информационная деятельность как приоритет
общественного развития в XXI веке 838

ПРОЧЕЕ

Александрова В. И.

Методика аудита информационной
безопасности информационной
системы персональных данных средней
общеобразовательной школы 841

Картамышева Н. С., Вахрушин И. А.,

Перевала М. Н., Трескова Ю. В.
Проблемы добычи нефти и газа в условиях
Крайнего Севера 845

Липский М. Ю.

Разработка перечня сведений, составляющих
коммерческую тайну 848

Лобастов С. Ю.

Системы коллективной поддержки принятия
решений: определение, виды, направления
развития 850

Милин Е. А., Пресняков В. А.

Оценка аварийности и разработка мероприятий
по пропаганде БДД в городе Артёме 855

Севрюкова А. А.

Автоматизированные библиотечные
системы 857

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Влияние глобализации на российское телевидение

Захаров Сергей Михайлович, студент
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Хачатрян Александр Гайкович, студент
Восточно-Европейский институт психоанализа (г. Санкт-Петербург)

«Телевидению принадлежит будущее. Не будет ни газет, ни книг, ни кино, ни театров, а будет одно сплошное телевидение», — говорил один из героев фильма 1979 года «Москва слезам не верит». За 30 лет со дня выхода картины телевидение в России превратилось в мощнейший механизм, способный объединить миллионы людей, вне зависимости от того, на каком устройстве они осуществляют просмотр телевизионного контента. Телевизионные программы, сериалы, фильмы являются отражением запросов аудитории. Мировое телевидение превращается в своеобразное государство, живущее по своим законам и формирующее мировоззрение миллионов людей.

В системе средств массовой информации телевидение выполняет пять ключевых функций: информирование, воспитание, организация поведения, развлечение и коммуникация. Поскольку телевидение является отражением положения дел в стране, телевидение в СССР выполняло преимущественно педагогические функции. Три государственных канала (первый, второй и ленинградский) показывали зрителям то, что считало нужным государство. В условиях, когда между каналами нет конкуренции, тем не менее появился ряд форматов, и по сей день пользующихся популярностью среди телезрителей: «Спокойной ночи, малыши!», «Что? Где? Когда?», «КВН».

Ситуация изменилась в 1989 году с появлением «2x2» — первого частного канала в истории отечественного телевидения. С того момента, когда канал рискует собственными финансовыми средствами, ему приходится бороться за внимание зрительской аудитории, которое монетизируется за счет рекламных продаж. [4, с. 16]

В 1990-х годах каждый желающий при наличии финансовых возможностей мог создать собственный телеканал. По всей стране стали появляться региональные каналы, многие из которых стали весьма успешными, в особенности «Шестой канал» Санкт-Петербурга, «4

канал» Екатеринбурга и «ТВ-2» Томска. Тем не менее практика показала, что большинство каналов едва сводили концы с концами: отсутствие достаточного количества собственного качественного контента, производство которого требовало не только серьезных вложений, но и кропотливой творческой, административной и маркетинговой проработки, не позволяло каналам превратиться в эффективный бизнес-проект. Вместо того, чтобы стать актуальным и интересным телеведущим, специализирующимся исключительно на удовлетворении зрительских потребностей жителей конкретного региона, каналам приходилось показывать либо тот контент, который стоит максимально дешево (теленвеллы 20–30-летней давности), либо коммерческие трансляции (телемагазины, программы религиозных организаций). Зрителю требовался высококачественный контент, способный удовлетворить интерес максимально широкой аудитории.

Пришедшая на российский рынок американская корпорация «Story First Communication» во главе с Питером Герви внедрила на российскую почву опробованный в США способ объединения телеаудитории — телесеть. На базе «Шестого канала» Санкт-Петербурга была создана Сеть Телевизионных Станций (СТС). Преимущественно американские фильмы и сериалы студии «Universal» в режиме реального времени передавались через спутник и ретранслировались каналами-партнерами в регионах, которые получали не только обладающий высоким рейтинговым потенциалом контент, но и возможность получать 1/6 рекламного времени, а также право показа собственного оригинального контента в специально отведенное время (региональные окна). Таким образом, команде Питера Герви удалось не просто объединить десятки городских телеканалов в одну сеть, он объединил миллионы зрителей, предложив им контент, пользующийся высоким спросом по всему миру. [2, с. 82]

Нельзя не отметить тот факт, что несмотря на то, что с экономической точки зрения модель телесети выглядит безупречной (и на ее основе также были созданы «ТНТ-Телесеть» и «Рен ТВ»), региональные окна, на наш взгляд, зачастую вызвали ряд вопросов. Помимо того, что городские программы не всегда вписывались в концепцию канала и по этой причине резко контрастировали с остальным эфиром (к примеру, в начале 2000-х годов доля аудитории информационно-развлекательного канала «ТВ Центр» в Санкт-Петербурге была минимальной — 0.1%, телекритики объясняли данный факт выходом в эфире петербургского ретранслятора «ТВ Центра» ОТВ религиозных программ), они содержали большое количество программ, спонсированных губернаторами тех регионов, в которых они вещали. Если на федеральном уровне в борьбе за долю аудитории политическая пропаганда закономерно ушла на второй и третий планы исключительно на государственных каналах ВГТРК (например, «Первый канал», несмотря на то, что 51% его акций принадлежит государству, является акционерным обществом и по закону не может претендовать на господдержку), то в регионах дела обстояли иначе. С отменой губернаторских выборов в 2004 году наступил закат региональной политпропаганды за ненадобностью, а ключевые игроки сетевого телерынка СТС и ТНТ начали своеобразный эксперимент по глобализации региональных окон: выпустив проекты «Истории в деталях» и «Инструкция по применению» соответственно, они начали внедрять локальные версии данных программ в разных городах. После кризиса 2008 года данную практику прекратили, большинство региональных станций было вынуждено стать частью холдингов «СТС—Медиа» и «ТНТ-Телесеть» (т.е. они были полностью выкуплены), и в их эфире осталась только региональная реклама, покрывающая расходы на содержание оборудования для ретрансляции. Как результат, жители одного города смотрят ту же программную сетку, что и зрители другого города без внедрения локальных программ.

По мнению генерального директора «ТНТ-Телесеть» Игоря Мишина, в 1990-х годах основавшего «4 канал» в Екатеринбурге, с внедрением в России системы цифровых мультимплексов региональное телевидение в России в ближайшем времени закончит свое существование. Партнеры-ретрансляторы федеральных каналов будут закрыты, так как благодаря переходу на цифровое вещание надобность в локальных станциях отпадет, а из самостоятельных региональных каналов останутся лишь те, которые способны производить и показывать оригинальный контент.

На наш взгляд, это закономерные тенденции, являющиеся очевидными последствиями глобализации телевидения во всем мире. Упомянутый нами в качестве примера телеканал СТС достиг популярности и быстро расширил охват аудитории за счет показа зарубежного контента. Но при этом, как показывала практика, зритель активнее

всего смотрит прежде всего проекты, которые привязаны к существующей действительности, которые отражают реальность данной страны, что доказал успех первых российских сериалов («Улицы разбитых фонарей» на ТНТ, «Убойная сила» на ОРТ), собиравших более 30% телезрителей, тогда как максимальная доля СТС составляла 10%. Как результат, в России стали создавать адаптации успешных зарубежных телепроектов, то есть получивший признание на родине формат сериала или шоу продается на телеканалы разных стран, где адаптируется под реалии и менталитет зрителя. К примеру, если в США в программе «Wheel of Fortune» («Колесо фортуны») основная ставка делается на азарт игроков и их желание получить призы, то в российской версии проекта «Поле чудес» уклон делается на разговоры ведущего с участниками об их жизни и демонстрацию их талантов. Подобная практика приводит к тому, что локальные версии таких проектов, как «Кто хочет стать миллионером?», «Минута славы», «Голос», «Танцы» и многих других выходят по всему миру, что создает глобализацию телевизионного рынка. Российское телевидение является активным покупателем адаптаций: в год в России выходит более 200 проектов, снятых по лицензии, большую часть из которых составляют развлекательные программы — музыкальные и игровые шоу. С середины 2000-х годов начался процесс адаптации сериалов в жанре ситуационной комедии («Моя прекрасная няня», «Счастливы вместе»), с 2010 года покупаются права и на адаптацию драматических сериалов («Побег», «Закрытая школа», «Обратная сторона Луны»). По мере развития телевизионного рынка в России (наработка опыта, увеличение производственных бюджетов, усиление качества) отечественные продюсерские компании продают форматы за рубеж. 75% форматов продаются странам СНГ, с недавних пор также ряд форматов был продан в США («Что? Где? Когда?», «Кухня», «Небесный суд»). Тем самым проявляется тенденция усиления роли России на мировом телевизионном рынке.

Как известно, встречающиеся дважды в год на теле рынке MIPCOM в Канне телепродюсеры и теледистрибьюторы не только покупают и продают форматы, но и обсуждают тенденции развития мирового телевидения. И если в советское время государство размышляло о том, в какую сторону должно двигаться телевидение, то теперь этот вопрос в руках глав каналов. И большинство руководителей ориентируются именно на опыт зарубежных коллег.

Следует заметить, что стремительное развитие отечественного телевидения оставило серьезный отпечаток на аудитории телеканалов. За последние 25 лет российский зритель увидел огромное количество зарубежных проектов и форматов, которые годами формировались за рубежом. Россия пытается догнать мировое телевидение, но не всегда это удается. С одной стороны, есть ограничение в виде экономики: бюджеты отечественной телепродукции несопоставимы с бюджетами иностранных аналогов. В то

время, как в США и Великобритании кабельные каналы могут себе позволить снимать сериалы с бюджетами до 10 млн. долларов за серию, центральные российские каналы закупают контент за 200–300 тысяч долларов за час эфирного времени, бюджеты других каналов гораздо ниже. [3, с. 66] Как заметил советник генерального директора холдинга «СТС–Медиа» Вячеслав Муругов, производить аудиовизуальный продукт с теми же бюджетами как в США можно будет только тогда, когда экономика России будет на уровне экономики США.

С другой стороны, многие тенденции зарубежного телевидения активно не принимаются российским зрителем. К примеру, в США драматические сериалы показываются в вертикальном режиме, то есть каждая серия выходит строго раз в неделю в конкретный день. В России же преобладает горизонтальный режим, когда сериал показывают 4–5 дней в неделю. Запущенный Константином Эрнстом осенью 2010 года эксперимент по внедрению вертикального режима не оправдал себя: в то время как горизонтальная сериальная линейка собирает более 20% аудитории, вертикальные показы не набирали и 10%. По мнению Константина Львовича, положительный исход от внедрения новой системы показа возможен лишь в том случае, если сразу несколько федеральных каналов примут участие в эксперименте. Пока же зритель не готов отказаться от своей привычки. В США же напротив, все высокобюджетные драматические сериалы идут исключительно раз в неделю, в ежедневном режиме выходят лишь ситкомы и дневные «мыльные оперы».

Нельзя не отметить тот факт, что в России и по сей день продолжается сильный контроль над телевидением. Если в СССР телевидение контролировалось государством, то с распадом Советского Союза во главе угла встали рекламодатели, заинтересованные не только в размере зрительской аудитории, но и в ее качестве (70% рекламных бюджетов направляются на каналы, ориентированные на зрителей 14–44 лет — «Первый канал», НТВ, ТНТ, СТС и др.). В отличие от России, где почти все каналы существуют за счет рекламы, в США все каналы, кроме четырех центральных (ABC, CNN, NBC, FOX) являются платными и существуют за счет зрителей, напрямую влияющих на политику вещания канала.

К примеру, более 3 млн. зрителей, оформивших подписку на канал НВО, имеют возможность смотреть сериал «Игра престолов», который не прошел бы цензуру на бесплатном телевидении. Такая система позволяет каналам не зависеть ни от государства, ни от рекламодателей, они существуют только благодаря зрителям. [1, с. 108] И за счет этого получается более прямой и открытый контакт с аудиторией, благодаря чему зритель видит эксклюзивный контент, который предназначен для тех, кто готов за него платить. В России платное телевидение только делает первые шаги: о положении дел на недавно открытом канале «Amedia Premium», который показывает новые серии популярных зарубежных драматических сериалов в дубляже, пока говорить рано ввиду

того, что в России еще не решена проблема с пиратством, в результате чего многие скачивают в Интернете необходимый им контент вместо того, чтобы смотреть его легально. Ряд российских медиаменеджеров, в частности генеральный продюсер ООО «Продюсерская компания «Среда» Александр Цекало считает тягу к пиратскому контенту особенностью отечественного телесмотрения, вызванного тем, что в СССР не было платного телевидения, и у россиян нет привычки платить за контент. По нашему мнению, российские телезрители будут платить за контент тогда, когда тот аудиовизуальный продукт, за который они будут голосовать рублем, будет не только уникальным с точки зрения качества, но и не будет находиться в открытом доступе.

Сложившееся положение вещей, когда региональные каналы теряют свои позиции, контент федеральных каналов базируется на зарубежных телеформатах, а платный телеконтент пока не пользуется спросом, безусловно, не может устраивать всех: телевизионные продюсеры в постоянной борьбе за рейтинги не могут экспериментировать и предпочитают использовать проверенные художественные и маркетинговые ходы, зритель же устает не только от консерватизма эфира, но и от невозможности влиять на программную сетку. Молодым зрителям, ведущим активный образ жизни, проще смотреть интересующий их контент в Интернете в удобное для них время. При этом противопоставлять Интернет и телевидение не стоит, так как Интернет — это транспорт, доставляющий аудитории аудиовизуальный контент, большая часть которого создается продюсерскими компаниями по заказу федеральных каналов. Зритель, не желающий смотреть тот контент, который ему предлагают телеканалы, ищет на просторах Всемирной Паутины то, что ему интересно. В результате появляется огромное количество производителей Интернет-контента.

Лица, которые не могут пробиться на телевидение, которые в него не вписываются или не желают вписываться, создают собственные каналы на портале «YouTube». Если в начале своего существования данный сайт предлагал аудитории музыкальные клипы и юмористические скетчи, то в наше время тысячи блоггеров выкладывают на всеобщее обозрение самый разнообразный контент. Многие становятся блоггерами, чтобы попасть в эфир телеканалов, также есть ряд успешных деятелей телевидения и кино, создающих передачи в Интернете, в частности режиссер Никита Михалков («Бесогон TV»), интервьюер и публицист Сергей Минаев («Минаев Live»).

Таким образом, очевиден переход от общей глобализации телевидения к частной, когда каждый человек может создать свой собственный канал, российское телевидение имеет все предпосылки стать таким же независимым, как телевидение США, большая часть каналов которого не зависит от воли государства или рекламодателей, подчиняясь только воли телезрителя и выполняя его культурные запросы.

Литература:

1. Захаров, С. М., Добренькова И. А. Монетизация контента в Интернете и усиление коммуникации с телевизионной аудиторией // Правовые и социально-экономические аспекты молодежной политики в современной России: Материалы IX Межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2014 г. — М.: Изд-во СГУ, 2014. — с. 107–109.
2. Роднянский, А. Е. Выходит продюсер. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 288 с.
3. Основы продюсерства. Аудиовизуальная сфера: Учебник для вузов / Под ред. Г. П. Иванова, П. К. Огурчикова, В. И. Сидоренко. — М.: Юнити-Дана, 2012. — 719 с.
4. Экономика отраслевых рынков и предприятий кино- и телевизионной индустрии: учебно-методическое пособие по выполнению курсового проекта по дисциплине «Экономика кино и телевидения» для студентов всех форм обучения специальности 080507 «Менеджмент организации» / сост.: Н. И. Гаврильчак, В. Л. Скобелев, С. Н. Сапелко. — СПб.: Изд-во СПбГУКИТ, 2013. — 125 с.

Образ героя-подростка в западных научно-фантастических и фэнтези-фильмах 21 века

Полибенцева Анна Владимировна, студент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной статье рассмотрены вопросы репрезентации подростков в современных научно-фантастических и фэнтези-фильмах. При помощи выявленных в процессе исследования критериев отличия подростков от взрослых автор на примере нескольких кинокартин доказывает, что экранные подростки больше не принадлежат своей возрастной группе.

Ключевые слова: подростки, научная фантастика, фэнтези, кино

Сегодня жанры научной фантастики и фэнтези в кинематографе стремительно набирают популярность. Об это свидетельствуют не только невероятно большие кассовые сборы каждого конкретного фильма, но и количество снятых картин за последние 15 лет. По данным Nash Information Services [6], с 2001 по 2014 год число фильмов жанров научной фантастики, фэнтези и, так называемых, «супергеройских» лент выросло более, чем в 3 раза. В 2013 году их было 106 (Рис. 1), а за первые четыре месяца 2015 года — уже 45. Стоит сказать, что подсчёт велся без учёта тех фильмов, которые не выходили в англоязычных странах. К примеру, в списках отсутствует немецкий фантастический фильм «Таймлесс: Рубиновая книга». В то же время онлайн-ресурс «Кинопоиск» [3] утверждает, что более 1400 научно-фантастических и фэнтези фильмов было снято с 2000 по 2015 годы странами Западной Европы и США (при расширенном поиске с заданными параметрами: жанр, временной отрезок и страны-производители). Несложно подсчитать, что это составляет в среднем 94 картины в год — одну шестую часть от всех снятых фильмов. Вместе с количеством фильмов указанного жанра возросло и число кинолент, где главными героями являются подростки, которые привлекают не только молодёжную, но и взрослую аудиторию.

Современный мир характеризуется тенденцией размытия возрастных рамок, что делает сложным опреде-

ление той группы, которую можно назвать «подростками». По данным исследования, проведённого Оксфордским университетом в 2013 году, человека можно назвать «молодым» вплоть до 45 лет, а подростковый возраст и период юности делятся до 25 лет, а в некоторых случаях даже до 30 [7].

Общество движется к тенденции, которая считалась нормальной до изобретения печатного станка Иоганном Гутенбергом — понятия «детства», как такового, не существовало, дети считались такими же, как взрослые, только маленькими. Размытие возрастных границ отчасти описывается Нейлом Постманом в книге «Исчезновение детства» [4]: он объясняет этот феномен влиянием визуальной культуры: подростки рано приобщаются к миру взрослых, с помощью телевидения получая знания, ранее табуированные старшими, и это приводит к тому, что и сами взрослые начинают воспринимать детей, как равных себе. Кино является частью визуальной культуры, поэтому важно знать, как этот весьма популярный вид досуга репрезентует подростков: устанавливает различия между героем-подростком и героем-взрослым, или, следуя современным веяниям, не разграничивает взрослых и подростков.

В процессе анализа современных научно-фантастических и фэнтези-фильмов с главными героями-подростками было замечено несколько важных закономер-

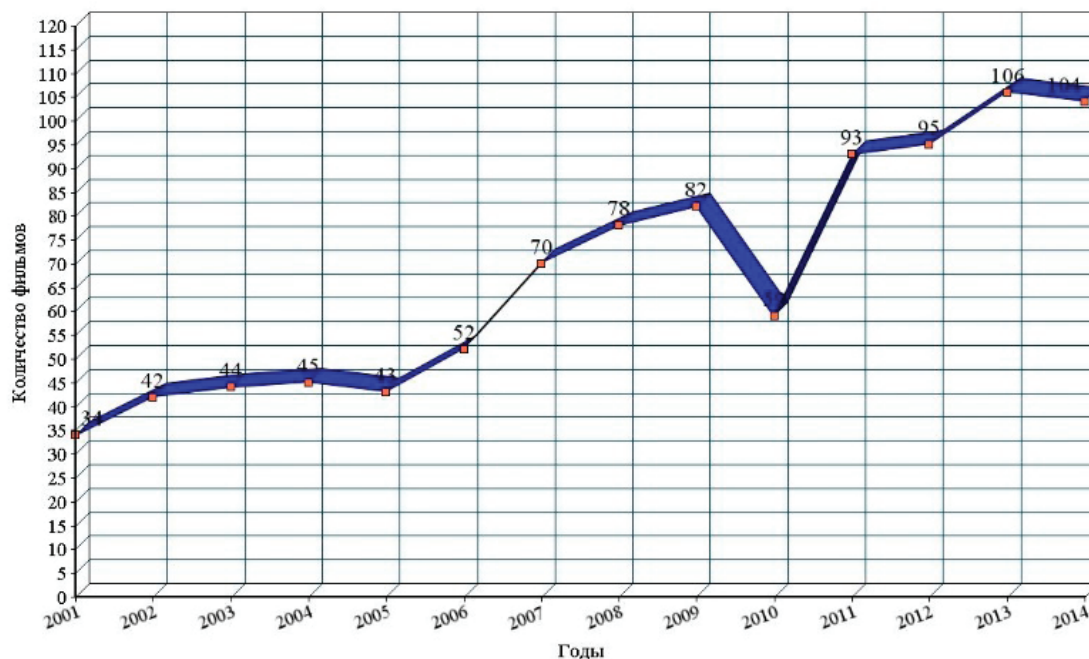

Рис. 1. Научно-фантастические и фэнтези-фильмы, снятые странами Запада за последние 14 лет (по данным Nash Information Services)

ностей. Во-первых, это увеличение возраста киногероя по сравнению с литературным источником (если фильм является экранизацией) и наличие разницы в возрасте между актёром и персонажем, которого он играет. Например, главный герой фильма «Перси Джексон и похититель молний» в первой главе оригинальной книги описывает себя так: «Зовут меня Перси Джексон. Мне двенадцать» [5]. В экранной адаптации же он предстаёт семнадцатилетним парнем. Разница в возрасте — 5 лет. То же самое произошло и с героем фильма «Посвящённый», восемнадцатилетним Джонасом, которому в оригинале было всего двенадцать: «Впервые за двенадцать лет Джонас чувствовал себя не таким, как все» [2].

Во-вторых, наличие разницы в возрасте между актёром и персонажем, которого он играет. В результате сопоставления возраста героя и возраста актёра (выборка — 28 фильмов) с поправкой на год, в котором снимался фильм, оказалось, что большинство актёров старше своих персонажей на 5 и более лет. Возможно, здесь имеет значение не только молодость самих актёров, а зрительское восприятие, когда образ подростка, существующий в их представлении, совпадает с образом, который воплощает актёр (с точки зрения внешних данных и работы гримёров). Таким образом, экранный возраст отличается от возраста реального актёра, что делает экранный образ более оторванным от биологии. Кинематографисты сознательно увеличивают возраст героев или берут на их роли актёров постарше, тем самым конструируя определённый образ подростка, который начинает восприниматься аудиторией как данность.

Социолог и антрополог Игорь Семёнович Кон в своих трудах [1] выявил на критерии отличия между подростком

и взрослым с точки зрения биологии, психологии и социологии: внешние признаки, эмоциональные реакции, отношение к себе, почитаемый авторитет, основной родя деятельности, отношения с родителями, друзьями и противоположным полом, отношение к обществу, отношение к будущему (Таблица 1).

Применительно к героям-подросткам научно-фантастических и фэнтези-фильмов 21 века эти критерии указывают на противоречия между биологическим и социально-психологическим развитием персонажей: герой может выглядеть как подросток, но мыслить, принимать решения, выполнять социальные роли и проч. как взрослый. Для иллюстрации рассмотрим современные фильмы-антиутопии, где главными героями являются подростки: «Посвящённый» (Джонас), «Голодные игры» (Китнисс), «Дивергент» (Трис) и «Бегущий в лабиринте» (Томас).

С точки зрения внешнего вида и уровня физического развития герои выглядят старше возраста, означенного в фильме, однако в сравнении с персонажами, позиционирующимися в картинах, как взрослые, подростки явно моложе, что даёт возможность сделать вывод о том, что в основе идентификации экранного образа лежит сопоставление главных и второстепенных персонажей. Однако одежда героев ничем не отличается от одежды окружающих их взрослых людей, за исключением Томаса, поскольку невозможно определить, как в описываемом мире выглядят взрослые люди (учёные в показанной в конце лаборатории не учитываются, потому что на них надета рабочая форма), так как он на протяжении всего экранного времени окружён своими ровесниками или ребятами младше. Джонас также несколько выделяется из этой группы, поскольку у него есть «возрастной

Таблица 1. Биологические и социально-психологические отличия подростка от взрослого

Критерии	Подросток	Взрослый
Внешние (биологические) признаки	Идёт процесс полового созревания; к 16–17 годам происходит его завершение и «коррекция» некоторых недостатков внешности	Полное завершение полового созревания — целиком сформировавшийся человек
Эмоциональные реакции	Частная смена настроений; свойственна замкнутость в себе	Стабильность, сдерживание и контроль эмоций
Отношение к себе	Чувство собственной уникальности, наличие комплексов по поводу внешности, «свои» проблемы — главные	Самооценка реалистична и объективна, «общие» проблемы — главные
Почитаемый авторитет	«Сотворение» кумира: чаще всего это известная личность, звезда кино или эстрады	Ориентация на старших коллег по службе; стремление быть собой
Основной род деятельности (отношение к труду)	Деятельность учебная; выбирает из большого количества альтернатив, пытается попробовать себя в разных сферах	Постоянная занятость и стабильный доход
Отношения с родителями	Материальная зависимость; конфликты на почве недопонимания	Материальная независимость, уважительное отношение
Отношения с друзьями	«Исповедальность» общения, «группировка» по интересам, однако близких друзей 1–2	Общение с друзьями носит предметный характер; остаются 1–2 близких друга
Отношения с противоположным полом	Гиперсексуальность; самопознание и познание окружающих, как следствие — часто сменяемые партнёры	Поиск эмоциональной близости с одним человеком, на первый план выходит забота о детях
Отношение к обществу	Бунт против системы, отрицание устоявшихся норм и правил, либо полное отсутствие интереса к окружающим	Гармоничное сосуществование
Отношение к будущему	Отдалённая перспектива, склонны больше мечтать, чем делать	Ориентация на ближайшее будущее

атрибут» — велосипед, на котором в мире «Посвящённого» передвигаются только подростки.

С точки зрения эмоциональных реакций среди всех героев наблюдается единство: Джонас, Китнисс, Трис и Томас разумно реагируют на обстоятельства, не замыкаясь в себе и не проявляя частого перепада настроения (Джонас, «вспомнив» о том, что было до создания государства, в котором он живёт, реагирует под стать взрослому человеку — с увеличением эмоциональной нагрузки передаваемого ему сообщения о прошлом, увеличивается и степень реакции, доходящая до плача, однако в конце картины нам показывают такие же заплаканные лица взрослых людей, которые «вспомнили» о прошлом; Китнисс выглядит всегда очень серьёзной девушкой, особенно это заметно в сравнении с остальными ребятами, участвующими в Голодных играх; Трис всегда адекватно оценивает обстоятельства и думает, прежде чем действовать, различна её реакция на смерти матери и отца: если в первом случае она плачет и не хочет отходить от тела женщины, то во втором случае она принимает это, как данность; Томас старается сохранять хладнокровие и трезво обдумывать каждый свой шаг, «прорыв» эмоций, опять же, случается у него только тогда, когда он наблю-

дает за смертью окружающих его детей), их поведение измеримо со степенью тяжести случившихся событий.

В плане отношения к себе герои также практически идентичны и по этому критерию являются взрослыми, они объективно оценивают себя и выдвигают общие проблемы на первый план: Джонас, в первую очередь, думает о том, что все жители государства должны вспомнить о своём прошлом, в то время как проблема преследования его со стороны властей уходит на второй план, кроме того, если поначалу он осознавал себя частью системы, то впоследствии осознал свою уникальность, хотя это не является проявлением подросткового качества в чистом виде, поскольку об этом ему не раз говорили окружающие люди, следовательно, самооценка реалистична; для Китнисс даже во время испытаний Голодных игр жизнь других была важнее своей жизни (например: эпизод из первого фильма, когда девушка принимает решение отдать свою жизнь за Пита, чтобы победителем оказался он; эпизод из второго фильма, когда Китнисс просит Хеймитча во что бы то ни стало защитить Пита, даже если ценой окажется жизнь девушки), а в «Сойке-пересмешнице» переживания по поводу всеобщего блага заслоняют собой личные переживания (показательным является эпизод со

съёмкой агитационного ролика для жителей дистриктов: Китнисс не желает этим заниматься и уподобляться Капитолию, однако долг перед обществом заставляет её согласиться, поскольку этот ролик мог мотивировать людей на поднятие восстания). Кроме того, девушка реалистично оценивает свои способности и не считает себя «избранной» (как думают другие герои этой картины). Трис сначала испытывает проблемы с самоидентификацией, поскольку не знает, к какой фракции принадлежит, однако позже она рискует и делает выбор в пользу той, которая требует наилучшей физической подготовки и силы воли, это говорит о том, что Трис склонна преувеличивать свои способности, однако осознание своей уникальности даётся ей тяжело (в конце первого фильма она единственный раз уверенно произносит «Я — дивергент»), и для неё также решение общих проблем занимает первое место. Томас, попадая в Глэйд с первых же минут начинает думать о том, как выбраться оттуда и вывести остальных (начало фильма — все вопросы героя направлены на выяснение свойств лабиринта и возможности из него выйти), в то время как проблема собственного забытого имени его волнует в последнюю очередь. Говоря о самооценке Томаса, можно отметить, что она немного завышенная (это приближает его к подростку), однако это не только не препятствует его продвижению к разгадке тайны Глэйда, а способствует этому, поскольку, благодаря уверенности в себе и целеустремлённости Томас смог стать лидером среди ребят и убедить их идти за ним, что привело к выполнению изначально поставленной общественной задачи.

Для двоих ребят — Джонаса и Китнисс — почитаемым авторитетом являются их наставники Дающий и Хеймитч (некогда победитель Голодных игр из дистрикта Китнисс). У Трис и Томаса авторитетов, как таковых, нет, однако следует добавить, что Трис ориентируется на своего возлюбленного Фор. Можно сделать вывод, что отсутствие кумиров показывает ребят в большей степени взрослыми, нежели подростками.

По отношению к основной деятельности можно считать ребят полностью состоявшимися взрослыми, поскольку каждый из них профессионально занимается одним делом: несмотря на то, что Джонас только начинает обучаться быть хранителем прошлого, его способности быстро приносят нужный результат и он достигает общественной цели — действует так, чтобы остальные тоже вспомнили прошлое; Китнисс живёт в дистрикте для шахтёров, однако успеха девушка достигла в стрельбе из лука, кроме того, этот навык является для неё средством добычи пищи (и самообороны на Голодных играх) для себя и своей семьи, поэтому его вполне можно считать профессией (обучение этому навыку проходило за кадром — рассказ девушки о том, как отец в детстве учил её стрелять из лука и ориентироваться на местности). Для представителей мира «Дивергента» принадлежность к какой-либо фракции уже является профессией, поэтому, можно сказать, что Трис обладает профессией «бесстрашной», од-

нако в первом фильме для её освоения был проведён курс обучения. Томас же, как только попал в Глэйд, сразу определил для себя, что хочет стать бегуном, а не «фермером» (эпизод, где он в ворчливой манере рассуждает об удобрениях, которые его заставили принести), причём никто не обучал его профессии бегуна, у него оказались в наличии все необходимые навыки.

В отношении родителей у героев проявляются качества взрослых: Джонас живёт с матерью, отцом и сестрой, однако они не являются его биологическими родственниками, кроме того, они эмоционально не связаны друг с другом (эпизод, когда парень спрашивает у родителей любят ли они его, а они отвечают, что это слово устарело, и лучше стоило спросить «гордятся ли они им»); Китнисс является абсолютно независимой от своей семьи, её отец умер, а мать после этого ушла в себя и практически перестала заботиться о девушке и её сестре, поэтому Китнисс пришлось принять на себя социальную роль «кормильца» семьи и самостоятельно добывать пищу; в начале первого фильма Трис кажется привязанной к своим родителям, однако после распределения на фракции оказывается, что эта связь не была столь тесной, как казалось, поскольку девушка не выбирает фракцию своих родителей (Отречение), после чего она целиком и полностью перестаёт от них зависеть; Томас же вообще не помнит своих родителей и, более того, не думает об этом. Тот факт, что парень сначала не помнит даже своего имени является знаком его оторванности и обособленности от семьи.

Отношения с друзьями и противоположным полом стоит объединить, так как для двоих героев эти параметры связаны друг с другом. У Джонаса два близких друга — Ашер и Фиона (исповедальные отношения), причём герой влюблён в Фиону. На протяжении фильма отношения героя с другими девушками не демонстрируются, кроме того, парень встаёт на защиту младенца, что ещё раз подчёркивает его взрослость. В «Голодных играх» демонстрируется классический «любовный треугольник» Гейл — Китнисс — Питт (во всех трёх фильмах франшизы авторы показывают метания девушки от одного парня к другому), что делает главную героиню принадлежащей к подросткам в этой категории. Гейл, кроме всего прочего, является лучшим и единственным другом Китнисс, у них довольно близкие взаимоотношения исповедального характера. У Трис есть пара друзей — Кристина и Питер, однако назвать их отношения близкими сложно, потому что, если в первом фильме они общались на почве обучения навыкам одной фракции, то во второй картине их пути расходятся. Лучшим другом и возлюбленным Трис является Фор, с которым она может обсуждать не только самые сокровенные тайны жизни, но и действовать наравне с ним (исповедальное и предметное общение). В отношении Томаса всё более однозначно: парень не заводит себе близких друзей, все, кто находится с ним в Глэйде, скорее, «друзья по несчастью». Несмотря на то, что впоследствии на территорию Глэйда попадает девушка, чувство Томаса к ней нельзя

назвать романтическим, поскольку авторы фильма никак их не показывают. Поэтому Томас является взрослым в данном случае, он не страдает от гиперсексуальности и здравый смысл для него первичнее личных отношений. Очевидно, что по этому критерию герои в большей степени являются взрослыми.

Относительно всех персонажей можно указать на отрицательное отношение к обществу, в котором они живут, поскольку каждый из них поднимает своего рода восстание против существующей системы. Разбирать подробно каждого героя в этом плане нет необходимости, поскольку по этому пункту всех с уверенностью можно назвать подростками. Напротив, в отношении к будущему все герои являются взрослыми, так как главная черта их поведения на протяжении всего киноповествования — действие сейчас, в данный момент, а не мечтательное откладывание дела на долгосрочную перспективу.

Таким образом, описанные герои-подростки из фантастических фильмов являются в большей мере взрослыми, чем подростками, поскольку по большинству выделенных критериев они проявляют черты «взрослости» в большей

мере, чем черты подросткового возраста. Кроме того, важно отметить, что они создают образ типичного героя-подростка в научной фантастике, так как их характеристики совпадают по многим параметрам: отношения с родителями, физические и эмоциональные признаки, основной род деятельности и другие. Нетрудно заметить, что дети меняются с родителями социальными ролями и встают на их место, то есть взрослые в данном случае теряют своё положение во главе семьи, что, опять же, приводит к раннему взрослению подростков.

Влияние кино на социум и воздействие социума на кино — процесс взаимонаправленный: зрители подражают героям и стараются вести себя так же, как и они (что приводит к взрослению в реальности), а социум подстраивает кино под свои вкусы («голосуя» кассовыми сборами), так как по законам массовой культуры кинематографисты делают то, что должно нравиться большинству, а значит в какой-то мере кино, даже самое фантастическое, должно отражать окружающую потенциального зрителя реальность, в том числе и возрастные сдвиги, наличие которых в обществе научно подтверждено.

Литература:

1. Кон, И. С. Психология юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.
2. Лоис, Л. Дающий. // royallib.com URL: http://royallib.com/read/louri_lois/dayushchiy.html#143360
3. Навигатор по лучшим фильмам // Кинопоиск URL: http://www.kinopoisk.ru/top/navigator/m_act%5Bgenre%5D/2,5/m_act%5Bgenre_or%5D/on/m_act%5Bcountry%5D/1,57,41,11,3,38,59,12,1011,1,8,21/m_act%5Byears%5D/2000:2015/m_act%5Bnum_vote%5D/100/m_act%5Brating%5D/1:/m_act%5Bcountry_or%5D/on/m_act%5Bis_film%5D/on/order/year/#results
4. Постман Нэйл. Исчезновение детства. 1988. Опубликовано на сайте neilpostman.ru. Пер. с англ. А.Т., 2006.
5. Риордан, Р. Перси Джексон и похититель молний // Книжник URL: <http://knizhnik.org/rik-riordan/persi-dzhekson-i-pohititel-molnij/1>
6. Box Office History for Science Fiction Movies // Nash Information Services URL: <http://www.the-numbers.com/market/creative-type/Science-Fiction>; Box Office History for Super Hero Movies // Nash Information Services URL: <http://www.the-numbers.com/market/creative-type/Super-Hero>; Box Office History for Fantasy Movies // Nash Information Services URL: <http://www.the-numbers.com/market/creative-type/Fantasy>
7. Future Identities: Changing identities in the UK — the next 10 years. // GOV.UK URL: <https://www.gov.uk/government/publications/future-identities-changing-identities-in-the-uk>

Межличностная коммуникация в кинематографе

Чивилёв Александр Андреевич, аспирант
Челябинская государственная академия культуры и искусств

Нынешний век высоких технологий характерен тем, что их становится все больше, а сами они становятся все совершеннее, и, вероятно, удобнее. Иногда это приводит к тому, что доверия им оказывается значительно больше, чем своим родным и близким. Интернет и такие его сервисы как «Mail», «Google», «Twitter» и «Facebook», грозят заменить собой реальность, они подменяют не только непосредственную

межличностную коммуникацию (МЛК), но и наши чувства, планы, эмоции. Изучение данных процессов характерных для массовой культуры требует актуальных источников информации. Помимо изучения самой сети Интернет, важную роль играет кинематограф, который является самым популярным и распространенным носителем массовой культуры, богатейшим источником информации.

В современном мире быстро развивающихся технологий и возрастающего темпа жизни, когда печатное слово отходит на задний план, кинематограф получает особые функции, такие как фиксация на экране существующей реальности, ее отражение, а также определение нашего отношения к ней. Недаром телевизионные и компьютерные экраны называют «чёрными зеркалами», которые транслируют жизнь общества, вбирают ее в себя, сохраняют и передают новым поколениям. Анализ МЛК в кино предполагает использования термина — кинодиалог.

Таким образом, актуальным является вопрос теоретического изучения кинодиалога, выступающего в качестве зафиксированного в широком художественном контексте образца МЛК. Однако, несмотря на имеющиеся исследования МЛК в различных областях научного знания, кинодиалог как специфический тип МЛК остается мало изученным.

В последнее время усилилась тенденция сближения науки и кинематографа. Научные открытия оказывают влияние не только на форму, но и на смысловое содержание фильмов, а кинотехнологии применяются в научных исследованиях. Например, в 2008 году была создана Национальная академия наук (NAS) создавшая программу по обмену опытом между работниками научной сферы и работниками в сфере развлечений (The Science and Entertainment Exchange) [4]. В 2011 году проводилась специальная конференция «Наука на экране Голливуда», с участием представителей киностудий, продюсеров, режиссеров, сценаристов, а также представителей научного сообщества [4]. Подобного рода мероприятия становятся тенденцией современного общества и приобретают регулярный характер. В результате, роль ученых в работе над фильмами зачастую выходит за рамки одного лишь консультирования. Все чаще предложенные ими идеи являются основой сюжетов и сценариев.

Однако нас интересует аспект МЛК в кинематографе и его изучение в рамках культурологии. Кино является выразителем особенностей культуры, а так же форм и содержания МЛК, которые ей присущи. Ни для кого не секрет, что в XXI веке читатель в значительной степени сменяется зрителем. Нынешний век — это век визуального представления, когда коммуникация воплощается не только в словах, но и в мимике, жестах, в тонах голоса.

Доминирующей, первичной и естественной формой МЛК в кинематографе является диалог, точнее, кинодиалог. Это обуславливается спецификой кинематографа как зрелищного искусства, где деятельность киногероев эксплицируются видеорядом. При этом монологи могут использоваться как прием развития сюжета. В этом заключена роль комплексных (обращенно-уединенных) монологов, например, записей на автоответчике или видеокассете.

Сам по себе кинодиалог представляет квази-спонтанную форму МЛК, стилизованную согласно художественному замыслу режиссера и ориентированную на особый кинематографический код.

Парадоксально, но специалисты в области культурологии с удивительной тщательностью обходили кинодиалог своим вниманием, что прекрасно характеризует следующее высказывание: «Слово в кино — одно из самых загадочных явлений современного искусства» [2, с. 48]. И действительно, о «слове» в театре известно если не все, то многое, как и о «слове» в художественной литературе. Устная речь также пользуется популярностью как объект исследования. И лишь «слово» в кино культурологи избегают тщательным образом. Это дает нам актуальную проблему, не получившую своего решения и нашедшую косвенное освещение лишь в небольшом количестве исследований. Вдобавок к этому, необходимо учитывать стремительно возрастающую роль аудиовизуальной коммуникации, своего рода «кинематографический бум» в современной культуре и постоянный рост популярности кино. Исследование МЛК в кино представляет собой своего рода социальный заказ от общества и обуславливает ряд новых, ждущих своего решения проблем.

Не нуждается в доказательстве, что «каждое большое и творческое словесное целое есть очень сложная и многоплановая система отношений» [1, с. 297]. Следовательно, исследование кинодиалога как части невозможно без его «носителя» — фильма как целого. Кинодиалог как МЛК в кино является вербальной составляющей гетерогенной семиотической системы — фильма, смысловая завершенность которого обуславливается его аудиовизуальным рядом.

МЛК в кино являет собой социокультурную действительность, которую невозможно изучить в рамках одной дисциплины. Такого рода исследование возможно лишь в продуктивном междисциплинарном взаимодействии между культурологией, коммуникативистикой, лингвистикой, философией, семиотикой и герменевтикой.

Кинодиалог представляет собой особый тип МЛК, который обладает как общими, так и специфическими смысловыми категориями, благодаря чему его можно рассматривать с типологической точки зрения и как единицу анализа в системе подобных форм МЛК.

Кинодиалог определяемый как вербальный компонент фильма, является самостоятельным коммуникационным феноменом, особой формой квазиспонтанной МЛК, подверженной определенной стилизации согласно художественному замыслу режиссера и ориентацией на особый кинематографический код, что выражается в преобладании диалогической формы коммуникации персонажей фильма [3]. В этом отношении кинодиалог ориентирован на художественно-эстетическое воздействие и прагматический эффект. Являясь частью художественного целого — фильма как произведения искусства — кинодиалог предстает, как объект культурологического анализа и направлен на художественно-эстетическое воздействие, достижение коммуникативно-прагматического эффекта.

Изучение кинодиалога открывает слабо разработанную область прикладных исследований, как для куль-

турологов, так и для исследователей других областей научного знания — социологов, лингвистов, психологов и т.д. С социально-культурологической точки зрения, из-

учение кинодиалога представляет интерес в плане изучения форм и содержания МЛК в контексте современной культуры.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Романенко, А. Р. Слово в фильме / А. Р. Романенко. М.: Знание, 1981. 48 с.
3. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс] http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/DIALOG_DRAMATICHESKI.html Дата доступа: 22.06.15
4. The Science and Entertainment Exchange [Электронный ресурс] <http://www.scienceandentertainmentexchange.org/projects> Дата доступа: 22.06.15

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Градостроительный генетический код как «ядро» эволюционного развития архитектурно-планировочной структуры г. Борисоглебска

Асташов Денис Юрьевич, аспирант

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Постановка задачи. Обозначены основные проблемы преемственности в эволюционном развитии архитектурно-планировочной структуры города Борисоглебска.

Результаты. Проведен ретроспективный анализ развития пространственно-планировочной структуры города Борисоглебска, выявлены основные доминанты тектоники предметно-визуального наполнения городской среды, обозначены основные структурные компоненты планировочного «каркаса».

Выводы. Выявленный градостроительный генетический код и структурные особенности города Борисоглебска позволяют определить перспективы дальнейшего развития населенного пункта, сохраняя его своеобразие и идентичность.

Ключевые слова: архитектурно-планировочная структура, тектонические доминанты, идентичность, ориентиры, предметно-визуальное наполнение.

«Квадраты улиц.

Ширь площадей.

Турбин прибой.

Борисоглебск»

Лебедев В. А.

Введение. Социальные, культурные, экономические, производственные и др. процессы, синтезированные в одном, определенном границами месте, образуют сложное многофакторное явление, которое обозначено таким понятием как город. Этимология слова указывает на ряд близких по звучанию слов, таких как огород, огороженный и т.п. Отсюда, очевидно, что изначально понятие город предполагало определенные границы, отделявшие внутреннее от внешнего, замкнутое от открытого, Город от не-Города. Экспансия городских пределов, обусловленная процессами жизнедеятельности населения, при отсутствии координирующего фактора, может послужить к разрушению своеобразия и идентичности населенного пункта. Именно поэтому необходим подробный ретроспективный анализ городской среды, в частности планировочной структуры, до выявления генетического кода, чтобы обозначить дальнейшие интенции развития города.

Город Борисоглебск, имеющий статус «исторический», как и большинство городов имеет свои неповторимые черты, как в архитектурном облике, так и в планировочно-пространственной структуре. Выявление специфики архитектурно-планировочной структуры позволит расставить «ориентиры» для дальнейшего развития, сохраняя особенности и своеобразие города.

1. Предпосылки возникновения города Борисоглебска

Борисоглебск был основан в 1698 году по указу Петра I. После расширения границ государства на юго-восток и взятия Азовской крепости, появилась необходимость в возведении сторожевого пункта. Место, где была возведена Павловская крепость (такое название носила крепость до 1703 года) отвечало запросам военно-оборонительного назначения. Она располагалась на возвышенном месте левого берега реки Вороны на территории нынешнего парка культуры и отдыха [3]. С юга и запада крепость была окружена водными протоками. Перед стенами крепости находился широкий ров, а с севера и юга находились глубокие овраги. Кроме того, с юга и севера крепость была окружена лесами, а с запада, на правом берегу реки Вороны простиралась мощная лесополоса имеющая название Теллермановская роща. Этот лес своим достоянием во многом послужил нуждам государства в строительстве флота.

Тектоника ландшафта местности характеризуется возвышенностями и невысокими холмами. Левый берег Вороны, в районе населенного пункта, в основном, равнина с большим количеством болотистых мест и представляет собой пойму реки, испытывающую на себе активное антропогенное воздействие. Правый берег облесен и значительно возвышается в геотектоническом силуэте местности. Таким образом, поселение находилось в низменном месте на левом берегу реки. Природный ландшафт с севера, запада и юга создавал естественные границы вокруг города. Только степь, простиравшаяся в восточном на-

правлении, содержала мощный потенциал для дальнейшего развития архитектурно-планировочной структуры города (рис. 1).

В 1700 году на слиянии Хопра и Дона возникает Хоперская верфь, где строятся боевые корабли для русского флота. Появляется необходимость в доставке строительного материала, которым богат Теллермановский лес. В этой связи, у города Борисоглебска строится пристань, откуда поставлялся строительный материал — это первый градообразующий элемент города. Но, кроме того, на пристани производился подсобный флот — струги и будуары. С появлением пристани значительно увеличился приток населения, что привело к территориальному расширению города.

2. Дорегулярный период формирования планировочной структуры Борисоглебска

Город, в конце XVII начале XVIII века, состоял из крепости и посада, вокруг которого, по мере развития поселения, образовывались слободы. Они располагались за оврагами. Названия четырех слобод (приворотная, солдатская, станичная и подьячья) отражали их местоположение в городской застройке и контингент жителей. В ходе эволюционного развития города подьячья и приворотная слободы слились в единой планировочной структуре, между тем, как солдатская и станичная слободы до 1936 года представляли собой автономные поселения [5]. В ходе территориального расширения, в связи с отсутствием специально разработанных генеральных планов, планировочная структура слобод складывалась свободно, подчиняясь рельефу местности, образуя криволинейные улицы и переулки. На территории солдатской слободы в восточной части было образовано городское кладбище.

В 1702 году, в ответ на прошение жителей солдатской слободы, была предоставлена грамота на возведение храма во имя Николая Чудотворца [3]. В станичной сло-

боды был построен храм во имя Казанской Божьей матери. Так, с 1702 года начался период храмового строительства. Благодаря специфике образа и конструктивных особенностей культовых сооружений, панорама города приобретает новые тектонические доминанты.

Борисоглебск с течением времени терял свое военное назначение, постепенно налаживая торговые отношения со многими регионами страны, чему способствовало выгодное географическое положение. В статье «Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда», датированной 1849 годом, автор заметил: «Город Борисоглебск по своему географическому положению заслуживает полного внимания в коммерческом отношении; хотя он и стоит в захолустье, будучи удален от больших проездных трактов, но расположенный близ границ Войска Донского, Воронежской и Саратовской губерний, он служит как бы центром для торговли прилежащих мест, а притом развитие судоходства по р. Вороне дает ему еще большее значение» [8, с. 156]. Основными продуктами торговли были хлеб, лес, скот и продукты сельскохозяйственного производства. Корабельная верфь города превратилась в торговую пристань, с которой ежегодно отправлялось от 60 до 90 барж с рожью, овсом, хлебом и лесом в порты Черного и Азовского морей. Переработанное на местных мельницах в крупчатую муку зерно отправляли в Тамбов, Москву, Елец и другие русские города.

Деревянные стены крепости к середине XVIII века обветшали и разрушились. Однако, административный центр города продолжал располагаться в пределах, ранее занимаемой крепостью.

До начала XIX века архитектурно-планировочная структура города формировалась хаотично, подчиняясь рельефу местности. Стихийность формирования планировочной структуры города, при отсутствии координирующего фактора, обусловила конфигурацию кварталов, которые имели неправильную форму, тяготеющую к трапеции. На свободных пространствах города, перед сте-

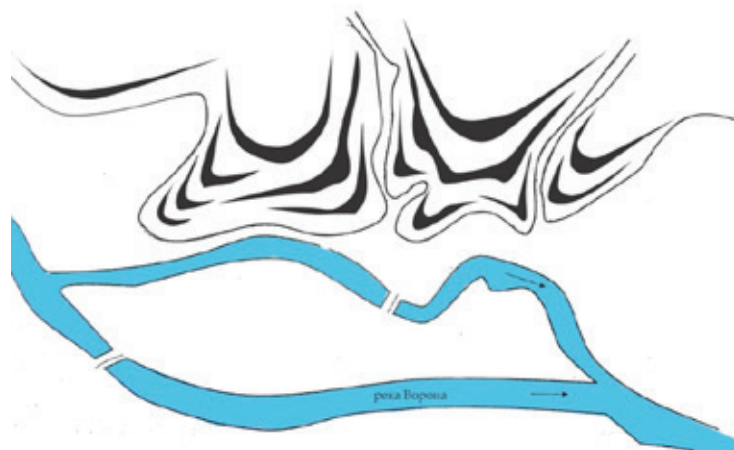

Рис. 1. Специфика геотектоники города Борисоглебска. Зарисовка автора

нами крепости (восточной и северо-восточной) постепенно сформировалась торговая площадь, к которой

сходилась большая часть улиц. Торговая площадь стала центром активной жизни поселения (рис. 2).

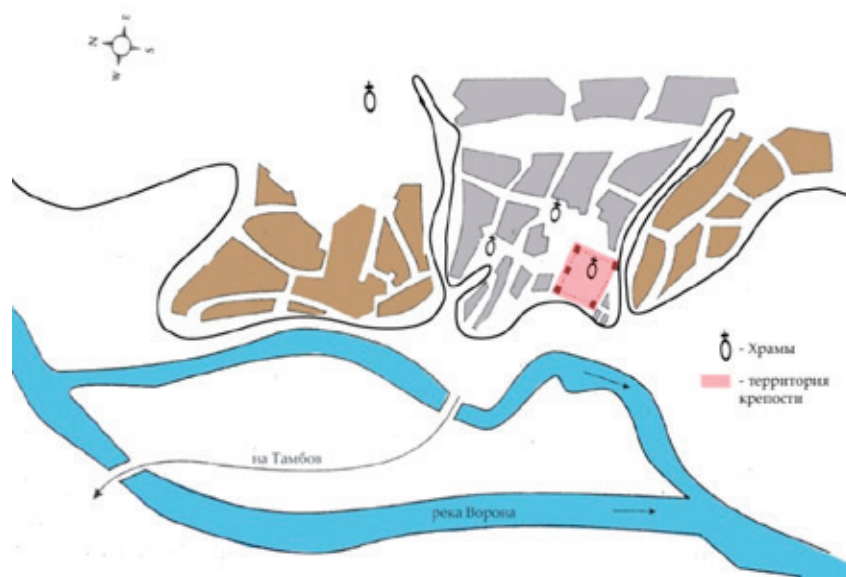

Рис. 2. Планировочная структура города XVIII века. Реконструкция по материалам исследования Кригер Л. В [10]

До конца XVIII века основным строительным материалом в визуально-пространственном наполнении города было дерево, о чем свидетельствует описание 1777 года: «Борисоглебск, город деревянный... Церквей в Борисоглебске деревянных — 3, домов обывательских деревянных — 219. Казенные строения: канцелярия деревянная с архивом — 1. Воеводный дом — 1» [1]. В 1792 году, на месте храма Борису и Глебу, возводится первое в городе каменное строение — Успенский собор. Вокруг него формируется площадь.

Анализируя эволюционное развитие планировочной структуры города Борисоглебска конца XVII на-

чала XIX века, можно сделать вывод, что город принципиально делился на три части, где центральная часть, в которой располагались городническое правление, тюремная изба, денежные кладовые, уездный суд и городская ратуша, а так же торговая площадь, являлась функциональным ядром города. Кроме того, в силуэте города, центральная часть акцентировалась тремя культовыми сооружениями: Казанская, Никольская церкви и храм Борису и Глебу, в то время, как северная и восточная части города имели селитебное значение и не имели выдающихся доминантных сооружений в общей тектоники города (рис. 3).

Рис. 3. Предполагаемая тектоника застройки XVIII века. Схематичная зарисовка автора

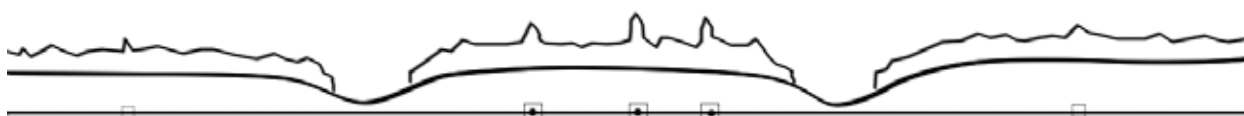

Рис. 4. Выявление тектонических акцентов набережной города Борисоглебска в XVIII веке

Таким образом, в дорегулярном периоде формирования планировочной структуры главной особенностью являлось:

— сохранение центральной части города административным центром;

- северная и южная часть города сохраняли сели-тебное значение;
- обозначение центральной части города тремя тектоническими доминантами.

3. Формирование регулярной застройки города

С начала XIX века начинается новый этап формирования архитектурно-планировочной структуры, когда Александр I, в 1806 году, 19 октября, утверждает генеральный план для города Борисоглебска, который предполагал собой регулярную планировку [9]. Городские границы с севера, востока и юга, согласно документу, ограничивались валом с востока и юга и проходили по нынешним улицам Октябрьской, Свободы и Гагарина. С западной стороны естественной границей оставалась река Ворона и Теллермановский лесной массив. Генпланом предполагалась регулярная застройка с прямоугольными и трапециевидными кварталами, прямыми, широкими улицами и просторными площадями.

Городские пределы, по новому плану, включали в себя территории слобод, отодвинув их дальше на север и на юг. Сетка улиц была запроектирована по широтам и меридианам, образуя четко очерченные кварталы. Принципиальное разделение города на три части, где центральная часть была функциональным ядром, сохранилось в планировочной структуре города, являясь его генетической особенностью.

В средней части города сохранялись главные композиционные акценты — храмы, с площадями вокруг них. В центре города была обозначена четкими границами торговая площадь, сформированная еще до регулярной планировки, в границах которой расположены были торговые ряды, выстроенные до 1770-го года [7]. Она расположена была на главной широтной оси и являлась центром активной жизни населения. Данная часть города сохраняла свой административно-функциональный характер. В западной части города расположена была улица Садовая — меридиональная ось города, на которой размещались Старо-Соборная (с юга) и Казанская (с севера) площади (рис. 6).

Рис. 6. Основные структурные элементы города в XIX веке: ул. Матросовская, ул. Охлябинская с Торговой площадью — которая являлась основной площадью города и улица Садовая с двумя храмовыми площадями

Проектный вариант плана вводил жесткие регламенты по размещению и строительству промышленных, общественных и других зданий. В этой связи, в пойме реки Ворона, находились пивной, кожевенный, мыловаренный, воскобойный, винный заводы, шерстомойни и водяные мельницы, что соответствовало описанию к генплану, где сказано было, что «... кожевенные и прочие заводы и скотобойни — по течению реки ниже города, дабы от них в город не происходило нечистоты и дурного воздуха. Пивоварни — при реке выше скотобоев...» [2].

Внедрение камня в качестве строительного материала в предметно-визуальное наполнение города происходило медленными темпами. Только к середине XIX века в городе, согласно генеральному плану 1847 года, насчитывалось около 20 домов. В 1811 году возводится Казанский храм с пределами св. Николая Чудотворца и св. Дмитрия Ростовского, в стиле классицизма — значительное каменное сооружение города, как в эстетическом, так и в композиционно-тектоническом плане. На Торговой

площади, в 1859 году, был построен храм Преображения, названный вскоре «Новым собором», в честь которого была переименована площадь в Новособорную. Это сооружение стало главным ориентиром улицы Охлябинской и Верхнеплощадной, а так же композиционным центром планировочной структуры города, так как по своим размерам превосходило остальные храмы города (рис. 7).

Таким образом, в «старой» части города наблюдается тяготение к треугольнику, который визуально образовывали три храма. С появлением храма Преображения этот «треугольник» стал почти равнобедренный (рис. 7).

Развитие торговых отношений со многими регионами страны и за рубежом обусловило возникновение производственных сооружений. К 1862 году в городе насчитывалось 29 производственных предприятий, в числе которых были кирпичные, салотопенные, кожевенные, мыловаренные, воскобойные, шерстомойных заводов, которые являлись главными градообразующими элементами [7]. В свою очередь, развитие промышленного производства

Рис. 6. Перспектива улицы Охлябинской (после названная Дворянской, на сегодняшнее время улица Советская). Ориентирована на запад и завершается выходом к реке, за которой высится Теллермановская роща. Доминантой и ориентиром служил храм Преображения. Зарисовка с фото нач. XX века

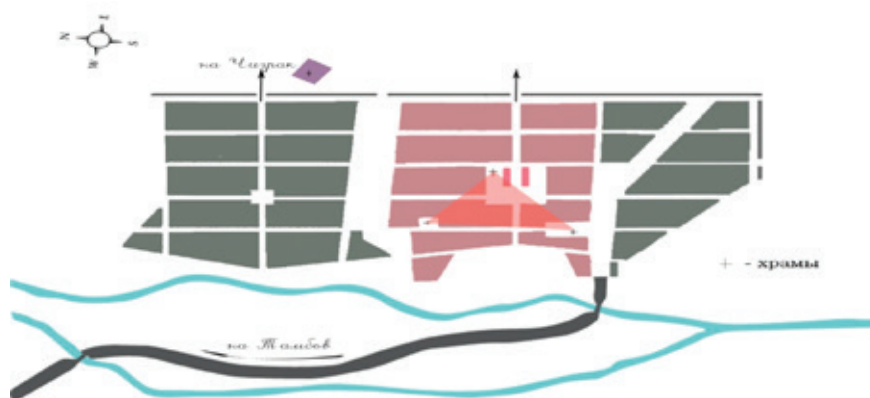

Рис. 7. «Сакральный треугольник», образованный тремя храмами: Успенским, Казанским и Преображенским. Визуально образованная фигура темя доминантами города носила в себе ценностно-смысловой компонент, генерирующий в себе «дух места»

укрепило экономику города, что повлияло на рост численности населения. С увеличением численности населения возникла необходимость в расширении городских границ и застройки новых территорий. В этой связи, разрабатывается новый генеральный план города, утвержденный 7 марта 1867 года, согласно которому город получает развитие в восточном направлении.

Особенностью второго этапа формирования регулярной пространственно-планировочной структуры явилось придание новой части города формы, близкой к квадрату. Согласно генеральному плану, город ограничен был с восточной стороны улицей Кладбищенской (ныне Чкалова), с южной стороны — улицей Хоперской (ныне Первомайская), с севера застройка ограничивалась территориями многочисленных заводов. Кварталы этой части города были значительно меньше и более квадратные.

К началу XX века основной композиционной и функциональной осью города являлась меридиональная улица Свободы, на которой располагались уездная, городская, мещанская управы, несколько промышленных заведений, гимназия, типография. На новой оси формируются две площади: Ярморочная, получившая название в связи с ежегодными ярмарками, проходившими 8 июля и 22 октября, и Хлебная, занимавшая территорию четырех кварталов и ставшая основным планировочным ядром города и центром активной жизни населения [8]. Улица Большая (ныне Свободы) явилась границей между «старой» частью города и «новой», разделяя город на западную часть и восточную (рис. 8).

В центре площади, в 1901 году, возводится культовое сооружение — Сретенская церковь, являющееся главной доминантой города. Одно время храм хотели переимено-

Рис. 8. Основные структурные элементы города Борисоглебска XX века. Главной композиционной осью города стала улица Большая (Свободы) с двумя площадями — Ярморочной (севернее) и Хлебная

вать и дать название в честь святых Бориса и Глеба, так как это был самый крупный и красивый храм города. Однако, храм простоял всего 30 лет, и в 1931 году был разобран «на кирпичи, для нужд народного хозяйства». Восточнее, на меридиональной оси города, в границах улиц Дровяной и Сенной (сегодня это границы улицы Победы и Сенной) формируются две площади: в южной части — Дровяная, в северной — Сенная.

Важным событием в жизни города стало строительство железной дороги (Грязи-Борисоглебск-Царицын) в период с 1868 по 1871 годы, проходившей по южной границе города. Этот факт сыграл большую роль не только в экономическом плане, улучшив и укрепив торговые отношения, но и в градостроительном, так как в этой части города формируется новый, привокзальный район. В этом районе, в центре которого располагалось здание вокзала с привокзальной площадью, главным градостроительным принципом являлся функционализм, где промышленная зона располагалась в восточной части, с севера — сели-тебная зона, а с запада находилась общественно-социальная зона. Таким образом, прослеживается новая композиционная ось в центре восточной части города с тремя площадями.

Северная часть города обуславливалась крупной хозяйственно-промышленной зоной города, так как здесь сконцентрировано было множество заводов (салотенные, кирпичные, скотобойни и т.д.), ярморочная площадь, ипподром и три кладбища.

В 1936 году в границы города были включены Солдатская и Станичная слободы, планировочная структура

которых на протяжении всего времени формировались свободно, подчиняясь ландшафту местности и главным осям города. Слободы, до сих пор, образуют отдельные части города и ярко контрастируют с регулярной планировкой центральной части города. Однако, если планировочная структура Солдатской слободы образует изогнутые улицы, то в Станичной слободе застройка велась параллельно железной дороге, поэтому улицы здесь более прямые, а кварталы тяготеют к прямоугольнику.

4. Современное состояние города.

После строительства железной дороги торговые отношения города приобрели новые масштабы, что укрепило и усилило экономическое благосостояние города. Строительство и ввод в эксплуатацию новых заводов позволило городу выйти на высокий уровень в торгово-финансовом и культурном значении в Черноземье. Эти факторы, соответственно, повлияли на территориальный рост городских пределов. В ходе эволюционного развития, город Борисоглебск претерпел множество изменений и в архитектурно-планировочной структуре (рис. 9).

Необходимо выделить основные особенности преемственного развития планировочной структуры города Борисоглебска:

- сохраняется преемственность регулярной планировки города;
- сохраняются выходы широтных улиц к реке Вороне;
- набережные улицы подчинены тектонике ландшафта;
- основной структурной и композиционной осью города остается городской бульвар — улица Свободы;

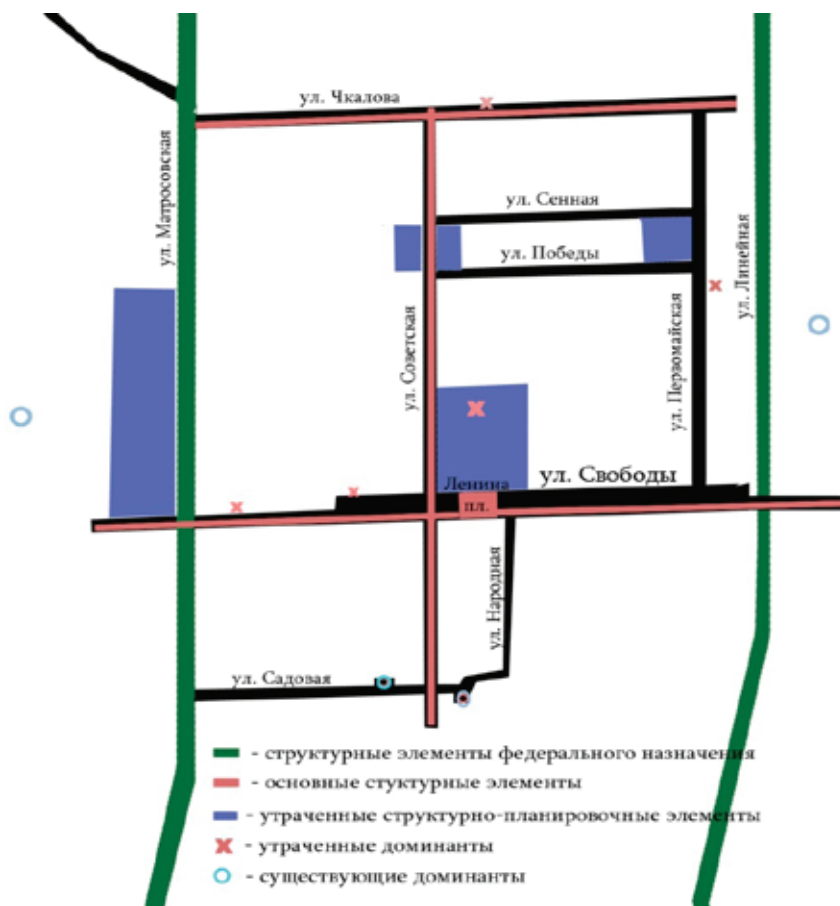

Рис. 9. Основные планировочно-структурные элементы города Борисоглебска

– узловыми точками (по К. Линчу) сохраняются пересечение улиц Матросовкой, Советской и Линейной с улицей Свободы.

Основными структурно-планировочными и образно-тектоническими утратами являются:

- застройка площадей Сенной, Дровяной, Хлебной, Торговой (Новособорной);
- разрушение Сретенского храма — основной тектонической и духовно-ценностной доминанты города;
- снос храма Преображения и как следствие — разрушение «сакрального треугольника», и нарушение тектоники «главного фасада» города.

Выводы. Ретроспективный анализ развития города позволил выявить особенности и идентичность архитек-

турно-планировочной структуры. Активная застройка главных структурных элементов города — площадей — в XX веке, происходит вследствие урбанизационных процессов. Однако, городу удается сохранить свое своеобразие за счет главных артерий города — улица Свободы, Советская, Матросовская и узлов, образованных их пересечением. В «старой» части города главной меридиональной осью служит улица Садовая с двумя доминантами — Успенским и Казанским храмами.

В целом, преемственность в планировочной структуре сохраняется, однако есть тенденции по разрушению образно-тектонических доминант, что, при отсутствии координирующего фактора, приведет к утрате целостности восприятия городской среды и к феномену отчуждения.

Литература:

1. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 18666, 1777 г. Описание Воронежской губернии.
2. РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 13, План г. Борисоглебска в проектируемом виде.
3. Апальков, Ю. А., Голованов В. М. Крепость на Хопре. — Борисоглебск 1997. — 50 с.
4. Асташов, Д. Ю. Крепость как функциональное ядро города. Предпосылки возникновения и развития города Борисоглебска [Текст] / Д. Ю. Асташов // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 900–903.
5. Борисоглебский край. Историко-краеведческий сборник. Сост. В. В. Самошкин. Вып. 1. Борисоглебск, 1998. — 127 с.
6. Городские поселения в Российской империи. Т. 5, ч. 1. — С. — Петербург, в типографии К. Вульфа. — 1865.
7. Зайцева, А. А., Кригер Л. В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли (Материалы Свода памятников Воронежской области). — Москва 1994. — 199 с.

8. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (Избранное. Том 2), 2009. — 428 с.: ил.
9. Кригер, Л. В. Воронежская область: исторические города. Визитная карточка / Л. В. Кригер. — Воронеж, ООО «Творческое объединение «Альбом», 2007. — 48 с.: ил. (Серия «Визитная карточка: Города России»)
10. Л. В. Кригер, Г. А. Чесноков. Архитектура исторических городов Воронежской области. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2002. — 302 с.
11. Статистические данные к оценке городских недвижимых имуществ Тамбовской губернии. Выпуск II. — Тамбов: Издание Тамбовского губернского Земства, 1903.

Эксцентричность и конфликтность личности А. Н. Скрябина

Полякова Светлана Николаевна, учитель музыки
ГБОУ Школа № 1273 с углубленным изучением английского языка (г. Москва)

В статье рассматривается личность выдающегося композитора А. Н. Скрябина с точки зрения соотношения эксцентричности и конфликтности индивидуальных личностных характеристик. Показано, что фундаментальной психологической чертой характера музыканта является его эксцентричность, помогающая художнику утверждаться в искусстве и избегать негативных конфликтов, не уходя от принципиальных разногласий в вопросах творчества со своим профессиональным окружением.

Ключевые слова: индивидуальные личностные характеристики, эксцентричность, внутрличностные и межличностные конфликты.

XXI век — век ускорения темпа жизни и времени, век стремительного развития информационных технологий и, как следствие, внутреннего напряжения и стресса, который негативно сказывается не только на физическом здоровье, но и на социальном взаимодействии людей. Более того, эта проблема становится повсеместной и, самое главное, затрагивает не только взрослых, но и детей. Людям становится труднее друг с другом общаться и взаимодействовать, правильно слышать и слушать собеседника, сосредотачивать внимание на другой личности, а без всего этого невозможно гармонично, мирно и бесконфликтно сосуществовать друг с другом. Конфликты, бесспорно, являются неотъемлемой частью жизни людей, нередко в итоге оказывая не только деструктивные, но и конструктивные результаты на личность человека, однако в последнее время, все меньше и меньше позитивного и созидательного воздействия можно наблюдать от исхода конфликтных ситуаций.

“Под социальным конфликтом учеными понимается наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу.” [1] Конфликты глубоко укоренились в различных сферах жизни людей, начиная с трудовой деятельности и заканчивая семейными отношениями. Ситуация настолько усугубилась, что в нашей действительности потребовались специалисты — конфликтологи, способные оказать профессиональную квалифицированную помощь — разрешать конфликты между людьми на различных уровнях.

На первый взгляд, личность А. Н. Скрябина, великого русского композитора, философа и даже мистика,

кажется не совсем уместной для изучения в сфере человеческих отношений и конфликтологии в целом, однако повсеместно в музыкальном мире известно, что музыкант, являлся совершенно незаурядным и самобытным человеком, начиная с его щегольской внешности и заканчивая экзальтированным видением реальности этого мира. “Особенно запечатлевались его глаза; опьяненные той внутренней, интенсивной игрой творческой фантазии, которая была ему так свойственна, иногда отсутствующие, как бы ушедшие в себя глаза, а иногда вдруг ужасно оживленные, бедовые, даже шаловливые и добрые.” [10] Его недолюбливали еще в консерватории, как товарищи, так и профессора, за заносчивость и отрешенность. «Задашь ему одно, а он приносит совсем не то, сумасброд какой-то!» — возмущался педагог по классу свободного сочинения А. И. Аренский. Чуть позже, когда он стал вольным художником, в музыкальном свете про него ходили чудовищные слухи «о его безумных замыслах». В печать проникали сведения о написании им “Сатанической поэмы”, затем о том, что он написал “философскую симфонию”, и что в этой симфонии звуками изображается развитие мирового духа, который приходит к какому-то “самоутверждению”. Помню, читал я эту заметку и смеялся — что за чепуха? Какое такое самоутверждение и почему (надо) такие вещи излагать музыкой, когда их лучше изображать словами, если только вообще это все нужно. Бедный какой-то мировой дух, который еще нуждается в самоутверждении.” [6]

Большинство посмеивалось над ним, так как не понимало его жизненной философии и, к сожалению, даже самый близкий круг его общения поддакивал или помалкивал в зависимости от ситуации, чтобы ненароком не об-

рушить на себя обиду или гнев этого величайшего художника, и, тем самым, оттолкнуть его от себя.

Жизнь и творчество этого великого человека является примером того, как совершенно различные и порой крайне противоречивые качества человеческой натуры и человеческого характера могут ужиться совершенно гармонично, не вызывая внутренних противоречий, состояний внутреннего противоборства, в конце концов, внутриличностного конфликта. Не говоря уже про его внутреннее самообладание перед многочисленными людьми, от которых внутренне он был совершенно далек, но внешне никогда не показывал, хотя очень часто именно это раздражало собеседников больше всего.

Одним словом, этот человек не просто великий композитор, он — пример высочайшего самообладания, открытости, человеколюбия, но в то же время, не в ущерб для других людей, идейный вдохновитель и воплоитель собственных взглядов. И это касалось не только его творчества, но и жизненных позиций и принципов. Он имел способность привлекать к себе повышенное внимание, обусловленное нестандартностью мышления, креативным подходом к любому виду деятельности, а также безудержным оптимизмом.

Все эти черты присущи эксцентричной личности. В широком смысле **“эксцентричность** — парадоксальные действия, в которых наличествует смещение по отношению к обыденной логике. Проявляется в чудаковатости манер, искусственности поз, утрированных жестах и мимике, своеобразной манере речи и письма, стремлении к экстравагантности в одежде.” [5] Эксцентричность Александра Скрябина проявляется по-доброму, исключительно “по-детски”, и когда на горизонте появляется такой “большой ребенок”, для общества, а конкретнее, для его окружения наступает момент неловкости, некоей отягощенности, у кого-то даже исключительного отрицания такой личности. Поэтому не удивительно, что Скрябин имел много недоброжелателей на протяжении всей своей жизни. Кто-то из них просто удалялся, завидев вдалеке небольшого роста усатого композитора, кто-то совершенно открыто набрасывался со своими претензиями и несогласиями. Число таких случаев бесконечное и, читая воспоминания современников Александра Скрябина, диву даешься, что все эти “открытые нападки” принадлежат культурным людям, интеллигентам того времени. А каково же было отношение самого Александра Скрябина к своим недоброжелателям?

Сам композитор всегда находился “над”, как бы сверху, по отношению ко всем людям и конфликтным ситуациям.

Литература:

1. А. Я. Шипилов, А. И. Шипилов “Конфликтология” — М. 2011.
2. А. Я. Шипилов, А. И. Шипилов “Словарь конфликтолога — М. 2010.
3. И. Белза “Александр Николаевич Скрябин” — М. 1987.
4. Н. В. Гришина “Психология конфликта” — С-Пб. 2008.
5. Р. М. Грановская “Творчество и конфликт в зеркале психологии” — С-Пб. 2010.

И это касалось не только тех, кто его недолюбливал, но и тех, кто боготворил. Именно это качество, как мне кажется, было одним из ключевых для Александра Скрябина, именно благодаря ему он был защищен от реальной негативной информации.

Таким образом, можно утверждать, что А. Н. Скрябин был не только великим музыкантом, но и тонким психологом и дипломатом. Безграничная вера в высокое жизненное предназначение помогала ему либо избегать нежелательных конфликтных ситуаций, либо оценить их с позиции собеседника и не реагировать болезненно на его действия как оппонента.

В связи с этим уместно выделить несколько основных жизненных принципов композитора, на которые он стремился опираться как во внутриличностных, так и в межличностных конфликтах:

1) Верить в свое жизненное предназначение несмотря ни на что!

2) За любой конфликтной ситуацией наблюдать со стороны!

3) Считать себя центром Вселенной, со своей уникальной линией судьбы, а все мое социальное окружение — это “околосолнечные орбиты”!

4) Чаще улыбаться и проявлять доброжелательность к собеседнику, даже если приходится переступить через себя!

5) Заниматься в жизни любимым делом, чтобы именно оно приносило мне пользу!

Конечно, при повышенной ранимости психики, случались ситуации “сверхобидчивости”, но они не определяли основную линию поведения А. Н. Скрябина с его социальным окружением. Фактически, между такими личностными характеристиками, как эксцентричность и дипломатия, в характере и личностном облике композитора ставится знак равенства.

Во все времена были, и будут жить такие яркие и неординарные личности, они “двигатели” этого мира, со своим особым мироощущением и мировосприятием. Чаще всего, мы можем наблюдать, что именно такие личности являются нарушителями общественных норм и правил, они говорят, что думают, делают то, что считают нужным, ни на кого не смотрят, не думают, что про них говорят, таким образом, являясь открытыми сторонниками конфликтов. А. Н. Скрябин был исключением из этих правил, обладая всеми вышеперечисленными характеристиками, при этом он был наделен чувством такта, аристократическим благородством, вежливостью, умением держать себя при любой аудитории.

6. Л. Л. Сабанеев “Воспоминания о Скрябине” — М. 2003.
7. Скрябин в квадрате. — М. Издательский дом “Классика XXI”, 2008.
8. Ю. Ханон “Скрябин как лицо” — С-Пб. 1995.
9. С. Н. Куровская “Конфликтология в социально-педагогической деятельности” — Минск — 2012.
10. Морозова, М. К. “Воспоминания о А. Н. Скрябине” — Советская музыка: журнал. — 1972. — № 1

ФИЛОЛОГИЯ

Изучение русских глаголов движения с приставкой от- и способы её выражения в персидском языке

Ахмади Мирейла, кандидат филологических наук, доцент;
Гамарпур Тахере, магистр
Университет "Тарбиат Модарес" (г. Тегеран, Иран)

Статья посвящена сравнительному анализу глаголов движения с приставкой от-. Анализ рассмотренной конструкции раскрывает способы выражения глаголов движения с приставкой от- в персидском языке.

Глаголы движения с приставками в русском языке передают более разнообразные значения по сравнению с персидским языком. Сопоставление структур разных языков и знание их различий является важным шагом на пути к составлению учебных материалов для изучающих иностранных языков. Различия структур родного и изучаемого языков приводят к интерференции и возникновению ошибок у учащихся. Зная причину своих ошибок, студенты легче будут преодолевать проблемы, связанные с освоением иностранного языка.

Глагол в русском и персидском языках

«Академическая русская грамматика» характеризует глагол русского языка таким образом: «Глагол это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения категорией рода».

Глагол имеет следующие классы форм: 1) спрягаемые формы, т.е. представляющие изменение глагола по лицам, временам, наклонениям, числам и (в прошедшем времени и сослагательном наклонении) родам; 2) инфинитив; 3) причастия и деепричастия. Морфологические категории глагола различаются по составу охватываемых ими форм. Категории вида и залога присущи всем формам глагола, включая причастия и деепричастия. Категориями наклонения обладают все спрягаемые формы, но она не свойственна формам инфинитива, причастий и деепричастий. Категория времени присуща лишь формам изъявительного наклонения, но отсутствует в формах сослагательного и повелительного наклонения. Категория лица свойственна формам изъявительного наклонения (кроме форм прошедшего времени) и формам повелительного

наклонения. Не обладают категорией лица формы сослагательного наклонения, инфинитива, причастий и деепричастий. Категория числа свойственна всем формам глагола, кроме форм инфинитива и деепричастий. Категория рода присуща в единственном числе лишь формам прошедшего времени и сослагательного наклонения; у причастий категория рода относится к тем морфологическим категориям, которые связывают причастия с прилагательными». [Академическая русская грамматика, 1980: 1384]

А.Н. Тихонов о глаголе говорит, что «Глаголы обозначают процесс и выражают это значение в формах вида, залога, лица, числа, рода, времени, наклонения, выступают в функции простого глагольного сказуемого. Понятие процесса предполагает те или иные изменения. Любые изменения происходят во времени. Значение времени, временной протяженности является характерным признаком любого глагола».

Грамматические формы глагола делятся на два разряда: 1) неопределенная форма (инфинитив); 2) спрягаемые формы.

Для всех форм глагола характерна не только лексическая, но и грамматическая общность. Спрягаемые формы и инфинитив одного глагола имеют одно и то же видовое и залоговое значение. Так, инфинитив *строить (дом)*, форма первого лица единственного числа (*я строю (дом)*) одинаково обладают значением несовершенного вида и действительного глагола. Неопределенная форма глагола употребляется в роли, подлежащего и второстепенных членов предложения». [Тихонов, 2003: 305–306]

Д.Э. Розенталь в своей книге «Современный русский язык» определяет глагол русского языка таким образом: «Глагол — это знаменательная часть речи со значением действия или состояния, выражающая эти значения с помощью категорий вида, залога, времени, лица,

наклонения и выполняющая в предложении в основном функцию сказуемого. Глагол может называть конкретное действие (*читать, строить*), движение и перемещение в пространстве (*идти, летать*), физическое и душевное состояние (*болеть, радоваться*), деятельность органов чувств (*видеть, слышать*), изменение состояния (*слабеть, худеть*). « [Розенталь, 2005: 223]

Ю. А. Рубинчик о русском глаголе так говорит: «Персидский глагол характеризуется грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога и имеет богатую систему форм. Грамматические формы глагола в зависимости от типа образования делятся на синтетические (простые) и аналитические (описательные). Простые формы образуются из глагольных основ при помощи личных окончаний и приставок *می* и *به* или без них. Аналитические формы глагола обычно состоят из двух или нескольких слов, из которых одно всегда — вспомогательный глагол. Все глаголы имеют один тип спряжения. « [Рубинчик, 2005:827]

Персидские грамматисты не характеризовали для персидского глагола категорию вида, как она есть в русском языке. Хотя, надо указать, что Фаршидвард в своей книге так высказывает своё мнение о категории вида в персидском языке: «характеристики глагола с точки зрения его обозначения на начало, длительность, завершение, законченность и незаконченность действия, и с точки зрения его связи с определённым временем, называется видом (аспект)». [Фаршидвард, 1384 (2005): 379]

В грамматике персидского языка присоединение приставок к глаголом как и в русском языке играет значительную роль и в грамматической и в семантической структуре персидских глаголов, зато есть ряд различий между этими языками в процессе префиксации.

Ахмади-Гиви говорит: «приставка — это морфемы, присоединяющиеся к началу морфем или лексем и в результате этого их лексическое значение». [Ахмади-Гиви, 2005, 274]

Глагол выражает отношение действия к моменту речи. В русском языке 3 времени: настоящее, прошедшее и будущее время. Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. Вид — это категория глагола, выражающая ограниченность или неограниченность протекания действия по отношению к его Глагол в русском языке обозначает процесс и выражает это значение при помощи категорий вида, залога, времени, лица, наклонения и выполняет в предложении в основном функцию сказуемого. Глагол имеет следующие классы форм: 1) спрягаемые формы; 2) инфинитив; 3) причастия и деепричастия. Инфинитив — это начальная, исходная форма глагола, которая называет действие или состояние без указания на субъект и время действия, на его отношение к действительности и выражает только значения вида и залога.

Наклонение глагола — это морфологическая словоизменительная категория, которая выражает отношение действия к действительности. Глагол имеет три

наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Категория времени пределу. Категорией вида охватываются все глаголы. Почти все русские глаголы имеют две формы — несовершенного вида и совершенного вида. Глаголы движения обозначают движение в пространстве. Они составляют 18 пар. Первые глаголы в каждой паре обозначают действие, совершающееся в одном направлении, в определённый момент, а вторые обозначают действие без указания на направление. Глагол в персидском языке является одним из важнейших слов, который выражает действие или состояние и в предложении является главным словом. Глагол является необходимой частью каждого предложения и обычно стоит в конце предложения. Глагол в персидском языке спрягается и хотя считается одним словом, выражает четыре значения: действие, время, лицо, число. Русские глаголы имеют категорию вида, но в персидском языке она отсутствует. В грамматике персидского языка присоединение приставок к глаголам как и в русском языке играет значительную роль и в грамматической и в семантической структуре персидских глаголов, зато есть ряд различий между этими языками в процессе префиксации.

Приставка в русском и персидском языках

Н. Н. Дурново в своей книге дает такое определение: «Префикс — это аффикс, стоящий перед основой. Префиксы существуют во многих языках, но в европейских языках редки. Что касается русских приставок в сложении с глаголами, то они не являются приставок, почти присоединяются не к основе, а к целому слову и таким образом сами не образуют форм отдельных слов, а только вносят известные частичные изменения в значение целых слов, имеющих форму независимо от этих приставок; сравните: *приходить, прихожу* со словами *ходить, хожу*». [Дурново, 2001: 83]

По мнению П. А. Леканта: «Префиксы (латинский *praeſixus* — прикрепленный спереди), называемые также приставками, которые находятся в слове перед корнем (*прибегать*) или другим префиксом (*призадуматься*).

В русском языке префиксы никогда не бывают самостоятельными средствами словоизменения, окончания же всегда выполняют словоизменительную функцию». [Лекант, 2001: 185]

В книге «Лингвистический энциклопедический словарь» аффикс характеризуется таким образом: «Аффикс (от латинского *affixus* — прикрепленный) — служебная морфема, минимальный строительный элемент языка, присоединяемый к корню слова в процессах морфологической деривации и служащий преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях; важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений; часть слова, противопоставленная корню и сосредоточивающая его грамматические или словообразовательные значения.

По положению относительно корня аффиксы делятся на: префиксы, или приставки, помещаемые перед корнем т.д.; префикс присоединяемый к глагольной основе, обозначается термином «преверб»; постфиксы, иногда называемые также прилепами (например любой аффикс, стоящий в слове или словоформе после корня); инфиксы, помещаемые в середину корня; интерфиксы, служащие связи корней и помещаемые между двумя корнями (сравните русский «овцебык», «домострой», немецкий Arbeitsplan, рабочий план) или между корнем и суффиксом (сравните русский «шоссе — шоссе́нный», «там — тамошний»), иногда именуемые также прокладками; трансфиксы, «разрывающие» корень из согласных определенными гласными по схеме соответствующие парадигмы; конфиксы, или циркумфиксы, комбинации из префикса и постфикса, функционирующие совместно, использование конфиксов именуется парасиндезом, т.е. одновременным участием в синтезе слова двух разных аффиксальных средств; амбификсы — аффиксы, способные занимать разные положения относительно корня». [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 59]

Марзбан Рад считает, что «приставка — морфема, которая стоит в начале какого-либо слова и изменяет его значение. Например: *کنش* значит *کار*, *واکنش* *ا* значит *عکس* *مراجعت کردن*, *روی بازگشتن* *ا* *گردیدن* синоним *العمل*; *گشتن آوردن*.

Также слова (ادب, کار, کلاس, هوش): имена существительные, *ا* (بادب, پرکار, همکلاس, بیهوش): имена прилагательные». [Марзбан Рад, 1358: 150]

Нател Ханлари определяет приставку следующим образом: «Приставка — морфема, которая не имеет самостоятельного значения и не употребляется отдельно, но образует новое слово из другого слова и стоит перед другим словом. Например: *بی* *تا*, *بی* *بیکار* в словах *نامید*, *بیکار* *تا*. [Нател Ханлари, 1359: 163]

По мнению Ахмади Гиви и Анвари:» приставки — морфемы, стоящие в начале слова или группы слов и придают им новый смысл и в некоторых случаях изменяют их грамматическую категорию». [Ахмади Гиви, Анвари, 1373: 229]

Следовательно по Анзали: «В персидском языке есть морфемы, которые сами по себе не имеют значения и смысла, однако в случае присоединения к началу или середине или концу других слов, изменяют их значение и образуют новые слова с другим смыслом. Эти слова называются аффиксами или частицами. Аффиксы, стоящие в начале слов, называются «префиксами или приставками» [Анзали, 1370: 127]

«Приставки разделяются на глагольные, определительные и обстоятельственные и стоят перед главным словом в предложении». [Нобахар, 1372: 22]

Приставки образуют глаголы с новым значением. Приставки в персидском языке употребляются с существительными, прилагательными и глаголами.

«В персидском языке некоторые глаголы образуются путём соединения одного простого глагола с приставкой. Эти приставки в прошлом были «наречиями», а в современном персидском языке не играют такую роль и их основное значение почти ослабело». [Лазар, 1384: 323]

Префикс — это аффикс, стоящий перед основой. Некоторые приставки являются формообразовательными, используются для образования глаголов совершенного вида с тем же лексическим значением, что и соответствующие глаголы несовершенного вида. Среди всех частей речи глагол имеет самые широкие словообразовательные связи и активно влияет на все важнейшие процессы словообразования. Глаголы образуются обычно при помощи аффиксальных способов словообразования. Префиксальное глагольное словообразование составляют словообразовательные типы с разными префиксами.

Префиксальные глаголы чаще всего относятся к совершенному виду и мотивируются глаголами несовершенного вида. Приставки сообщают глаголам временные, пространственные и количественные значения. Приставки наряду с законченностью могут вносить в основное лексическое значение глагола различные новые оттенки значений. К глаголам движения присоединяются приставки пространственного и непространственного значения. Глаголы однонаправленного движения (тип *идти*) с приставками образуют глаголы совершенного вида. Глаголы разнонаправленного движения (тип *ходить*) с приставками сохраняют несовершенный вид. В персидском языке некоторые глаголы образуются путём присоединения приставок к простому глаголу. Приставка — морфема, которая стоит перед другим словом и изменяет его значение и в некоторых случаях его грамматическую категорию. Приставки не имеют самостоятельного значения и разделяются на глагольные, определительные и обстоятельственные. В прошлом приставки были наречиями, однако сейчас не играют такую роль. Другой вид приставочного глагола — сложный приставочный глагол, который образуется путём соединения существительного или прилагательного с приставочным глаголом. «*فرا*, *فراز*, *فرو*, *فرو*, *فراز*, *فرا*». «*بر*, *باز*, *در*» являются примерами из ряда приставок, которые обозначают разные смыслы.

Значения приставки *от-* в русском языке выражены следующим образом:

1. В значении «удалиться на некоторое (небольшое) расстояние»:

Нам надо *отплыть* от берега на большое расстояние.
(ما باید مسافت زیادی را از ساحل شنا کنیم. (فعل مرکب)

Ма байад масафате зияди ра аз сахел *шена коним*.
(сложный глагол)

Только мы *отъехали* от дома, как пошел дождь.

(تازه از منزل دور شده بودیم، که باران باریدن گرفت. (فعل مرکب)

Тазе аз манзел *дур шоле будим* ке баран баридан герфт. (сложный глагол)

Мяч *отлетел* от штанги и упал к ногам вратаря.

توپ به سرعت از کنار تیر دروازه عبور کرد و جلوی پای دروازه بان افتاد. (فعل مرکب)

Туп бе сорат аз кенаре дарвазе **обур кард** ва джелое пае дарвазедан офтад. (*сложный глагол*)

Он уже давно **отошел** от дел, лет пять как ушёл на пенсию.

او مدت هاست که از کار کنار رفته است. حدود پنج سال است که بازنشسته شده است. (فعل مرکب)

У модатхаст ке аз кар **кенар рафте аст**. Ходудэ 5 сал аст ке базнешасте шоде аст. (*сложный глагол*)

Фёдор всё дальше **отходил** от нас. Иногда оборачивался и махал нам рукой.

فتودور از ما دورتر و دورتر می شد. گاهی هم برمی گشت و دستی بر ایمن تکان می داد. (فعل مرکب)

Феодор аз ма **дур ва дуртар мишод**. Гахи хам бармигашт ва дасти бараеман текад мидад. (*сложный глагол*)

2. В значении «начала движения»:

Этот поезд всегда **отходит** в два часа.

(این قطار همیشه ساعت دو حرکت می کند. (فعل مرکب)

Ин гатар хамише саате 2 **харкат миконад**. (*сложный глагол*)

Мы **отошли** в сторону и стали смотреть, как борются юноши.

ما فاصله گرفتیم/دور شدیم و شروع کردیم به تماشای اینکه جوانان چگونه با هم مبارزه می کنند. (فعل مرکب)

Ма **фаселе герефтим/ дур шодим** ва шору кардим бе тамашае инке джаванан чегуне ба хам мобарезе миконанд. (*сложный глагол*)

По-моему, Антон что-то хочет сказать Зое. Я **отхожу** к окну, открываю его и ложусь на подоконник.

به نظرم آنتون می خواهد مطلبی را به زویا بگوید. من به کنار پنجره می روم، آن (را باز می کنم و روی طاقچه می نشینم. (فعل ساده)

Бе назарам Антон мишахад матлаби ра бе Зоя бегуйад. Ман бе кенаре панджере **миравам**, ан ра баз миконам ва руе тагче минешинам. (*простой глагол*)

Когда мы **отплывали**, на берегу показался ещё один участник экспедиции.

وقتی ما داشتیم دور می شدیم، یکی دیگر از اعضای گروه در ساحل نمایان شد. ((فعل مرکب)

Вагти ма даштим **дур мишодим**, еки дигар аз азае горух дар сахел намаян шод. (*сложный глагол*)

Скажите, какая машина идёт в город? — Та, которая только что **отошла**. Остановите её.

بگو ببینم کدام ماشین به شهر می رود؟ — همان ماشینی که همین الان رفت. (آن را نگه دارید. (فعل ساده)

Бегу бебинам кодам машин бе шахр миравад?- Хаман машини ке хамин алан **рафт**. Ан ра негах дарид. (*простой глагол*)

3. В значении «доставить» (для переходных глаголов):

Утром я **отведу** ребёнка в детский сад.

(من صبح کودک را به مهد کودک می برم. (فعل ساده)

Ман собх кудақ ра бе махдекудақ **мибарам**. (*простой глагол*)

Вещи нужно **отнести** в камеру хранения.

(وسایل را باید به انبار توشه برد/داد. (فعل ساده/فعل ساده)

Васаял ра бауд бе анбаре туше **борд/ дад**. (*простой глагол-простой глагол*)

Каждый день я **отвожу** сына в школу.

(من هرروز پسر را به مدرسه می برم. (فعل ساده)

Ман хар руз песарам ра бе мадресе **мибарам**. (*простой глагол*)

Я приеду к тебе, когда **отведу** Ивана в школу.

(وقتی که ایوان را به مدرسه می برم، پیش تو خواهیم آمد. (فعل ساده)

Вагти ке Иван ра бе мадресе **мибарам**, пише то хахам амад.. (*простой глагол*)

Читаёт он день и ночь напролет, его от книжки не **оттащить** никакими силами.

اوشب و روز آن قدر مطالعه می کند که به هیچ وجه نمی شود وی را از کتاب (هایش دور کرد/کنار کشید. (فعل مرکب)

У шаб ва руз ангадр моталее миконад ке бехичваджх немишавад вей ра аз кетабхайш **дур кард/ кенар кешид**. (*сложный глагол-сложный глагол*)

Рассмотрев вышеуказанные примеры, мы приходим к выводу, что глаголы движения с приставкой **от-** в персидском языке выражаются простыми и сложными глаголами.

Заключение

Глаголы движения с приставками в русском языке передают более разнообразные значения по сравнению с персидским языком. В персидском языке приставки не в силу передать значения русских приставочных глаголов движения. Русские глаголы движения с приставкой **от-** передают многие значения, но в персидском языке приставочные глаголы не имеют такую способность.

Формула образования приставочных глаголов и в русском и в персидском языках одинакова: «приставка + глагол» и никакие синтаксические единицы не ставятся между ними. В результате анализа русских глаголов движения с приставкой **от-** и её сопоставления с персидскими коррелятами мы пришли к следующим выводам:

Значения глаголов движения с приставкой **от-** следующим образом передаются на персидский язык:

1. Значение удалиться на некоторое (небольшое) расстояние выражается сложными глаголами. Например: دور شدن/فاصله گرفتن

2. Значение начала движения в персидском языке выражается простыми и сложными глаголами. Например: حرکت کردن/رفتن/دور شدن/فاصله گرفتن

3. Значение доставить для переводных глаголов движения выражается в персидском языке сложными и простыми глаголами. Например: بردن/رساندن/دادن/دور کردن/کنار کشیدن

Литература:

1. Академическая русская грамматика, под ред. Шведовой Н. Ю., — Москва: АН СССР институт русского языка, 1980.
2. Дурново, Н. Н., Грамматический словарь. — Москва: Флинта: наука, 2001.

3. Лекант, П. А., Диброва Е. И. и другие, Современный русский язык. — Москва: Дрофа, 2001.
4. Лингвистический Энциклопедический словарь, под ред. Ярцевой В. Н., — Москва: Большая российская энциклопедия, 2002.
5. Персидско-русский словарь под ред. Рубинчик Ю. А., — Москва: Советская энциклопедия, 1970.
6. Розенталь, Д. Э., Голуб И. Б. и другие, Современный русский язык. — Москва: Международные отношения, 1995.
7. احمدی گیوی، حسن، انوری، حسن، دستور زبان فارسی، تهران، فاطمی، 1373
8. انزلی، حسن، دستور زبان فارسی، ارومیه، انزلی، 1370
9. انوری، حسن، احمدی گیوی، حسن، دستور زبان فارسی، تهران، فاطمی، 1385
10. افرشیدورد، خسرو، دستور امروز، تهران، بنگاه مطبوعاتی صفیعلیشاه، 1348
11. امرزبان راد، علی، دستور سوادمند، تهران، دانشگاه ملی ایران شماره ی 10. 1358. 182
12. اناتل خانلری، پرویز، دستور زبان فارسی، تهران، توس، 1359
13. Лазар, 1384:323
14. Нобахар, 1372:323

Метафора как способ выражения оценки (на материале специализированного журнала «За рулем»)

Баканова Оксана Станиславовна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В мире современных средств массовой информации используются приемы речевого воздействия и оценка как способ привлечения внимания и побуждения к действию читательской аудитории в определенной сфере.

Наше исследование посвящено изучению лингвистической оценки как функциональной категории, которая имеет разнообразные средства выражения и представлена на всех уровнях языка.

Оценка определяется как «отношение говорящего, его одобрение или неодобрение в качестве компонента лексического значения слова, смысла высказывания, содержания текста» [3].

Оценочность рассматривается на всех уровнях языка и может выражаться одним словом, словосочетанием или предложением. В каждое слово коммуникант вкладывает определенный смысл, тем самым выражая свое отношение с положительной или отрицательной точки зрения на определенную ситуацию. Главная задача коммуниканта — с помощью слова передать информацию и воздействовать на собеседника.

Цель нашей работы состоит в анализе языка специализированных журналов «За рулем» [4,5], в выявлении их главной концепции и в анализе оценочных средств, которые используются для привлечения внимания читательской аудитории.

«Определяя критерии (основания, мотивы) применения оценок к тем или другим классам объектов, исследователь осуществляет концептуальный анализ... Он стремится не только описать смысл каждого отдельного слова, сколько определить специфику целого концептуального поля и логические отношения между входящими в него элементами» [1].

Журнальная статья — это публицистическое сочинение небольшого размера, в ней дается исчерпывающая информация об определенном объекте или субъекте в зависимости от специфики самого журнала.

Проанализировав журнальные статьи, мы выделили лексические средства, которые выражают оценочное отношение. Они заинтересовывают читателя и делают информацию более доступной и понятной любой возрастной категории мужского пола. На лексическом уровне главным оценочным средством выступает метафора.

Метафора является мощным средством выражения оценки в том или ином тексте, выступает средством привлечения внимания, запоминания и дает возможность для воображения. «Суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [2].

В нашей работе мы рассматриваем метафору как способ концептуализации окружающей действительности. Самой распространенной разновидностью метафоры выступает онтологическая, при которой события, деятельность, эмоции и тому подобное воспринимаются как материальные сущности.

Разновидностью онтологической метафоры является персонификация, которая «позволяет осмысливать наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческой мотивации, характеристик и деятельности людей» [2].

Анализ языка специализированных журналов «За рулем» позволяет классифицировать метафорические употребления и проследить особенности представления автомобиля от общего к частному.

Автомобиль изображается как собирательный образ, выраженный через такое понятие, как СЕМЬЯ:

В перспективе семейство «Ауди-ТТ» могут до-полнить еще две машины.

На ходу S-MAX способен доставить удовольствие, несмотря на семейный статус.

Новинка, как и все семейство «пятисотых», раду-ет яркими линиями.

И семью на свои плечи поднимет, и весь домашний скарб утащит.

Англичане возлагают надежды на свое семейство спортивных купе.

Журналист преподносит автомобиль как члена семьи, тем самым сближая два противоположных понятия, де-лает их схожими.

При рождении человеку дают имя, чтобы усилить его статус как личности, различать его. Авторы статей пере-носят этот критерий на автомобиль, чтобы выделить его из «толпы». «Имя» автомобиля несет в себе узнаваемость среди прочих. Все мы знаем марки автомобилей, но авторы статей преподносят их как индивидуальное, собственное:

Под именем «Ламандо» он дебютировал на вы-ставке в китайском городе Чэнду.

Герой моего рассказа, чье имя переводится как «следопыт», на протяжении всей жизни выслеживал своих покупателей.

Полноприводной Mercedes C63 («фамилия» AMG стала «отчеством» в процессе поголовного переиме-нования моделей) не бывает даже в версии S.

Встречаются метафоры, которые позволяют прорисовать формы, то есть автомобиль приобретает «лицо», «тело». Неживое существо становится «личностью», как человек:

Утащит причем одним махом — мужественно пре-возмогая боль в ногах от наших кривых дорог.

Умеют же в Афальтербахе поставить голос двигателю!

По размерам и телосложению новый Superb и кон-цептуальный Volkswagen практически идентичны.

«Нетрадиционное» телосложение в высшем свете еще моветон.

А пара жидкостных интеркулеров так плотно прижалась к мотору, что стала напоминать грудные мышцы.

Употребление таких существительных, как *форма, размер, нос*, называющих то, что свойственно человеку, вполне возможно и по отношению к машине. В данном случае метафора дает возможность понять признак од-ного предмета в терминах другого, что создает новое по-нятие и новые реалии. Тем самым каждый автомобиль приобретает свой особенный облик.

Встречаются онтологические персонифицированные метафоры, которые позволяют сделать вывод, что авто-мобиль имеет свою «одежду», свой стиль:

Для машины разработано три варианта «дресс-кода»: «Мужской», «Парижский шик» и «Роковой панк».

Это платье совсем еще новое.

Вы только посмотрите на него: какая стильная упаковка!

А вот Polo был новым, с иголки, — и он хорош!

Убаюкивающая ходовая будет диссонировать с бойцовской внешностью «Мондео».

У Женевского салона все-таки есть свой дресс-код.

Представленные примеры выражают положительную оценку стиля того или иного автомобиля. Перенесение внешних характеристик человека на автомобиль делает его «живым», способным менять свой облик.

Машина имеет не только облик, но и характер:

Причем контроллер теперь хитрый.

За сложным индексом скрывается четырехдверное купе со спортивным характером.

Благо горячих и «подогретых» хэтчбеков сейчас навалом.

Он сама харизма!

Холодный мотор вздрагивает, будто опоздал на работу, — и начинает орать.

Здесь мы видим характерологические критерии оценки: можно выделить эмоционально-психологические каче-ства оценочности. Вновь автомобиль приобретает «чело-веческую» оживленность.

Машина, как и человек, существует в понятии время, то есть конструируется, используется и проходит процесс утилизации. Но авторы специализированных журналов автомобильной прессы подходят к этому вопросу с иной точки зрения. Они используют метафоры, которые пока-зывают автомобиль как представителя целого поколения, имеющего прошлое, настоящее и будущее:

Сменив поколение, компактвэн «Форд S-MAX» еще не до конца утратил молодежный задор пред-шественника, но стал заметно строже.

Силами корейского отделения Renault Samsung предполагает создать наследников для автомо-билей Lancer и Galant.

За «Опелем» такое водится — даже маленькие машины оснащаются на уровне старших моделей.

Предшественница продержалась в производстве во-семь лет: продано почти три миллиона автомобилей.

Автомойщик отказался верить, что перед ним наследница (и одноклассница!) «Тииды».

Оценка выражается через онтологическую персонифи-цированную метафору, то есть автомобиль осмысливается через терминологию человеческой мотивации. Машина в данном случае, как и человек, имеет родственные связи, например, *младшего брата*. Авторы статей, таким об-разом, дают возможность читателю взглянуть на автомо-биль со знакомой точки зрения, оценить его возможности.

Кроме того, машину сравнивают с разными живот-ными, которые являются неотъемлемой частью человече-ской жизни:

Разумно управлять этим «табуном» помогает семиступенчатый преселектив.

Если «Пассат» превратился в «травоядное», то «овоц» XLI неожиданно стал хищником.

Но подавать такую «лошадку» Чингис-хану было бы опрометчиво.

Название модели по традиции имеет отношение к быкам. / Астерион — настоящее имя Минотавра из греческой мифологии. / Получеловек-полубог, он тоже был в определенном смысле гибридом.

Через сравнения животного — его выносливости, скорости — авторы статей показывают всю мощь автомобиля: скорость, проходимость, качества. При перенесении всех этих свойств на автомобиль автор передает информацию о качестве, надежности и прочих достоинствах каждой автомобильной марки, за счет чего происходит олицетворение неживого предмета. Авторы статей показывают сближение человека с машиной через то, без чего не могут существовать люди.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. — Издание 2-е — М., 1999.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
3. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М., 2003.
4. Журнал «За рулем». № 11 (1001). М., 2014. — 268 с.
5. Журнал «За рулем». № 12 (1002). М., 2014. — 244 с.
6. Kossuth Egyetemi Kiado. The Use Metaphors in Advertising. — Debrecen, 2009.

Anthropomorphous metaphor in literary discourse¹

Бурмакова Елена Анатольевна, преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Cognitive linguists contend that understanding metaphors requires activation of conceptual mappings between the concepts involved. When it comes to novel uses of the conventional conceptual metaphors in literature, the contemporary metaphor theory seems to disregard the genre of discourse metaphors occur in. Indeed, in literary discourse metaphor identification, interpretation, and appreciation require more careful and considered processes of reading than other domains of discourse [1, p. 56]. While investigating authentic uses of metaphor, it is always important to consider both the specificity of individual expressions in context and their relationship with large, conventional patterns in a particular genre, discourse or language [2, p. 58]. Moreover, the influences of community, society, culture and history that shape, develop and transform metaphors are equally crucial in catching metaphors sense from a writer's perspective.

Metaphors from different domains are used in literature "for artistic and rhetorical enrichment, especially for enabling a writer to express his message in a personalized and unique manner" [3, p. 227]. "Metaphors in a work of literature may

«Целевой областью метафор, как правило, являются сравнительно абстрактные явления, включающие в себя трудные понятия, такие как любовь, эмоции и жизнь в целом. Источник предметов помогает нам осмыслить область метафор, поэтому они более конкретные и физические» [6].

Итак, анализ языка специализированного журнала «За рулем» показал, что в статьях зачастую представлена онтологическая персонифицированная метафора. Она позволяет «увидеть» автомобиль как некий собирательный образ и как часть этого образа: машина представляется обобщенно в виде семьи, принимает форму («глаза», «голос», «тело» и тому подобное), приобретает имя, характер и даже «одежду». Таким образом, автомобиль преобразуется в «индивидуальное живое существо» и становится важной частью жизни человека.

be uniform or heterogeneous, deriving from different domains such as religion, colours, water, and so on" [3, p. 227]. The present article will discuss novel metaphors derived from the conventional metaphor NATURE is MAN. The overall goal is to demonstrate how anthropomorphous metaphor actually realizes its potential, by being interpreted through an active process of analogical reasoning across two distinct concept domains NATURE and MAN, with regard to the conceptual metaphor theory, the role of immediate contexts and creativity that governs the literary discourse in its general sense.

Linguistic expressions of a conceptual metaphor can be highly conventional or novel linguistic exploitations of the underlying conceptual metaphorical system. Cognitive linguists have traditionally explained understanding of novel metaphors in two ways. The first one implies that many novel metaphors are crafted extensions or elaborations of conceptual metaphors. In these cases, the partial mapping from source to target domain is extended beyond the standard mapping as it is found in conventional mappings [4, p. 382]. Secondly, cognitive linguists recognize that the un-

¹ This work is funded within the framework of realization of Strategic Programme on National Research Tomsk Polytechnic University Competitiveness Enhancement in the Group of Top Level World Research and Academic Institutions.

derstanding of particular novel metaphors does not involve the mapping of concepts from one domain to another, but the mapping of mental images [5]. In “More Than A Cool Reason”, Lakoff and Turner have pointed out that poets regularly employ several devices to create novel unconventional language and “images” from the conventional materials of everyday language and thought. More specifically, they identify four main modes of metaphorical creativity in poetry, namely the extension, elaboration, questioning, or combination of conventional conceptual metaphors [6]. Let us give a brief insight into these models.

- In extending, a conventional conceptual metaphor associated with certain conventionalized linguistic expressions is expressed by new linguistic means that is based on introducing a new conceptual element in the source domain.

- Elaboration is different from extension, in that it elaborates on an existing element of the source in an unusual way. Instead of adding a new element to the source domain, it captures an already existing one in a new, unconventional way.

- In the poetic device of questioning, poets can call into question the very appropriateness of our common everyday metaphors.

- Combining being the most powerful mechanism to go beyond our everyday conceptual system is simultaneous use of two or more metaphors in the same passage or even a sentence.

Kövecses in “Metaphor in Culture” demonstrates that elaboration and extending described by Lakoff and Turner (1989) are based on source-internal creativity. These are cases where “unused source-internal conceptual materials are utilized to comprehend the target” [7, p. 213]. Moreover, he put forward “source-external” cases of creativity operating with the “range of the target,” in which a particular target domain receives new, additional source domains in its conceptualization [7, p. 215]. In addition, target-induced creativity corresponds to “a particular target that is conventionally associated with a source “connects back” to the source taking further knowledge structures from it” [7, p. 218]. To put it briefly, he distinguished the following types: creativity that is based on the source domain (“source-internal” and “source-external”) and creativity that is based on the target.

More recently, scholars influenced by cognitive metaphor theory have started a vast number of research studies on metaphor in literary discourse. Various approaches have been taken; the most prominent are critical discourse analysis, literary approach, corpus-linguistic and psycholinguistic techniques. Some scientists pinpoint that while “dealing with a novel metaphor we are much more dependent on imagination than on convention to reveal the source of comparison” [8, p. 17]. The metaphors of that type are more likely based on a creative act of cognition, which may see/think similarities where objectively there are none. A creative act of cognition can be viewed from two sides: the first deals with metaphor production by an author and the second one is linked to a reader’s interpretive possibilities restricted by individual background and experience. Steen argues that reader’s goal

and characteristics, as well as metaphor properties are factors that may enhance or impede metaphor recognition [9, p. 1297]. Besides, scientists regard metaphorical patterns not simply as part of a writer’s individual style [10] but also as a reflection of his or her individual worldview [11], [12].

Apart from these viewpoints, we totally adhere to the claim of the crucial role of context in metaphor creation and comprehension. Metaphors are viewed as vessels for meaning transfer, that change the context in which they occur and at the same time are themselves changed by it [8, p. 5]. The notion of context is a complex one including the linguistic, cultural, social contexts, and the main entities participating in discourse including the speaker (conceptualizer), the hearer (addressee/ conceptualizer), and the entity or process we talk about (topic). Kövecses assumes that these kinds of immediate contexts are that most powerfully and most creatively influence the use of metaphors in poetry [13, p. 719–738]. He distinguishes five types of so-called equally important “context induced” metaphors: metaphors induced by (1) the immediate linguistic context itself, (2) what we know about the major entities participating in the discourse, (3) the physical setting, (4) the social setting, and (5) the immediate cultural context [13, p. 719–738].

An impressive research on metaphor in psychotherapeutic communication highlights the interaction of discourse markers and metaphors [14, p. 313]. Discourse markers are regarded as a type of signalling/tuning device [15], [16], which broadens the study of metaphor signalling from clause level metaphors to extended metaphors embedded in more global discourse objectives. This in turn affirms the programmatic notion that metaphors are as deeply discursive as they are cognitive [17], and irreducibly grounded in their immediate discourse contexts.

The most relevant to present study insights from the above mentioned research on metaphor are the following:

1. Novel metaphors arise from the conventional metaphors due the cognitive processes of extending, elaboration, questioning, and combining conceptual content in the source domain;

2. Metaphorical creativity equally refers to the processes of metaphor production and understanding (comprehension, recognition, interpretation, and appreciation);

3. Immediate contexts taken together or separately play decisive role in interpretive possibilities of metaphors in the literary discourse;

4. Discourse markers might function as signalling devices in directing the interpretation and adjusting the strength of novel metaphors.

The corpus drawn upon in the article is a collection of short stories by a famous Russian writer Vasily Shukshin and the English translations by L. Michael and J. Givens. The corpus is limited to the segments of the discourse containing anthropomorphic metaphors that save an anthropocentric perspective and the source domain while rendering into English language (Mandelblit’s Cognitive Translation Hypothesis) [17, p. 483–495]. The selection of empirical data has

been made to enlarge the target audience, i.e. to capture the attention of English-speaking audience.

The anthropomorphous metaphor can be viewed as a formula NATURE IS MAN, where we have NATURE for the target domain, and MAN for the source domain. Nature domain implies "the phenomena of the physical world collectively, including plants, animals, the landscape, and other features and products of the earth, as opposed to humans or human creations" [18]. The conceptual domain MAN correlates with the following notion "a member of the species *Homo sapiens* or all the members of this species collectively, without regard to sex" [18].

The perfectly ordinary metaphor NATURE IS MAN is seen in such everyday linguistic examples as "angry wind," "tender sun," "the sky is crying," in both English and Russian. People use and produce an enormous range of expressions derived from the conventional metaphor NATURE IS MAN without realizing it. The phenomena is attributed to the cognitive human capacity of viewing the surrounding world from anthropocentric perspective, that is to say people use the most familiar knowledge of a human being to describe objects or phenomena that occur in nature going beyond people's comprehension.

In literary discourse, exploitation of MAN domain to create unconventional linguistic expressions and "images" seems strategically advantageous as a human being presents the perpetual source for metaphor creativity. Having recognized the ubiquity of the anthropomorphic metaphor in Shukshin short stories, we have found out that the basic metaphorical schema NATURE IS MAN can be broken down into lower-level, specific schemas bringing to the various aspects of the concept MAN, namely appearance, parts of human body, traits of character, demeanor, feelings and emotions, aural and visual perception, intellectual functions, physical activities, age etc.

The discussion below focuses on how the author exploited the anthropomorphous semantics to describe natural objects and phenomena in regard to the role of metaphorical creativity in literary discourse. А по земле идет светлая ночь, расстилает по косогорам белые простыни [19, p. 211]. A po zemle idet svetlaja noch', rasstilaet po kosogoram belye prostyni [19, p. 211]. The moonlit night would be spreading its sheets over the rolling steppe land [20, p. 145]. Here the phrase night would be spreading its sheets is based on the elaborated version of the conventional metaphor NATURE IS MAN with both domains specified. NIGHT being the part of 24-hour period functions as the target domain and WOMAN as the source domain, as indicated by the metaphorically used expression to spread sheets where sheet is defined "as a large piece of thin cloth that you put on your bed and use for lying on or covering your body when you sleep". To spread sheet conveying the meaning of the ordinary phrase "to put sheets on a bed" evokes cross cultural, universal associations with a woman who performs a household task. The type of domestic activity mentioned relates to family care responsibilities in general and taking care of children in par-

ticular. To that extend the elaboration of the source domain WOMAN might be further viewed as MOTHER. The elaborating of NATURE IS MAN metaphor in such unconventional way results in our perception of NATURE/NIGHT motivated by immediate linguistic context and the whole plot of the story. To be brief, the story "See the horses gallop" is about father-son long-awaited meeting. Having spent a day off together, a father returns home. The author generates the feelings of homesickness, nostalgia and anxiety experienced by the main heroes in female, maternity aspects of the MAN domain. We have demonstrated how the anthropomorphous metaphor can help to construct evaluation of the situations being described.

The following passage is a perfect example of the effect of both physical setting and knowledge about the main entities of discourse (here speaker/writer) on metaphor use and perception. В войну, с самого ее начала, больше всего стали терзать нас, ребятишек, две беды: голод и холод. Обе сразу наваливались, как подступала бесконечная наша сибирская зима со своими буранами и злыми морозами [19, p. 459]. V vojnu, s samogo ee nachala, bol'she vsego stali terzat' nas, rebjatishek, dve bedy: golod i holod. Obe srazu navalivalis', kak podstupala beskonechnaja nasha sibirskaja zima so svoimi buranami i zlymi morozami [19, p. 459]. During the war, from the very beginning, two hardships plagued us kids more than anything else: hunger and cold. They would both bear down on us just as soon as our endless Siberian winter with its blizzards and vicious cold set in [20, p. 220]. "Gogol and Raika" appears to be an autobiographical story as it discovers several similarities to the author's childhood. The personal pronoun us functioning as a discourse marker "place" readers into the event and its consequences. Russian people had hard times during World War II. The farmers redirected food production to the war effort and the country dwellers were starving a lot. Children were engaged in hard physical labour to make provisions for the winter (e.g. harvest, collecting of firewood and so on). The metaphorical passage is based on the metaphor NATURE IS MAN, it manifests how Shukshin's sorrowful childhood memories are transformed into metaphorical expressions derived from more specific metaphor version WINTER IS AN ENEMY. The physical setting possibly triggers elaboration of an existing conventional conceptual metaphor and causes the writer to personify the season WINTER to evoke a common atmosphere of compassion for all discourse participants.

For an illustration of how the conceptualizer (the author) relies on the cultural context to construct novel metaphorical expression let us scrutinize the passage. Филя посадил у изголовья его могилы березку. Она прижилась. И когда дули южные теплые ветры, березка кланялась и шевелила, шевелила множеством маленьких зеленых ладоней — точно силилась что-то сказать. И не могла [21, p. 96]. Filja posadil u izgolov'ja ego mogily berezku. Ona prizhilas'. I kogda duli juzhnye teplye vetry, berezka klanjalas' i shevelila, shevelila mnozhestvom malen'kih zelenyh ladonej — tochno sil-

ilas' chto-to skazat'. I ne mogla [21, p. 96]. And when the warm south winds blew, the birch tree swayed and rustled, rustling its multitude of little green palms — as if it were struggling to say something. And couldn't [20, p. 163]. The metaphorical segment the birch tree rustling its multitude of little green palms — as if it were struggling to say something embraces the elements of source domain MAN such as body parts (“palm” is the inside part of human hand, between fingers and wrist) and ability to produce speech (“say” — to express an idea, feeling, thought etc. using words) [18]. To emphasize an indissoluble bond between a human and the Nature Shukshin “makes” the main hero plant a birch tree near his best friend's grave and ascribes human characteristics to it. We can presume that the conjunction as if being a discourse marker is to signal this kind of interrelation. It is noteworthy that the birch tree is a symbol of the Russian natural environment and of Russian beauty, having a meaningful place in Russian culture. It was believed to ward off evil spirits and make wishes come true. Tributes to the birch are found in Russian art, songs, poems and folk tales. For centuries, the birch has been famed for its healing qualities. Just

strolling in a birch grove is thought to help you stay happy and healthy, and touching a birch tree is believed to restore emotional balance and reduce stress levels. The elaboration of the target domain NATURE leads us to conclude that the metaphorical passage can be traced to target-induced creativity motivated by the cultural context.

To recapitulate the findings of the present paper: the conceptual mapping between NATURE and MAN domains in Shukshin short stories gives rise to a vast number of newly created metaphorical expressions due the cognitive processes of extending, elaboration of conceptual content in the source domain, target domain or even both domains being embraced simultaneously. Novel anthropomorphous metaphors serve to confirm the prominence of the Russian man's congenial/inherent link with the Nature. Shukshin creates complex images with several changes in the target formula NATURE IS MAN. We have seen that immediate contexts motivate many of these changes and the choice of certain aspects of the language and conceptualization. Discourse properties have an effect on anthropomorphous metaphor perception and its creation as well.

References:

1. Zwaan, R. A. (1993). *Aspects of Literary Comprehension: A Cognitive Approach*. Amsterdam: John Benjamins.
2. Semino, E., Steen, G.J. (2008). *Metaphor in literature*. In R. W. Gibbs (Ed.). *The Cambridge handbook of metaphor and thought* (pp. 232–246). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Peled-Shapira, H. (2009). From Conventional to Personal, or: What Happened to Metaphor under the Influence of Ideology — the Case of Gha'ib Tu'ma Farman, *Journal of Semitic Studies*, 227–250.
4. Gibbs, R., Tendahl, M. (2006). Cognitive effort and effects in metaphor comprehension: Relevance theory and psycholinguistics. *Mind & Language*, 21, 379–403.
5. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
6. Lakoff, G., Turner M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago and London: University of Chicago Press.
7. Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: Universality and variations*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Harakka, T. (2013). *Concepts on The Move*. The 16th International Conference on the History of Concepts, 29–31. Retrieved January 25, 2015, from http://www.academia.edu/5066895/Conceptual_Metaphors_and_History_of_Concepts.
9. Steen, G.J. (2004). Can discourse properties of metaphor affect metaphor recognition? *Journal of Pragmatics*, 36 (7), 1295–1313.
10. Kövecses, Z. (2002). *Metaphor. A Practical Introduction*. Oxford University Press.
11. Freeman, M.H. (1995). Metaphor making meaning: Emily Dickinson's conceptual universe. *Journal of Pragmatics*, 24 (6), 643–666.
12. Freeman, M.H. (2000). Poetry and the scope of metaphor: toward a cognitive theory of literature. In A. Barcelona (Ed.), *Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective* (pp. 253–281). Berlin: Mouton de Gruyter.
13. Kövecses, Z. (2009). *Metaphor and poetic creativity: a cognitive linguistic account*. Department of American Studies, Eötvös Loránd University. Retrieved February 13, 2015, from <http://www.acta.sapientia.ro/acta-phil/C1-2/phil12-1.pdf>.
14. Tay, D. (2011). Discourse markers as metaphor signalling devices in psychotherapeutic talk. *Language & Communication*, 31 (4), 310–317.
15. Cameron, L., Deignan, A. (2003). Combining large and small corpora to investigate tuning devices around metaphor in spoken discourse. *Metaphor and Symbol* 18, 149–160.
16. Goatly, A. (1997). *The Language of Metaphors*. Routledge, London.
17. Mandelblit, N. (1995). The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory. *Translation and Meaning*, Part 3, 483–495.
18. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Retrieved from <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

19. Shukshin, V. (2009). Svetlye dushi: rassказы. Moskva: Prozaik.
20. Shukshin, V. (1996). Stories from a Siberian Village. Translated by Laura Michael and John Givens. Rochester, New York: Northern Illinois University Press. DeKalb.
21. Shukshin, V. (2009). Krepkij muzhik: rassказы. Moskva: Prozaik.

Концепт «город»: структура и языковые средства репрезентации (на материале отзывов российских туристов о Китае)

Исаева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Рудикова Юлия Юрьевна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Одним из основных феноменов современной культуры является город, который не только сосредотачивает в себе экономические, политические и культурные связи, но и выступает производителем традиций и идей своего времени.

Изучение концепта «город» представляет особый интерес: являясь одним из важнейших национальных концептов, город структурирует представления людей о культуре их страны. С лингвистической точки зрения наиболее целесообразным представляется изучение языковых средств, характеризующих и описывающих концепт «город».

В рамках данного исследования концепт «город» был условно разделён на три составляющих его микроконцепта: «древний город», «современный город» и «город-сад». В ходе анализа было также выделено три ключевых артефакта, вокруг которых выстраивается языковая объективация концепта «город»: *архитектура, транспорт, отель*.

Концепт «город» был проанализирован с позиций теоретико-методологических положений, которые развивал в своих исследованиях В. И. Карасик. Исследователь выделил в структуре концепта три основных компонента: понятийный (информационно-фактуальный), образный (образно-перцептивный) и ценностный [1, с. 14].

Наиболее полное отражение в отзывах российских туристов о посещении Китая получил микроконцепт «современный город», который будет подробно рассмотрен в данной статье с позиций анализа конкретных артефактов и языковых средств объективации данных реалий.

Микроконцепт «современный город» порождает у российских туристов такие ассоциации, как «специальная экономическая зона», «интернационализованный мегаполис», «шоп-туры», «развлечения» и т.п.

Архитектура современного города «красивая», «необычная», «современная», характеризуется *внушительными небоскрёбами, наличием многочисленных торгово-развлекательных комплексов, сверкающими неоновыми вывесками* и т.п.

Таково мнение туристов из России о Пекине:

«Пекин слишком *необычен и огромен*. Он *подобен яркой гирлянде китайских фонариков*, висящих в старых районах. Здесь старинные улочки традиционных районов тесно переплелись с современными кварталами, показавшимися нам довольно *безликими*. Город *подобен водовороту ярких картинок*, с огромной частотой сменяющих друг друга. Из них можно сложить *целую мозаику впечатлений и эмоций*».

Особый интерес для исследования представляет отзыв российской туристки о посещении города Маньчжурия:

«Маньчжурия *непривычно маленький* для Китая городок. Однако это такой *уютный, новый, какой-то пряничный городок*. Городок на самом деле такой *маленький, уютный, чистый*. Здания *новенькие, без особых изысков, но нарядные*. Впечатление такое, что это *деревенская девушка, приехавшая в город и накупившая себе новёхоньких «городских» нарядов*. *И сейчас, одев на себя все сразу — она идёт по улице и в каждой витрине любит себя своим отражением*».

Следующие туристические отзывы посвящены визиту в Шанхай:

«Шанхай является *самым крупным городом Китая* и одним из *наиболее многонаселённых мегаполисов* на планете. Широкие автострады и узенькие улочки образуют *волшебный лабиринт, где на каждом углу поджидают новые открытия*. В этот

Таблица 1

Понятийный компонент	г. Пекин
Образный компонент	подобен яркой гирлянде китайских фонариков и водовороту ярких картинок, мозаика впечатлений и эмоций, безликие современные кварталы
Ценностный компонент	необычный, огромный

Таблица 2

Понятийный компонент	г. Маньчжурия
Образный компонент	пряничный городок, нарядные здания деревенская девушка, приехавшая в город и накупившая себе новёхоньких «городских» нарядов
Ценностный компонент	непривычно маленький городок, уютный, новый, чистый

город стремятся попасть многие путешественники, желая погрузиться *в удивительную атмосферу*.

«Шанхай *готов поразить своих гостей не только яркостью красок, гостеприимством, но и удивительным ощущением будущего*».

«Сейчас, глядя на *внушительные небоскрёбы и сверкающие неоновые вывески многочисленных*

торгово-развлекательных комплексов, трудно поверить, что ещё около ста лет назад это был небольшой рыбацкий городок. *Обилие высотных зданий* бросается в глаза при первом же знакомстве с городом. Многие из этих сооружений выполнены *в духе современной архитектуры и имеют необычную форму*».

Таблица 3

Понятийный компонент	г. Шанхай
Образный компонент	волшебный лабиринт, где на каждом углу поджидают новые открытия, гостеприимный город, город будущего, внушительные небоскрёбы
Ценностный компонент	самый крупный город Китая, многонаселённый мегаполис, город с удивительной атмосферой, необычная современная архитектура

Таким российские туристы увидели город Гонконг:

«Гонконг — это город *подавляющих своими размерами монстров-небоскрёбов, выросших словно на дрожжах*, многочисленных магазинов и *лачуг в бедных кварталах*. Мы садимся в автобус, который провозит нас по некоторым районам Гонконга —

сплошные каменные джунгли, но встречаются *уютные скверики, старинные здания*, затертые со всех сторон небоскрёбами...»

««Город будущего» — это не про Гонконг. В Гонконге живут настоящим и чтут прошлое — *город бережно охраняет свои традиции*».

Таблица 4

Понятийный компонент	г. Гонконг
Образный компонент	подавляющие своими размерами монстры-небоскрёбы, выросшие словно на дрожжах; сплошные каменные джунгли; город бережно охраняет свои традиции
Ценностный компонент	уютные скверики, старинные здания, лачуги в бедных кварталах

Наконец, ознакомимся с впечатлениями туристов от домов местных жителей:

«Вдоль шоссе встречались *аккуратные разноцветные 2–3-этажные домики*. Они *выглядели игрушечными, как в сказке «Волшебник Изумрудного города»*».

Транспорт современного китайского города представлен автобусами, троллейбусами, такси, монорельсовыми трамваями, скоростными поездами на магнитной подушке, разветвлённым метрополитеном. Кроме того, в Китае хорошо развит авиа- и железнодорожный транспорт. Как отмечают большинство российских туристов,

Таблица 5

Понятийный компонент	частный сектор одного из китайских городов
Образный компонент	игрушечные домики как в сказке «Волшебник Изумрудного города»
Ценностный компонент	аккуратные разноцветные домики

городской транспорт «недорогой», «комфортный» и «быстрый».

Наиболее популярным видом транспорта в современном китайском городе является метро. Рассмотрим несколько отзывов:

«Пекинское метро название имеет **красивое** — «**Подземный Дракон**», стоит **дешево** — всего за 2 юаня (10 руб.) Вы пересечёте весь город и во многие места,

указанные в путеводителях, доберётесь **без проблем**, работает до 23:00 — **лучшего способа познакомиться с Пекином не сыскать!**»

«Передвигались мы на метро — **быстро и дешево**».

«Освоить метрополитен не сложно. Метро **современное, очень простое и доступное для понимания**. Надписи дублируются на английском языке. В Пекине это **самый оптимальный способ передвижения**».

Таблица 6

Понятийный компонент	метро в г. Пекин
Образный компонент	«Подземный дракон»
Ценностный компонент	быстрое, дешёвое, простое и доступное для понимания, современное, лучший способ познакомиться с Пекином, самый оптимальный способ передвижения

Городские автобусы не менее популярны среди туристов, хотя впечатления от этого вида транспорта довольно часто бывают неоднозначными. В качестве примера рассмотрим положительный и не вполне позитивный отзывы:

«Городские автобусы **комфортные, стоимость проезда копеечная** — 1–2 юаня, и **езжай сколько**

хочешь. Автобус выглядит очень **красиво, новый**, чувствуется еще **заводской «запах»**, очень **чисто** внутри».

«Расстояние от Да мей Ша — 4 или 5 остановок. Точнее сказать трудно, ибо автобус **петлял по улицам как заяц**. Мы ехали то туда, то обратно».

Таблица 7

Понятийный компонент	автобус в современном китайском городе
Образный компонент	копеечная стоимость проезда, пропитанный заводским «запахом», петляет по улицам как заяц
Ценностный компонент	комфортный, недорогой, красивый, новый, чистый

Интерес для анализа представляет такая современная китайская реалья, как «спальный автобус», не имеющая аналогов в России.

«Третий и **наиболее дешевый и оптимальный вариант** — «Sleep bus» или попросту говоря «спальный автобус». Механизм для россиянина **экзотический**.

Автобус воистину является спальным. Вместо кресел установлены спальные полки, как в поезде. Постели заправлены **красивым чистым бельем**, работают телевизоры и кондиционеры. Спальный автобус — это **удивительное изобретение!**»

Таблица 8

Понятийный компонент	«спальный автобус» («sleep bus»)
Образный компонент	удивительное изобретение, как в поезде
Ценностный компонент	наиболее дешевый и оптимальный вариант, экзотический, красивый, чистый

Не вполне позитивный отзыв оставил российский турист об ещё одной транспортной реалии Китая — монорельсовом трамвае:

«На сладенькое мы решили устроить себе поездку на монорельсовом трамвайчике. Его путь проложен на высоте 10 метров над землёй, и он заезжает во все близлежащие зоны. Выглядит трамвай **красиво и заманчиво**, на самом деле это **обычный туристический развод**.

Не советую вам делать такое. **Цена вопроса, хоть и не критичная** — 40 юаней, но этот **пепелац** идёт по своему монорельсу в окружении зелени и вам просто ничего, кроме деревьев не видно!!!»

Перейдём к рассмотрению впечатлений российских туристов об **отелях**, расположенных в современных городах Китая.

Большинство россиян называют отели, в которых они останавливались, «**роскошными**», «**дорогими**», «**боль-**

Таблица 9

Понятийный компонент	монорельсовый трамвай
Образный компонент	пепелац
Ценностный компонент	красивый, заманчивой обычный туристический развод

шими», «чистыми», «уютными». В номерах имеется «всё необходимое», персонал в отелях, как правило, англоговорящий.

Например, таковы были впечатления туристов о проживании в гостинице «Pearl River Garden Hotel»:

«Остановиться мы решили в гостинице Pearl River Garden Hotel / Сад Жемчужной Реки 4*. Отель нам *по-*

нравился, когда читали отзывы в Интернете. Заселение прошло *гладко*. Номера *благоухали чистотой* и свежим постельным бельем. Нравится мне этот запах. *Пахнет путешествиями!!!* Номера *большие и уютные*, ванная комната *просторная*, и *всё работало*».

Таблица 10

Понятийный компонент	гостиница «Pearl River Garden Hotel»
Образный компонент	Номера благоухают чистотой. запах путешествий
Ценностный компонент	большие и уютные номера, просторная ванная комната, отсутствие поломок

Неоднозначную реакцию вызвала у туристов одна из гостиниц города Бэйдайхэ:

«Приехали в гостиницу «Госсоветы». На 1 этаже жить нельзя — *везде грибок, грязь, сыро*. Номера без бал-

конов *немного меньше. Убирают так себе*, но нас это не напрягало, нашли пылесос у них, и сами почистили у себя. *Завтраки в ресторане хорошие*. Территория гостиницы *большая, хорошая парковая зона*».

Таблица 11

Понятийный компонент	гостиница «Госсоветы»
Образный компонент	
Ценностный компонент	хорошие завтраки в ресторане, большая территория гостиницы, хорошая парковая зона, плохие санитарные условия в номере (жить нельзя, грибок, грязь, сыро, убирают плохо)

Таким образом, в ходе исследования была рассмотрена структура концепта «город»; на примере микроконцепта «современный город» описаны ключевые артефакты (архитектура, транспорт, отель) и комплекс языковых средств, репрезентирующих данный концепт. Анализ показал, что

при описании современных городов Китая российские туристы проявляют исключительную эмоциональность, используют разнообразные тропы (метафора, сравнение, олицетворение и т.п.) и, как правило, характеризуют основные артефакты с положительной точки зрения.

Литература:

1. Карасик, В. И., Стернин И. А. Антология концептов. Том 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — 352 с.

О грамматической концепции Токиэда Мотоки

Кузнецова Софья Михайловна, старший преподаватель
Московский городской педагогический университет

Ключевые слова: японский язык, грамматика японского языка, теория языкового существования.

В данной небольшой статье нам хотелось бы познакомить российского читателя с грамматической концепцией выдающегося японского лингвиста Токиэда Мотоки, труды которого малодоступны для российских специалистов в силу того, что практически не переводились на русский или английский языки. До знакомства с европейским языкознанием японская языковедческая традиция не имела ни одного системного описания грамматики родного языка. Лишь после знакомства Японии с европейской наукой появились первые грамматики, в основе которых лежал традиционный подход к представлению грамматической информации, причем первые из них были сделаны иностранцами — например, изданная в 1887 г работа англичанина Б.Х. Чемберлена «The Language, Mythology, and Geographical Nomenclature of Japan Viewed in the Light of Aino Studies». Впоследствии был создан ряд грамматических концепций японского языка (грамматика Ямада (Ямада Ёсио, 1873–1958), грамматика Мацусита (Мацусита Дайдзабуро, 1878–1935), грамматика Хасимото (Хасимото Синкити, 1882–1945), грамматика Токиэда (Токиэда Мотоки, 1900–1967)). Грамматическая концепция, созданная Хасимото, является в Японии главенствующей, и именно на ней построено обучение грамматике японского языка в государственных школах. Токиэда, подвергнув пересмотру и критике теории своего учителя Хасимото, основывающиеся на сочетании японской традиции и структурализма, а также и сосюрковский структурализм, разработал собственную теорию — так называемую школу «языкового существования» (言語過程説 гэнго катэй сэцу). Анализ концепции Токиэда позволяет нам утверждать, что более правильным следует считать перевод «Теория о языке как о процессе». Эту мысль подтверждает и перевод названия работы ученого на английский язык *Theory of language as process*, однако в отечественной лингвистике закрепилось именно приведенное выше название. Основной труд, в котором описана теория — «Принципы японского языкознания» (國語學原論 Кокугогаку гэнрон), 1941, неоднократно переиздававшаяся в Японии; выборочный перевод на русский язык представлен в хрестоматии «Языкознание в Японии», М., 1983. В книге Токиэда выступил с резкой критикой структурного подхода к языку, отстаивая антропоцентризм. Основные объекты его критики — теории Ф. де Соссюра и Ш. Балли. Объяснение этому факту кроется в их наличии в переводах на японский язык, так как по собственному утверждению Токиэда не владел западными языками. Однако, по мнению исследователей его концепции, в ней косвенно отразились идеи не издававшегося на японском языке В. фон Гумбольдта. Обращаясь к теориям Гумбольдта в своей работе Кокугогаку гэнрон, То-

киэда писал, что «... полагать, что язык существует и тогда, когда на нем никто не говорит, — всего лишь абстракция... исследуя язык, никогда и ни при каких условиях нельзя не учитывать субъект, его порождающий... язык и есть деятельность, осуществляющая говорение, чтение и др... язык — субъективная деятельность... которая и является конкретным объектом лингвистического исследования» [5]. Таким образом, язык, по Токиэда — «субъективная деятельность», объединяющая психологическую, физиологическую и физическую реальность.

Ученый считал, что «язык не существует... вне человека, который пытается его описать; он существует как духовный опыт самого наблюдателя» [5]. Это высказывание относится не только к родному языку человека, но и к древнему и иностранному: везде исследователь может изучать лишь тот язык, который он знает и в который он вжил. Здесь он безусловно исходил из традиционного опыта японских ученых, почти исключительно занимавшихся толкованием древних текстов и описанием языка этих текстов.

М. Токиэда разграничивал две точки зрения на описание языка: позицию субъекта и позицию наблюдателя. Позиция субъекта — позиция носителя языка; помимо практической деятельности эта позиция предусматривает и определенное осознание языка: мы отделяем в языке правильное от ошибочного, красивое от некрасивого, престижное от непрестижного. Позиция наблюдателя связана с изучением, анализом, описанием языка. Следовательно, подход к восприятию или рассмотрению языка с двух позиций различен: литературный язык и диалекты могут быть равноценны с точки зрения наблюдателя, но они различаются по прагматической оценке для субъекта; варианты одной фонемы не осознаются и не различаются субъектом, но наблюдатель может обнаруживать фонетические различия [7].

Признанием концепции Т. стало создание в 1948 г. Государственного института родного языка, являющегося по сути ведущим центром школы языкового существования; существенным влиянием эта школа пользуется также во многих университетах Японии. Основное внимание уделяется изучению психологических предпосылок речевых актов и особенно их социального контекста. Наиболее последовательно школа занимается изучением речи (в смысле Ф. де Соссюра); в определенной степени с ней могут быть сопоставлены анализ бытового диалога (*conversational analysis*), а также британская школа системно-функциональной грамматики.

Под влиянием концепции М. Токиэда был изобретён метод лингвистического исследования, получивший на-

звание «языкового существования» (гэнго сэйкацу). Не углубляясь в абстрактные лингвистические схемы, японские учёные начали последовательно и непрерывно фиксировать техническими средствами весь речевой поток, производимый среднестатистическим носителем японского языка двадцать четыре часа в сутки. И так день за днём, неделю за неделей. В течение этого периода времени исследователь фиксирует всю речевую деятельность в различных социальных ситуациях специально отобранного испытуемого, который рассматривается как «типичный представитель» той или иной социальной и возрастной группы. Регулярно проводятся массовые обследования значительного числа информантов на предмет функционирования литературного языка, диалектов и промежуточных образований («полудиалектов»), употребления тех или иных форм вежливости в тех или иных ситуациях и т.д.; эти обследования повторяются с теми же испытуемыми через несколько десятилетий, что позволяет получить данные о динамике речевых и языковых изменений. В результате были получены данные, часто отсутствующие для других языков: о среднем количестве слов, произносимых в день людьми разного возраста и положения, о средней длине предложения в тексте того или иного жанра, о времени, затрачиваемом японцами на чтение, письмо, говорение и слушание и т.д. Школа языкового существования активно использовала статистические методы исследования. Исследования школы имеют несомненную практическую значимость: на основе полученных данных разрабатываются методики преподавания языка, вырабатываются подходы к поддержанию и совершенствованию языковой нормы на государственном уровне.

Среди прочих пунктов концепции Токиэда Мотоки следует отметить последовательное разграничение двух классов языковых единиц: одни из них образуют понятия, другие передают чувства, настроения говорящего. К числу первых относятся глаголы, прилагательные, местоимения, наречия, ко вторым же принадлежат союзы, междометия, падежные частицы.

То, что в традиционной классификации частей речи японского языка называется падежными показателями и вспомогательными глаголами, Токиэда относит к группе 辞 *дзи* (утверждение), а существительные, глаголы — к группе 詞 *си* (содержание высказывания). Однако служебные глаголы (форманты), образующие страдательный залог, относятся к 詞 *си*, а среди отрицательных служебных глаголов и формантов есть такие, которые относятся и к той, и к другой группе. В такой теории в идеале предполагается, что каждое слово будет раз и навсегда отнесено к той или иной группе, однако в реальности это не всегда возможно соблюсти. На-

пример, считается, что наречие обладает свойствами и той, и другой групп, а в случае, если предложение оканчивается глаголом (а поскольку сказуемое в японском предложении всегда стоит в конце, т.е. сказуемое, выраженное глаголом, обязано содержать высказывание), то делается допущение, что за глаголом (詞 *си*) следует нулевой 辞 *дзи*.

Описывая грамматическую систему родного языка, М. Токиэда столкнулся с проблемой соотношения лексических и грамматических элементов на уровне слова, словосочетания и предложения. Порядок слов в японском предложении не строго фиксированный, глагол и управляемое им слово, например, могут быть разнесены в предложении и отделены различными словами, уточняющими значение как глагола, так и управляемого слова, а также, возможно и другого члена предложения; также одинаковые падежные показатели, указывающие на управление, могут быть использованы в одном предложении при разных его членах, также упомянутые показатели могут быть заменены (вытеснены) другим падежным показателем: например, существует правило, по которому показатель винительного падежа を *о* заменяется на показатель も *мо*, если контекст предполагает значение «тоже», «аналогично», или на союз や *я* «а также» при перечислении однородных членов предложения. С подобными трудностями понимания структуры предложения сталкиваются не только иностранцы, изучающие японский язык, но и сами носители языка, не дослушав предложение до конца, не могут быть уверены в правильном понимании мысли говорящего. Добавим также, что, поскольку японская культура признается высококонтекстной, зачастую необходимо дослушать до конца не только предложение, но все высказывание, а также помнить о том, что было сказано ранее. В частности поэтому считается, что синхронный перевод с японского языка чрезвычайно сложен.

М. Токиэда предложил решить этот довольно сложный вопрос с помощью простой и наглядной схемы, которую назвал «структурой вдвигаемых друг в друга ящичков».

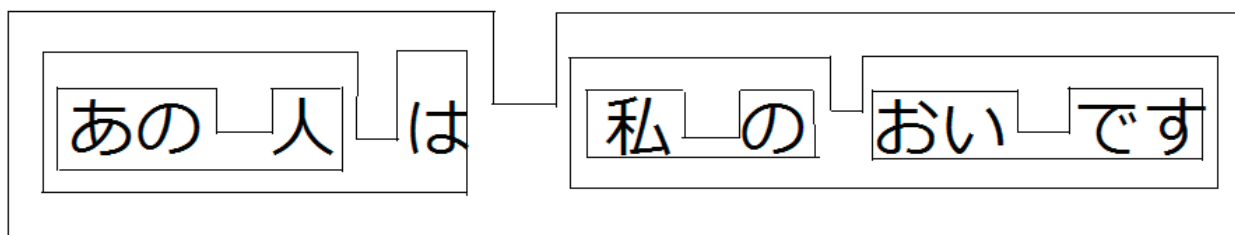
Если в линейной структуре Хасимото, общепринятой в школьной грамматике, предложение анализируется как последовательно развертываемая структура, в которой границей синтагмы считается место, в котором говорящий может сделать смысловую паузу, то структура Токиэда предлагает вычленять попарно взаимозависимые элементы (詞 *си* и 辞 *дзи*), постепенно раскрывая связи на более глубоком уровне. Таким образом, например, предложение あの人(は)私の甥(です) *ано хито ва ватаси но ои дэс* «Тот человек — мой племянник» у Хасимото делится на синтагмы следующим образом:

あの人(は)私の甥(です)					
あの人(は)			私の甥(です)		
あの人		は	私の甥		です
あの	人		私の	甥	
あの		私	の		
あの		人は		私の 甥(です)	

В нижней строке мы видим конечный результат анализа — четыре синтагмы: *あの* «тот» *人は* *хито ва* «человек» — *私の* *ватаси но* «мой» *甥です* *ои дэс* «племянник». Чтобы проиллюстрировать японский способ деления, вставим в русскую фразу соответствующие междометия: «Тот (не какой-либо другой), эээ, человек (именно человек, а не животное и не предмет мебели), эээ, мой (не чей-либо еще), эээ, племянник (не сын, не брат, не пле-

мянница). Для объяснения синтаксических связей требуются дополнительные разъяснения, ведь соседствующие элементы в линейной структуре отнюдь не связаны между собой.

Синтаксическая структура же в понимании Токиэда — ярусная структура, в этом она имеет преимущество, поскольку лучше подвергается анализу. Посмотрим, как анализируется то же предложение по системе «вкладываемых ящиков»:

Каждая отдельная «коробка» состоит из двух простых элементов — *詞си* + *辞дзи*, например, *甥* *ои* «племянник» (сущ.) + *です* *дэс* «является» (глагольная связка). В свою очередь, эта «коробка» в составе более высокого яруса выполняет функцию *辞дзи*: *私の* *ватаси но* + *甥* *ои дэс* «является моим племянником». На следующем ярусе мы выходим на уровень подлежащего и сказуемого в предложении — в японском языке мы говорим о группе подлежащего *あの人は* *ано хито ва* «тот человек» и группе сказуемого *私の甥です* *ватаси но ои дэс* является моим племянником», у Токиэда группа подлежащего в комплексе соответствует *詞си*, группа сказуемого — *辞дзи*.

Именно такое разложение синтаксической структуры, в частности, является базовым правилом практикующих русскоязычных переводчиков и преподавателей японского языка, поскольку синтаксис японского языка имеет обратный порядок слов относительно русского, и линейный анализ по Хасимото не способен дать быстрого и безшибочного понимания структуры предложения. Поэтому мы считаем, что изучение грамматической концепции Токиэда Мотоки, может быть полезно российским исследователям, в том числе, помочь развитию теории перевода с японского языка.

Литература:

1. Алпатов, В. М. Предисловие. — В кн.: Языкознание в Японии. М., 1983
2. Алпатов, В. М., Гуревич Т. М., Корчагина Т. И., Нечаева Л. Т., Стругова Е. В. Полвека в японоведении. М., 2013
3. Неверов, С. В. Социально-языковая практика современной Японии. М., 1982
4. Прасол, А. Япония. Лики времени. М., 2008
5. Языкознание в Японии (отрывки из сочинений лингвистов, принадлежащих школе языкового существования). М., 1983
6. Kokubunproukouza 1, Meiji Shouin 1987
7. Naoki Fuse, Tokieda Motoki and his theory of Language as process — Thesis, the Ohio State University 2010

Особенности метафорической образности в современной англоязычной научной фантастике

Молчанова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент;
Касаркина Валентина Евгеньевна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Современные исследования метафоры доказали ее объяснительный потенциал в репрезентации новых знаний, объектов и явлений, которые являются концептуальной особенностью такого жанра литературы как научная фантастика.

Термин «научная фантастика» относят к ложным друзьям переводчика, так как в оригинале словосочетание «science fiction» следует интерпретировать как «научный художественный вымысел». Однако данное, пусть и ошибочное, понятие вошло в русский язык и укрепилось

в нем, означая жанр литературы, основанный на неком допущении в области науки: появлении нового изобретения, открытии новых законов природы, иногда даже построении новых моделей общества.

В узком понимании, научная фантастика повествует о технологиях и научных открытиях, их захватывающих возможностях, их позитивном или негативном влиянии, о парадоксах, которые могут возникнуть. В более общем понимании, научная фантастика — это фантастика без сказочного и мистического, где фантастические события и явления имеют не сверхъестественное, а научное объяснение.

Как правило, в данном жанре человечество рассматривается глобально и опосредованно, как некое целое, и описывается автором на фоне того или иного фантастического события или явления. Соответственно, основное внимание уделяется не описанию внутреннего мира отдельных героев, их переживаний, мыслей, что характерно для беллетристики, а созданию фантастических образов.

Базой проведенного исследования стали такие современные произведения, принадлежащие к жанру «твердой» научной фантастики, как «Ложная слепота» Питера Уоттса, «Воскрешенная империя» Скотта Вестерфельда и «Марсианин» Энди Уира.

Термин «hard SF» был введен американским писателем-фантастом и литературным критиком Петером Ш. Миллером в 1957 году. «Твердая» научная фантастика, как поджанр, содержит подробные и значительные по объёму описания научно-технических достижений и противопоставляется «мягкой» научной фантастике, которая черпает вдохновение в области гуманитарных, общественных наук и обращает внимание в первую очередь на гуманитарные аспекты, такие, как влияние научно-технического прогресса на развитие общества, психологические и социальные проблемы, человеческие взаимоотношения, чувства и переживания персонажей.

Исследование показало, что метафоры в современной научной фантастике функционируют при репрезентации следующих фантастических образов: технологии будущего (20%), включающие в себя оружие, роботов, другие технические устройства; инопланетные объекты и существа (18%); человек будущего (15%); космические корабли (11%); сознание (9%); наука (9%); космические тела (7%), включающие в себя планеты, кометы, астероиды и другие космические артефакты; искусственный интеллект (5%); космос и вселенная (3%); эмоции и переживания героев (2%); жизнь на Земле (1%).

Остановимся подробнее на каждой группе образов.

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО. Это роботы, оружие, инструменты, устройства. В научной фантастике явно прослеживается отождествление техники с живыми существами. Так, роботы и различные технические устройства — это крабы, змеи, пауки, муравьи, которые выполняют порученные задания с усердием и без усталости. Таким образом, в основе метафор лежат такие черты, присущие

членистоногим, как некоторая медлительность, но при этом методичность и исполнительность:

He felt briefly naked in the covering of *clever ants*. [3, с. 46]

Across the membrane those *snakes and eyestalks* returned to their work on the virtual carcass. [1, с. 87]

В то время как при описании оружия возникает другой образ: опасное и хищное животное, что соответствует агрессии и насилию, как базовым функциям орудий убийства:

A hail of seeking bullets had rounded the corner, a *flock of flaming birds* that filled the hallway with *high-pitched screams*. [3, с. 74]

The weapons were arranged by kind and size — *the excavated teeth of some ancient predator* displayed by form and function. [2, с. 91]

ИНОПЛАНЕТНЫЕ ОБЪЕКТЫ. Это инопланетные существа, а также артефакты инопланетного происхождения. В современной научной фантастике, как и в фантастике в пору ее зарождения, сохраняется общая тенденция представлять инопланетян, лишенных гуманизма, в виде безликих и бесформенных существ с щупальцами. Так, инопланетяне отождествляются с гидрами, медузами, а их движения — с движениями змей и других пресмыкающихся:

After a few moments the arms uncoiled. *The blooming of calcareous flowers*. [1, с. 63]

The alien carcass bumped gently off the wall, twitching: *a hydra of human backbones*. [3, с. 103]

Места обитания инопланетян, подобно космическим кораблям людей, описываются как некий огромный функционирующий организм, с той лишь разницей, что они характеризуются большей степенью оживленности и более подробными метафорическими описаниями, в основе которых лежит анатомия сложных живых организмов. У них есть вены, артерии и диафрагмы, наблюдаются спазмы и перистальтические движения, как в желудке:

Over hours some of passageways might develop into *contracting irises*, into *complete septa*. [3, с. 52]

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО. Человек в научной фантастике рассматривается не как индивидуум, а как вид. И вид этот — не предмет восхищения для автора, ибо достигнув высот в научно-техническом прогрессе, человечество все равно предстает глупым, неуклюжим и лишенным сознательности. Одной из ключевых проблем в современной науке, а соответственно, и в научной фантастике является разграничение интеллекта и сознания.

Так, в отличие от произведений целых поколений писателей и поэтов, воспевающих человеческую индивидуальность и уникальность, основывающих свои труды на антропоцентрической парадигме мироздания, люди будущего в научной фантастике утратили свою значимость, их существование не имеет высшей цели, они разумны, но не обладают самосознанием, оттого вынуждены уступать искусственному интеллекту, который сами породили. В этой связи, метафоры, участвующие в описании человечества, основаны на многократном уменьшении и сокращении его функциональной роли в масштабах вселенной:

The petty struggles of individual humans were merely *the firings of dendrites* at some base, mechanical level of thought. [1, с. 126]

Humanity is but *the raw material* of greater minds. [3, с. 77]

People were *glaciers*, vast, dignified creatures who evidently knew a lot of things, but whose movements and reactions seemed deliberately, infuriatingly slow. [3, с. 135]

КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ. Космические корабли занимают особое место в научной фантастике, так как именно они изначально являлись концептуальным символом, репрезентирующим данный жанр, именно внутри космических кораблей происходит большая часть повествования. Как и инопланетные места обитания, корабль — живое, разумное существо. Его строение отождествляется с человеческим:

And that was all we did: sit in Theseus' *belly*. [1, с. 144]

Его анализаторы — с человеческими органами чувств:

The ship *stared her own unblinking stare*, more distant though more acute. [3, с. 36]

Внутреннее строение корабля — с человеческим организмом:

Its *spinal nerves* ran along its axis. [2, с. 23]

Имеет место также зависимость типа метафорического представления от относительного размера описываемых кораблей. Так, чем больше корабль, тем больше внимания концентрируется на метафорическом описании его внутренней структуры; если же корабль относительно мал, автор использует единичный метафорический образ для изображения только его внешнего вида:

The craft was growing, *a spider with twenty splayed legs emerging suddenly from a seed*. [2, с. 2]

СОЗНАНИЕ. Сознание человека в рамках научной фантастики — его враг, атавизм. Оно играет с ним в игры, пугает его, сознание владеет человеком, не дает познать себя до конца, как систему. Мозг — это обитель кошмаров, и при метафорическом описании является пассивной, неодушевленной стороной, которую постоянно тревожат различные внешние воздействия:

His mind was tangibly barren; she sensed only *tattered remainders of will, the cold stumps of a burned forest*. [3, с. 93]

При этом галлюцинации, страхи и переживания одушевляются и позиционируются не как принадлежащие человеку, а приходящие извне, спровоцированные радиацией, магнитными полями, гипнозом и другими факторами:

They're tricks of the mind, the same *neurological smoke-and-mirrors*. [2, с. 134]

I looked away to give this *ill-behaved hallucination* a chance to vanish gracefully. [1, с. 18]

НАУКА. Оригинальные метафоры используются при описании достижений науки, а также различных объектов и явлений, имеющих к ней отношение, таких как молекулы, частицы, гравитоны, магнитные волны и другие. Они одушевляются писателями, также по отношению к ним нередко применяются метафоры, имеющие в ос-

нове своей понятия, характерные для денотации социальных отношений:

The lovely particle was *truly queen* of the gravitons. [3, с. 215]

The forced matings of minds and electrons succeed and fail with equal spectacle. [1, с. 63]

В результате достигается наиболее адекватное восприятие процессов, суть которых сложно понять читателю, не имеющему базовых, а иногда и углубленных знаний в теории физики, биологии, информационных технологий и других отраслей науки.

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЛА. Это планеты, кометы, газовые гиганты и другие объекты, существующие в космосе. Так как при их описании наиболее существенную роль играет непосредственно поверхность, а не внутреннее строение, как, например, в космических кораблях, имеет место отождествление планет с человеческим лицом при близком рассмотрении, а на удаленном расстоянии вся планета — это глаз, смотрящий немигающим взором:

I remembered the close-up: a twinkling orb of black-hearted fires; *a face gashed and pockmarked*, endlessly wounded, endlessly healing. [1, с. 24]

It was not the angry, bloated disk it had been before. Now it was merely *a baleful eye*. [2, с. 134]

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. ИскИн в не столь далеком будущем становится не помощником человека, а вполне целостной, самостоятельной и самосознающей сущностью, стремящейся захватить власть над всеми информационными структурами. Будучи созданным человеком, ИскИн также не может развиваться без человеческих ресурсов, однако способности к скоротечному самораспространению отражаются в метафорах, отождествляющих его с семенем или зародышем:

Compound mind had been just *a seed* before, a kernel of design possessing a tiny mote of consciousness, *waiting to unleash itself across a fecund environment*. But only the integrated data systems of an entire planet were *lush* enough to hold it, to match *its nascent hunger* as it grew. [3, с. 166]

На стадии потенциального существования ИскИн не одушевляется, однако с момента своего зарождения он предстает в образе живой и всеобъемлющей субстанции:

Artificial mind *breathed deep its existence*. [1, с. 51]

That was being a compound mind. *The epiphenomenal chimera* that was well beyond the sum total of all petty transactions. [3, с. 21]

КОСМОС И ВСЕЛЕННАЯ. В научной фантастике вселенная — это не загадочная и мистическая неизвестность, полная тайн, а скорее рутинная данность и воплощение пустоты, но одновременно и воплощение смертельной опасности:

The sudden void stretched empty and *unforgiving* in all directions. [2, с. 82]

Масштабы космоса не так пугающе неизмеримы, и наиболее ярким метафорическим символом вселенной становится двор, в котором есть дальние уголки, где могут жить незамеченными инопланетные цивилизации:

But now something lurked *at the furthest edge of our backyard*, calling into the void. [1, с. 34]

It was the *dirty and universal work* of organizing solar systems. [3, с. 11]

ЭМОЦИИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ГЕРОЕВ. Данная категория не имеет прямого отношения к фантастическим образам, однако должна быть рассмотрена, так как зачастую эмоции и переживания героев спровоцированы их специфическими способностями, либо событиями, имеющими непосредственное отношение к научно-фантастическому повествованию. Такие эмоции как отвращение, страх, тревога, нервозность уверенность и другие описываются с помощью метафор, имеющих в своей основе семантику стихийности, скорости распространения, и приобретают форму потоков, линий, спиралей, волн, электрических импульсов:

Spirals of revulsion wound through the man — coiling serpents on his artificial limbs. [3, с. 162]

She felt *static electricity of Wat's nerves* filling the room, coruscating with every sudden movement or sharp word. [1, с. 76]

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ. Описанию земной жизни в жанре твердой научной фантастики уделяется мало внимания, либо о ней не повествуется вообще. Действие про-

исходит либо на космическом корабле, либо на других планетах, либо земная жизнь подвергается угрозе со стороны инопланетных цивилизаций.

Так, Земля отождествляется с Чистилищем — местом, подобным аду. Однако, это не ад, где страдают, а ад, где живут в бесконечном забвении. Рай — футуристическая технология, позволяющая людям после смерти сохранять свое сознание и память в виде голографического аватара, но при этом лишённого души. Данная метафора является символом краха религии, как таковой, ибо Рай появляется на земле, однако теперь это уже не более чем «околица глобальной деревни»:

Heaven was merely a suburb of the global village. [1, с. 37]

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили, что оригинальная авторская метафора является одним из преобладающих стилистических приемов при создании научно-фантастических образов, характерных для данного жанра. Рассматриваемый стилистический прием в современной научной фантастике чаще всего участвует в репрезентации таких образов, как технологии будущего, инопланетные объекты и существа, человек будущего и космические корабли.

Литература:

1. Watts, P. *Blindsight*. Canada: Tor Books, 2006.
2. Weir, A. *The Martian*. US: Crown Publishing Group, 2011.
3. Westerfeld, S. *The Risen Empire*. Canada: Tor Books, 2003.

Способы выражения вида приставочных глаголов движения в персидском языке

Мухаммади Мухаммад Реза, кандидат филологических наук, доцент;
Абтин Голкар, кандидат филологических наук, преподаватель;
Шахбазиян Зейнаб, магистрант
Университет Тарбият Модарес (г. Тегеран, Иран)

В русском языке есть небольшая группа глаголов, обозначающих различные способы перемещения в пространстве — это глаголы движения. В группу глаголов движения включаются глаголы однонаправленного движения и разнонаправленного движения. Добавление приставок к глаголам однонаправленного и разнонаправленного движения дает возможность образовать видовые пары и это зависит от значения приставок и направления движения.

Обе темы — глаголы движения и вид — являются наиболее сложными темами при обучении русскому языку как иностранному. Сложность данной темы особенно для персо-говорящих студентов, является результатом того, что глаголы движения в персидском языке не имеют прямого эквивалента.

Ключевые слова: вид, глаголы движения, приставочные глаголы, бесприставочные глаголы, русский язык, персидский язык.

Исследуя разные глагольные категории русского и персидского языков, надо отметить, что вид глагола является одной из важнейших категорий глагола в русском

языке, и для персо-говорящих студентов вид — самая сложная часть грамматики. Одна из причин трудности изучения вида для персо-говорящих студентов, изучающих

русский язык, заключается в отсутствии системы вида в персидском языке, но вид выражается в персидском языке при помощи категории времени и других грамматических средств.

Отсутствие категории вида в персидском языке приводит персо-говорящих студентов в смущение при выражении вида глагола в персидском языке. При передаче видов глагола на персидский язык иногда проявляются некоторые затруднения, особенно в тех случаях, когда в предложении используется вид глаголов движения. Результат данной работы помогает персо-говорящим студентам, правильно понять значение вида русских глаголов движения и правильно употреблять их персидские эквиваленты. Данная исследовательская работа восполняет пробел в сопоставительной грамматике русского и персидского языков, которая дает возможность более качественные и близкие по смыслу переводы.

В данном исследовании рассматривается общая характеристика персидского глагола и категория времени в персидском языке и выясняется какими конструкциями в персидском языке передается вид русских глаголов движения.

Категория вида глаголов

В русском языке вид¹ является постоянной грамматической категорией глагола, так как «Он обнаруживается во всех глагольных формах, по этой же причине он не относится к числу предикативных глагольных категорий, он реализуется не только в позиции сказуемого. Вид обладает классифицирующим свойством: все глагольные лексемы он делит на две группы. Одну группу называют глаголами несовершенного вида, другую — глаголами совершенного вида» [2].

По мнению Н.С. Авиловой, вид глагола является грамматической категорией и охватывает всю глагольную лексику. Это специфическое явление славянских языков в частности русского языка. Вид выражается в других языках другими грамматическими и лексическими способами [1].

По нашему мнению, наиболее полное и всестороннее определение вида русских глаголов даётся Н.Ю. Шведовой в книге «Русская грамматика». Она определяет, что вид — это система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида). Категорией вида охватываются все глаголы. Ограничение действия пределом означает ограничение действия абстрактным, внутренним пределом, представляющим действие как целостный акт, в отличие от представления действия как процесса в его длительности или повторяемости [3].

Большие усилия русских специалистов и авторов грамматики русского языка, не решают проблемы иностранных студентов при употреблении вида глаголов, потому что пособия и учебники, предоставленные экспертами, написаны с точки зрения русского языка, не учитывая различных систем употребления глагола в родном языке иностранных студентов в сравнении с русским языком [8].

Персидские лингвисты не характеризуют категорию вида персидского глагола, как она есть в русском языке. Несмотря на это, следует отметить, что Х. Анвари и Х. Ахмади-Гиви в книге «Персидская грамматика-2» разделяя глаголы на разные группы как приставочные, сложные, вспомогательные и др., считают, что в персидском языке существует группа глаголов, которая называется «совершенные и несовершенные глаголы». Эти персидские глаголы вообще различаются от совершенного и несовершенного вида русских глаголов. Несовершенные глаголы — это глаголы, которые не требуют всех форм времени. Например, глагол *будән* (быть) не имеет формы настоящего времени и в настоящем времени используется глагол *әстән* (есть). Еще существует другая группа глаголов, которая называется «ләхзеи вә тадавоми» (моментальные и продолжительные глаголы) [5].

Профессор А. Шафаии, востоковед и грамматист персидского языка в своей книге «Научные основы грамматики персидского языка», используя 353 источника на русский язык, говорит о характеристике вида в персидском языке. По его мнению «зомреуе герамериуе гунеш» (вид), также существует в персидском языке. А. Шафаии высказывает мысль о том, что некоторые лингвисты персидского языка путают категорию вида с категорией времени. Он пишет, что в персидском языке глаголы с точки зрения совершенствования действия имеют два вида: совершенный и несовершенный вид [7].

В статье «Обучение виду иностранным студентам персидского языка» З. Таджоддин и М. Ешгави подчеркивают, что вид в сравнении с грамматическими временами в персидском языке разделяется на 3 группы: 1) совершенный вид 2) несовершенный вид 3) сложный вид [6].

Глаголы движения

В русском языке есть небольшая группа глаголов, обозначающих различные способы перемещения в пространстве. Это глаголы движения. По определению книги «Русская грамматика», глаголы движения являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов несовершенного вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разнокорневых в паре идти — ходить). Эти слова противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности — разнонаправленности движения, а также по некратности — кратности. Соотносительные пары глаголов движения следующие:

¹ Вид называют также аспектом.

1) бежать — бегать; 2) брести — бродить; 3) везти — возить; 4) вести — водить; 5) гнать — гонять; 6) гнаться — гоняться; 7) ехать — ездить; 8) идти — ходить; 9) катить — катать; 10) катиться — кататься; 11) лезть — лазить; 12) лететь — летать; 13) нести — носить; 14) нестись — носиться; 15) плыть — плавать; 16) ползти — ползать; 17) тащить — таскать; 18) тащиться — таскаться [3].

М. А. Шелякин считает, что выделяются четырнадцать пар глаголов движения:

1) бежать — бегать, 2) брести — бродить, 3) везти — возить, 4) вести — водить, 5) гнать — гонять, 6) ехать — ездить, 7) идти — ходить, 8) катить — катать, 9) лезть — лазить, 10) лететь — летать, 11) нести — носить, 12) плыть — плавать, 13) ползти — ползать, 14) тащить — таскать [4].

Традиционно выделяются четырнадцать пар глаголов движения, но некоторые исследователи считают, что существуют более 14 пар глаголов движения, в том числе в вышеназванной книге «Русская грамматика» выделяются восемнадцать пар. В дальнейшем мы рассматриваем по традиции 14 пар глаголов движения и учитываем в своей работе.

В персидском языке не существует категории глаголов движения. Глаголы со значением движения, разумеется, существуют, но лингвисты персидского языка не разделяют определенной группы глаголов движения и не различают между глаголами движения и другими глаголами, это не значит, что не существует грамматических способов его выражения, мы рассматриваем эти способы в данном разделе.

Вид приставочных глаголов однонаправленного движения

«Одновидовой характер префиксальных глаголов однонаправленного движения обусловлен тем, что в соединении с префиксами их лексическое значение всегда меняется (*идти* — *прийти*, *дойти*, *уйти*, *отойти*). Чистовидового префикса у этих глаголов не бывает. Видовая пара у таких приставочных глаголов создается средствами вторичной имперфективации и соотношениями типа *принести* — *приносить*.

Глаголы с начинательным значением с префиксом по- (*пойти*, *побежать*) остаются несоотносительными глаголами сов. вида.

К глаголам однонаправленного движения по лексической семантике примыкают глаголы со значением перемещения: *мчать* и *мчаться*, *шагать*, *следовать*, *влечь*» [3].

«Глаголы однонаправленного движения префиксальной видовой пары не образуют; но у образованных от них префиксальных глаголов вторичная имперфективация регулярна. При этом вторичный глагол несов. вида образуется у глаголов однонаправленного движения различными способами:

1) У глаголов *везти*, *вести*, *гнать*, *идти*, *нести*, *лететь* с различными префиксами (например, *привезти*, *принести*, *улететь*) образование несов. вида происходит по образцу соотношения беспрефиксных однонаправленных/разнонаправленных глаголов. Так, по образцу соотношения *нести* — *носить* образуется видовая пара *принести* — *приносить*. Таким же образом образуются пары *привезти* — *привозить*, *привести* — *приводить*, *пригнать* — *пригонять*, *прийти* — *приходить*, *прилететь* — *прилетать*. Так же образуются парные соответствия у названных глаголов и с другими префиксами (*унести* — *уносить*, *залететь* — *залетать*).

2) У всех остальных префиксальных глаголов движения несов. вид образуется путем вторичной имперфективации: *прикатить* — *прикатывать*, *закатить* — *закатывать*, *прилезть* — *прилезать* (разг.), *влезть* — *влезать*, *приплыть* — *приплывать*, *отплыть* — *отплывать*, *приползти* — *приползать*, *забрести* — *забредать*, *притащить* — *притаскивать*, *прибежать* — *прибегать*, *убежать* — *убегать*, *уехать* — *уезжать*. Глаголы однонаправленного движения образуют с префиксом по- глаголы сов. вида с начинательным значением, которые остаются несоотносительными глаголами сов. вида: *пойти*, *побежать*, *поплыть*» [3].

Итак, сначала приведем примеры в **простых** предложениях и рассмотрим способы выражения видовых пар приставочных глаголов однонаправленного движения в персидском языке:

- 1.а. Андрей *ушел* в магазин. (СВ) (=Егонетдома)
 — андрей бе ма́ғазеһ *рәфтеһ-әст.* (прошедшее-настоящее время)
 — андрей бе ма́ғазеһ *рәфтеһ-буд.* (преждепрошедшее время)
- 1.б. Андрей *уходил* в магазин. (НСВ) (=Он уже дома)
 андрей бе ма́ғазеһ *рәфт.* (простое прошедшее время)
- 2.а. Анна *подошла* ко мне. (СВ) (Она стоит рядом)
 ана пише ма́н *амәдеһ-әст.* (прошедшее-настоящее время)
- 2.б. Анна только что *подходила* ко мне. (НСВ) (Она уже отошла)
 — ана һәмин әлан пише ма́н *амәд вә рәфт.* (простое прошедшее время)
 — ана һәмин әлан пише ма́н *амәдеһ вә рәфтеһ-әст.* (прошедшее-настоящее время)
 — Где мама? — Она *пошла* в магазин. (СВ)
 — мадәр коджаст? —у бе ма́ғазеһ *рәфтеһ-әст.* (прошедшее-настоящее время)
- В ту ночь, он *отвез* детей в деревню к бабушке, а сам вернулся в город. (СВ)
 дәр ан шәб у бәчеһа ра пише мадәрбозорг *бордеһ-буд* вә ходәш бе шәһр бәргәштеһ-буд. (преждепрошедшее время)
 Пусть он *придет* сюда. (СВ)
бегозар у инджа *биайәд.* (настоящее — будущее время сослагательного наклонения)
- 3.а. К тебе *пришел* твой друг. (=Он у тебя) (СВ)

дустāt пише то *амāдеһ-āст*. (прошедшее-настоящее время)

3.б. К тебе *приходил* твой друг. (= Был у тебя и ушёл) (НСВ)

дустāt пише то *амāдеһ-буд*. (преждепрошедшее время)

В начале этой части отдельно мы анализировали простые предложения, поскольку нам кажется, что в простых предложениях трудно дать окончательные эквиваленты в персидском языке. Далее рассматриваются примеры в **сложных** предложениях:

4.а. Я встретил Виктора, когда *выходил* из дома. (НСВ) (Процесс движения)

вāғти *даштāм* āз ханеһ *харедж мишодāм*, виктор ра дидāм. (прошедшее конкретное время)

4.б. Я встретил Виктора, когда *вышел* из дома (СВ) (Результат движения)

– вāғти āз ханеһ харедж *шодāм* виктор ра дидāм. (простое прошедшее время)

– вāғти āз ханеһ харедж *шоде-будāм*, виктор ра дидāм. (преждепрошедшее время)

Он позвонил мне, когда *дошел* (добрался) до железнодорожной станции.

у вāғти бе истаґе раһаһāн *ресид*, бе мāн зāнг зād. (простое прошедшее время)

Когда я *приехал* в Москву, я не знал ни одного русского слова.

вāғти бе моско *ресидāм*, һātта йек кālāмеһ руси һāм бālād нāбудāм. (простое прошедшее время)

Отец дома? — Да, он *пришёл*.

педār ханеһ āст? — бāле у *бāргāштеһ-āст*. (прошедшее-настоящее время)

Отец был дома днём? — Да, он *приходил* победать.

педār зоһр ханеһ буд? — бāле у бāрайе наһар *бāргāштеһ-буд*. (преждепрошедшее время)

Я давно не видел Антона. Где он? — Он *уехал* в Киев к знакомым.

хейли вāғт āст ке антон ра нāдидеһ-āм. Коджаст? — у бе киеф нāзде ашнаянāш *рāфте-āст*. (преждепрошедшее время)

Глаголы движения совершенного вида в персидском языке переводятся на персидский язык прошедшее-настоящем временем и глаголы несовершенного вида (приставочные глаголы разнонаправленного движения) выражаются преждепрошедшем временем:

5.а. Он *пришел* сюда. (СВ)

у бе инджа *амāдеһ-āст*. (прошедшее-настоящее время)

5.б. Он *приходил* сюда. (НСВ)

у бе инджа *амāдеһ-буд*. (преждепрошедшее время)

Вид приставочных глаголов разнонаправленного движения

Глаголы разнонаправленного движения используются обычно для выражения постоянного свойства предмета,

поскольку в их семантике нет ограничения процесса в отношении направленности: *Рожденный ползать летать не может* [М. Горький, Песнь о соколе]. При добавлении приставок к глаголам разнонаправленного движения, они остаются глаголами несовершенного вида, за исключением глаголов разнонаправленного движения с приставками *за-*, *по-*, *про-*, *раз-* и *с-*, которые являются одновидовыми глаголами совершенного вида [4].

Н. С. Авилова отмечает многозначность разнонаправленных глаголов движения и считает, что эти глаголы в определенных значениях могут быть ограничены, предельны, например, *ходить* — *сходить* (в магазин за хлебом) Можно считать их в данном значении составляющими видовую пару, где в совершенном виде есть ограничение действия результативным пределом в сфере субъекта действия [1].

Присоединение префикса к такому глаголу меняет его лексическое значение: *ездить* — *выездить* (1. приучить ходить в упряжи и под седлом; 2. заработать ездой); *водить* — *выводить* (лошадь). У приставочных глаголов разнонаправленного движения видовая пара формируется вторичной имперфективацией: *выездить* — *выезжать*, *выводить* — *вываживать*. В других случаях образования с префиксом имеют значение начинательности (*ходить* — *заходить*, *бегать* — *забегать*), ограниченности во времени (*походить*, *побегать* [какое-то время]), окончания действия (*отъездить*, *отбегать*) [3].

В дальнейшем будет рассмотрена роль приставок при образовании видовых пар глаголов движения. Сначала приведем примеры приставочных глаголов разнонаправленного движения в простых предложениях:

Я всегда *захожу* сюда по дороге домой. (НСВ)

һāмише дār раһе ханеһ бе инджа *сār мизāнāм*. (настоящее-будущее время)

Что ты завтра будешь делать? — Я *поеду* в Петербург. (НСВ)

фāрда чекар хаһи кārд? фāрда бе петербург *мирāвāм*. (настоящее-будущее время)

Он *прибежал* нам на помощь. (НСВ)

у бāрайе комāк бе сāmте ма *шетафт*. (простое прошедшее время)

1.а. Утром врач *приходил* к больному, осмотрел его и *уехал* в поликлинику. (НСВ + СВ)

собһ достор пише бимар *амād*, у ра моайене кārд вā бе дārманґаһ *рāфт*. (простое прошедшее время)

1.б. Утром врач *приходил* к больному, осматривал его и *уезжал* в поликлинику. (НСВ + НСВ)

собһ һа достор пише бимар *миамād*, у ра моайене микārд вā бе дарманґаһ *мирāфт*. (прошедшее длительное время)

Он опоздал, потому что *заходил* на почту. (НСВ)

у дир ресид, чон бе едарейе пост *рāфтеһ-буд*. (преждепрошедшее время)

Его не было на вечере, потому что он *уезжал* за город. (НСВ)

у дәр шәбнешини һозур нәдашт, чон әз шәһр *харедж шодех-буд*. (преждепрошедшее время)

А вы куда-нибудь *уезжали*? Явас давно не видела. (НСВ)

айа шома джаи *рәфтеш-будид*? Хейли вәйт әст ке шома ра нәдидеһәм. (преждепрошедшее время)

— Сосед был здесь? — Да. Он *приходил* час назад. (НСВ)

һәмсайеш анджа буд? — бәле у йек саәте пиш *амә-деһ-буд*. (преждепрошедшее время)

2.а. Вчера ко мне *приехали* родители, они будут жить у меня месяц. (СВ)

дируз валедейнәм нәзде мән *амәдеһ әнд*. анһа йек маһ ба мән зендеги хаһәнд кәрд. (прошедшее-настоящее время)

2.б. В прошлом году ко мне *приезжали* родители, они жили у меня месяц. (НСВ)

парсал валедейнәм пише мән *амәдеһ-будәнд*. анһа йек маһ ба мән зендеги кәрдәнд. (преждепрошедшее время)

3.а. Утром почтальон *принес* нам свежие газеты. (СВ)
собһ постчи бәрайе ма рузنامهһае емруз ра *авәр-деһ-әст*. (прошедшее-настоящее время)

3.б. На урок географии преподаватель *приносил* карту России. (НСВ)

сәре дәрсе джоғрафи остад нәгше русие ра *авәр-деһ-буд*. (преждепрошедшее время)

Приставочные глаголы разнонаправленного движения в **сложных предложениях** выражаются следующим образом:

Я встретил Виктора, когда *выходил* из дома. (НСВ)

— вәйти әз ханеш *харедж мишодәм*, виктор ра дидәм. (прошедшее длительное время)

— вәйти *даштәм* әз ханеш *харедж мишодәм*, виктор ра дидәм. (прошедшее конкретное время)

Когда я *подходил* к дому, в окнах горел свет. (НСВ)

— вәйти бе ханеш *нәздик мишодәм*, пәнджереха рошән будәнд. (прошедшее длительное время)

— вәйти *даштәм* бе ханеш *нәздик мишодәм*, пәнджереха рошән будәнд. (прошедшее конкретное время)

Каждый раз, когда преподаватель *входил* в аудиторию, студенты вставали. (НСВ)

һәр бар замани ке остад *вареде* отағ *мишод*, данешджуян боләнд мишодәнд. (прошедшее длительное время)

Когда мы *уходили* из университета, там еще оставался кто-нибудь? (НСВ)

вәйти әз данешгаһ *харедж мишодим* дигәр кәси анджа мандеһ-буд? (прошедшее длительное время)

Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели значение, употребление и коммуникативные контексты, где встречаются глаголы движения совершенного и несовершенного вида. Нас интересовало, какие эквиваленты глаголов движения совершенного и несовершенного вида имеются в персидском языке и как они употребляются.

В связи с отсутствием вида, в персидском языке различные временные формы настоящего, прошедшего и будущего времени могут выражать завершенность и незавершенность, длительность и многократность, результативность действия. Ниже указываем на персидские эквиваленты глаголов движения совершенного и несовершенного вида в простых и сложных предложениях:

а. **Приставочные глаголы однонаправленного движения** являются глаголами **совершенного вида** и выражаются в персидском языке следующими образами:

1) простое прошедшее время

Он позвонил мне, когда *дошел* (добрался) до железнодорожной станции.

у вәйти бе истгаһе раһаһән *ресид*, бе мән зәнг зәд.

2) прошедшее-настоящее время

Андрей *ушел* в магазин. (СВ)

андрей бе мағазеш *рәфтеш-әст*.

3) прошедшее конкретное время

Я встретил Виктора, когда *выходил* из дома. (НСВ)

вәйти *даштәм* әз ханеш *харедж мишодәм* виктор ра дидәм.

4) преждепрошедшее время

В ту ночь, он *отвез* детей в деревню к бабушке, а сам вернулся в город. (СВ)

дәр ан шәб у бәчеһа ра бе руста пише мадәрбозорг *бордеһ-буд* вә ходәш бе шәһр барғәштеһ буд.

б. **Приставочные глаголы разнонаправленного движения** являются глаголами **несовершенного вида** и в некоторых случаях глаголами **совершенного вида**.

б.1. **Приставочные глаголы разнонаправленного движения несовершенного вида** выражаются в персидском языке следующими образами:

1) простое прошедшее время

Он *прибежал* нам на помощь. (НСВ)

у бәрайе комәк бе сәмте ма *шетафт*.

2) прошедшее длительное время

Утром врач *приходил* к больному, осматривал его и *уезжал* в поликлинику. (НСВ + НСВ)

собһ һа достор пише бимар *миамәд*, у ра моайене микәрд вә бе дармангаһ *мирәфт*.

3) преждепрошедшее время

Он опоздал, потому что *заходил* на почту. (НСВ)

у дир ресид, чон бе едарейе пост *рәфтеш-буд*.

4) прошедшее конкретное время

Я встретил Виктора, когда *выходил* из дома.

вәйти *даштәм* әз ханеш *харедж мишодәм*, виктор ра дидәм.

б.2. **Приставочные глаголы разнонаправленного движения совершенного вида** выражаются на персидский язык следующими образами:

1) простое прошедшее время

Он вдруг *заходил* по комнате. (СВ)

у нағәһан дәр отағ *шору* бе раһ *рафтән кәрд*.

2) прошедшее-длительное время

Дети *разбегались*, расшумелись в зале. (СВ)

бāчеha дār салон морātāбāн ин тārāф вā ан тārāф *ми-дāвидāнд* вā сārоседа микārдāнд.

3) преждепрошедшее время

Он *сходил* в магазин за хлебом. (СВ)

у бāрайе хāридеh нан бе мāғазеh *рāфтеh-буд*.

Кроме временных способов выражения вида глаголов движения на персидский язык, мы пришли к выводу что существуют другие способы их выражения как:

1) простой глагол:

журнал *унесла* с собой Нина.

нина мādжāлеh рa бa ходāш *бордеh-āст*.

2) сложный глагол:

Кошка *влезла* на дерево.

горбeч āз дeрaхт *бaлa рāфтеh-āст*.

3) глагол + глагол

Каждые 45 минут мы *выходили* из класса.

hār 45 dāғигe йек бар ма āз келас *бирун мирāфтим вā бārмиғāштим*.

4) глагол + обстоятельство:

Вам Иванова? Перезвоните попозже, он *вышел*.

бa ивaнoф кaр дaрид? бādāн тāмaс бeғирид, у *мoвāғāтāн бирун рāфтеh-āст*.

Литература:

1. Авилова, Н. С., Вид глагола и семантика глагольного слова. — М.: Наука, 1976.
2. Камынина, А. А., Современный русский язык морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. — М.: издательство московского университета, 1999.
3. Русская грамматика, под ред. Шведовой Н. Ю., — М: Наука, 1980.
4. Шелякин, М. А., справочник по русской грамматике. — М.: Русский язык, 2000.
5. Анвари, Х., Ахмади Гиви Х., Грамматика персидского языка (2), Тегеран: Фатеми, 2008 (1387)
6. Таджоддин, З., Эшгави М., Обучение виду иностранным студентам персидского языка // Исследование языков и сравнительной литературы, № 1, 2012 (1391)
7. Шафаи, А., Практические основы грамматики персидского языка, Тегеран: Новин, 1984 (1363)
8. Садри, М., Употребление вида глаголов в русском языке, Исфаган: Джангал, 2003 (1382)

Самостоятельные части речи с уступительной семантикой

Мусатова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова

В данной статье подробно рассмотрим самостоятельные части речи с уступительной семантикой, определим их стилистическую принадлежность, проанализируем значение глаголов-сказуемых в простых и сложных конструкциях.

Значение уступительности выражается в русском языке при помощи большого количества единиц разной семантической и синтаксической природы, самыми разными способами. В процессе сбора языкового материала мы пришли к выводу, что чаще всего уступительное значение имеют существительные, прилагательные, глаголы, деепричастия. Подробно рассмотрим эти самостоятельные части речи.

1) Существительные с уступительным значением (**уступка, уступительность, уступчивость, соглашательство, компромисс**)

Данный синонимический ряд характеризует, фактически, одно понятие, однако имеет разнообразные семантические оттенки.

Слово «уступка» в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова имеет следующие значения: 1) отказ от чего-нибудь в пользу или в интересах другого (пойти на уступку); 2) перен. компромиссное решение,

послабление в чём-нибудь. Например: Но как, в каком виде сделать *уступку*, вот в чём вопрос? (Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»).

... в лысогорском доме жило вместе несколько совершенно различных миров, которые, каждый удерживая свою особенность и делая *уступки* один другому, сливались в одно гармоническое целое (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Слово «уступительность», используемое в грамматике, обозначает «выражение несоответствия чего-нибудь имеющимся условиям».

Цель спецкурса — представить категорию *уступительности* как в целом, так и в её частных, субкатегориальных различиях (Р.М. Теремова «Семантика уступительности и её выражение в современном русском языке»).

Слово «уступка» очень часто встречается в произведениях художественной литературы, слово «уступительность» присуще научному стилю.

Рассмотрим лексическое значение слов «уступчивость, соглашательство, компромисс».

А Уступчивость — сговорчивость.

Б Соглашательство — беспринципные уступки, приспособленчество. Соглашатель: 1) сторонник уступок,

компромиссов; 2) человек, склонный к беспринципным компромиссам, идущий на уступки своим противникам.

В Компромисс — соглашение на основе взаимных уступок (*пойти на компромисс*). Иногда компромиссом называют соглашательство.

Рассмотренные выше слова отличаются оттенками лексического значения, особенностями употребления, стилистической принадлежностью.

II Прилагательные с уступительным значением (**уступительный, уступчивый, сговорчивый, покладистый, податливый, компромиссный, соглашательский**)

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова слово «уступительный» имеет следующее значение: «выражающий несоответствие чего-нибудь имеющимся условиям», «не соответствующие чему-нибудь условия». Мы считаем, что нужно несколько уточнить и расширить данное определение: «*уступительный* — выражающий уступку, допущение чего-либо, совершение действия, несмотря на наличие препятствующих ему условий». Данное прилагательное является лингвистическим термином, используется, как правило, в научной литературе.

Уступительные придаточные содержат указание на условие, вопреки которому совершается то, о чём говорится в главной части предложения (Н. С. Валгина «Синтаксис современного русского языка»); Союзы с частицей **ни** имеют обобщённо-уступительное значение (Д. Э. Розенталь).

Слово «**уступчивый**» обозначает: 1) готовый уступить что-нибудь без спора, сговорчивый, покладистый; 2) содержащий уступку; выражающий готовность уступить кому-либо, согласиться с кем-либо, чем-либо. Это прилагательное употребляется в художественном стиле речи, имеет разговорный оттенок.

Пульхерия Александровна была чувствительна, робка и **уступчива**, но до известной черты... (Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Синонимами к слову «уступчивый» являются слова «сговорчивый, покладистый, податливый».

А Сговорчивый, — *ая, — ое, — чив*. Легко соглашающийся на предложения; такой, с которым легко договориться (сговориться); уступчивый.

Он то добрый был, **сговорчивый**, то сильно злился, привередничал (Н. А. Некрасов).

Б Покладистый, — *ая, — ое*. Уступчивый, сговорчивый.

Доктор, по-видимому, весёлый и **покладистый** малый, рад был компании (А. П. Чехов).

В Слово «**податливый**» лишь в одном из своих значений синонимично слову «уступчивый».

Податливый, — *ая, — ое, — лив*. Легко подчиняющийся влиянию; уступчивый, сговорчивый. *Податлив на лень. Податливый характер*.

Мы считаем, что продолжить представленный выше ряд синонимов можно словами «компромиссный, соглашательский».

Компромиссный, — *ая, — ое*. Соглашающийся на основе взаимных уступок. *Компромиссное решение*.

Состоялось **компромиссное** соглашение (Д. Н. Ушаков «Толковый словарь русского языка»).

Соглашательский, — *ая, — ое*. Основанный на беспринципных уступках, приспособленческий. *Соглашательская политика, соглашательское поведение*. Данное прилагательное свойственно официально-деловому и публицистическому стилю речи.

III Глаголы с уступительной семантикой (**уступать (уступить), сдаваться, соглашаться, покоряться, слушаться, подчиняться, повиноваться**)

Для глаголов данного синонимического ряда предлагаются следующие толкования: 1) субъект (говорящий) понимает, что иметь желаемое невозможно; он готов иметь меньшее, обладание которым более вероятно; 2) субъект (говорящий) готов уступить под влиянием (воздействием) чего-, кого-либо, подчиниться (подчиняться) кому-, чему-либо. Докажем это на примере: *Нам пришлось согласиться с вашими условиями. — Мы хотели бы, чтобы условия были лучшими, но это невозможно; мы выразили готовность принять то, что было предложено*.

Ему приказали, и он тотчас **повиновался**.

Подробно рассмотрим представленные выше глаголы, разделив их на 2 группы в соответствии с оттенками лексического значения.

I Глаголы поступка и поведения

А Уступать, *несов. (сов. уступить), что кому*. Поступать (поступить) великодушно, благородно, добровольно отказываясь от чего-либо в пользу другого лица.

Признак вежливости — **уступать** в общественном транспорте места пожилым людям.

Б Уступать, *несов. (сов. уступить), кому, чему*. Поступать (поступить) в соответствии с желанием, требованием другого, перестав сопротивляться, противиться кому-, чему-либо; признавать (признать) над собой чей-либо верх, перевес, превосходство, вести себя в соответствии с желаниями, требованиями другого. Например: **Уступи** им, так они готовы на нас хоть воду возить (А. Н. Островский «Доходное место»).

Уступит вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу **уступить** было бы тяжело (А. Н. Островский «Бесприданница»).

В первый раз Николай почувствовал, что мать недовольна им, что, несмотря на всю свою любовь к нему, она **не уступит** ему (Л. Н. Толстой).

В Сдаваться, *несов. (сов. сдать)*, обычно *на что*. Поступать (поступить) каким-либо образом, уступив кому-либо в чём-либо, поддавшись на чьи-либо уговоры.

Всё-таки он **сдался** на уговоры матери и остался дома, начал учиться.

Г Сдаваться, *несов. (сов. сдать), кому*. Потерпев поражение и прекратив сопротивление, признавать (признать) себя побеждённым.

Проигрывая со счетом 0:3, сборная Германии **не сдавалась** до конца (Российская газета, 2010, № 186).

Д Соглашаться, *несов.* (*сов.* согласиться). Обсудив какой-либо спорный или трудный вопрос, дать утвердительный ответ, позволение, разрешение, уступив обстоятельствам.

Иван и Ирина были неприязненно настроены по отношению друг к другу перед встречей и *согласились* на неё лишь из уважения к родителям.

Багратион, несмотря на старшинство чина, подчиняется Барклаю; но, подчинившись, ещё меньше *соглашается* с ним (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

Е Соглашаться, *несов.* (*сов.* согласиться). Общаюсь с кем-либо и обсуждая что-либо, выражать единодушные, единомыслие с кем-либо, признав это правильным.

Иван Кузьмич никогда не говорил ничего нового, а только *соглашался* с предыдущим выступающим.

Он всегда умел вовремя *согласиться* — это было его немаловажное достоинство.

В данных предложениях содержится скрытая уступка.

2 Глаголы подчинения

А Подчиняться, *несов.* (*сов.* подчиниться), *кому-либо*. Оказываться (оказаться) в зависимости от кого-либо, чего-либо, поступить сообразно воле, желанию кого-либо, воздействию, покорившись, уступив чьей-либо силе.

Славянские города, отстаивая свою независимость, не хотели *подчиняться* Москве.

Упираясь и громко ревя, верблюды всё же *подчинились* воле хозяина.

Багратион, несмотря на старшинство чина, *подчиняется* Барклаю (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

Б Покоряться, *несов.* (*сов.* покориться), *кому, чему*. Подчиняться чьей-либо силе, оказавшись под властью кого-, чего-либо.

Кочевники не умели *покоряться* завоевателям, они просто уходили со всем скотом в другое место.

Я готов *покориться* его воле (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

В Повиноваться, *несов.* *кому, чему*. Подчиняться кому-либо, чьим-либо приказам, беспрекословно слушаться кого-либо.

Барышня *повиновалась* родительской воле и вышла замуж за Алексея Игнатьевича, соседского помещика, давнего друга семьи.

Г Слушаться, *несов.* (*сов.* послушаться), *кого*. Подчиняться (подчиниться) чьим-либо распоряжениям, следовать чьим-либо советам, поступать, выполняя чьи-либо указания.

Повзрослевшие дети *не слушаются* родителей, всё делают по-своему (Российская газета, 2010, № 188).

Аркадий *послушался* врачей и отправился на лечение в санаторий.

Подробно рассматривая представленный в наших выборках фактический материал, мы выявили определённые лексико-семантические группы, характеризующие лексическое наполнение уступительных конструкций.

Лексико-грамматическое выражение предикатов и их окружения позволило составить ряды лексических сочетаний, организованных определённым образом — по

принципу уступительного соотношения. В самом общем виде семантическое взаимодействие, семантическое согласование глаголов-сказуемых можно представить в виде следующей схемы отношений: «действие события-уступки, то есть каузирующий предикат, обладая семой воздействия, должно вызвать каузируемое действие; однако на самом деле осуществляется действие со значением безрезультатности, то есть противоположное каузируемому, ожидаемому» [3, с. 40].

Соотношение глаголов-сказуемых можно свести к следующим типам противопоставленности.

1 Глаголы (составные именные сказуемые) со значением несоответствия состояния и внешнего выражения этого состояния.

Но хотя по внешности всё оставалось по-старому, внутренние отношения всех этих лиц изменились с тех пор, как князь Андрей не видал их.

Наполеон не улыбнулся, хотя он, видимо, был в самом весёлом расположении духа.

После его [Николая Ростова] свидания с княжной Марьей, хотя образ жизни его наружно оставался всё тот же, но все прежние удовольствия потеряли для него свою прелесть...

... я знаю, что хотя он и редко говорит о покойной жене, но печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь он решился дать ей прежнее место (Л. Н. Толстой).

2 Глаголы (составные именные сказуемые) со значением несоответствия физического состояния человека и окружающей среды.

Он был красен, весь в поту, несмотря на что в комнате не было жарко (Л. Н. Толстой).

3 Глаголы со значением желания, стремления, намерения совершить действие (*хотеть, желать, стараться, пытаться, стремиться* и другие или их контекстуальные эквиваленты) и глаголы со значением отсутствия результата или со значением отрицательной реакции на желаемое.

Хотя ему и не хотелось напоминать Ростовым о Болконском, но Пьер не мог воздержаться от желания порадовать их известием о награждении сына.

Несмотря на то что мать скрыла от него своё намерение не выпускать его теперь из-под своего крылышка, Петя понял её замыслы.

Несмотря на то что французы предлагали перевести его из солдатского балагана в офицерский, он [Пьер] остался в этом балагане, в который поступил с первого дня.

Несмотря на то что Борис приехал с намерением говорить о своей любви и потому намеревался быть нежным, он раздражительно начал говорить о женском непостоянстве...

Все офицеры и люди эскадрона Денисова, хотя и старались говорить о постороннем и смотреть по сторонам, не переставали думать только о том, что было там, на горе (Л. Н. Толстой).

4 Глаголы со значением стремления к цели — глаголы со значением отсутствия этого результата.

Всё зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах — и, разумеется, ничего не нашли (М. Ю. Лермонтов).

5 Глаголы со значением запрещения, требования — глаголы со значением отрицательного результата запрещения.

С самого утра, несмотря на запрещение подходить к цепи, начальники не могли отбиться от любопытных.

Несмотря на запрещение доктора выходить рано утром, Наташа настояла на том, чтобы поговорить... (Л. Н. Толстой).

Форма запрещения может быть эксплицирована — чаще всего это лексемы со значением речи.

... княжна Марья, несмотря на отговариванье Алпатыча, няни и девушек, велела закладывать и хотела ехать.

Несмотря на отговаривания Дуняши и няни, княжна Марья вышла на крыльцо (Л. Н. Толстой).

6 Глаголы (составные именные сказуемые) со значением зрительного восприятия — глаголы со значением отрицательного результата восприятия.

Граф Орлов глядел туда; но, несмотря на то что издали они были бы заметны, колонн этих не было видно.

Взгляд же Анатоля, хотя и был устремлён на неё, относился не к ней, а к движениям ножки т-Ле Воуриенне.

Хотя он и видел французские орудия и войска именно на Праценской горе, на той самой, где ему велено было отыскивать главнокомандующего, он не мог и не хотел верить этому (Л. Н. Толстой).

7 Глаголы со значением восприятия — глаголы, обозначающие препятствие для результативного восприятия.

Она [Маша] узнала его, хотя его красивое лицо сильно переменялось (К. М. Симонов).

8 Глаголы, способствующие прекращению, изменению хода действия, и глаголы со значением продолженности действия.

Москва невольно продолжала свою обычную жизнь, хотя знала, что близко то время гибели, когда разорвутся все те условные отношения жизни, которым привыкли покоряться.

Но хотя уже к концу сражения люди чувствовали весь ужас своего поступка, хотя они и рады бы были перестать, какая-то непонятная, таинственная сила ещё продолжала руководить ими... (Л. Н. Толстой).

Литература:

1. Мусатова, Г. А. Семантика уступки: монография [Текст] / Г. А. Мусатова. — Рязань: РВВДКУ, 2011. — 185 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001. — 944 с.
3. Теремова, Р. М. Семантика уступительности и её выражение в современном русском языке [Текст] / Р. М. Теремова. — Л., 1986. — 74 с.

9 Глаголы, определяющие нецелесообразность действия, и глаголы, называющие это нецелесообразное действие.

Она [княжна Марья] ещё раз кликнула её [Дунышу], несмотря на то, что она слышала её шаги, — кликнула тем грудным голосом, которым она певала, и прислушалась к нему (Л. Н. Толстой).

10 Глаголы движения вперёд — глаголы со значением препятствия движению.

... в это время Денисов, так же мало робевший перед начальством, как и перед неприятелем, несмотря на то что адъютанты у крыльца сердитым шёпотом останавливали его, смело, стуча шпорами по ступенькам, вошёл на крыльцо (Л. Н. Толстой).

11 Глаголы, обозначающие то, что способствует результативности восприятия — глаголы со значением отрицательного результата восприятия.

... хотя доктор и говорил очень складно и долго, никак нельзя было передать того, что он сказал.

— Я с тобой согласен, — говорил Степан Аркадьич искренно и весело, хотя чувствовал, что Левин под именем тех, кого можно купить за двугривенный, разумел и его (Л. Н. Толстой).

IV Причастия с уступительным значением

Но каково было Александре Васильевне — быть между ними, всю жизнь состязавшимися в первенстве, **уступающими** друг другу только к могиле дорогу! (И. А. Бунин).

В данном предложении представлено действительное причастие настоящего времени, входящее в состав обособленного определения, выраженного причастным оборотом.

V Деепричастия с уступительным значением

... церковь должна переродиться в государство, как бы из низшего в высший вид, чтобы затем в нём исчезнуть, **уступив** науке, духу времени и цивилизации (Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

Деепричастия совершенного и несовершенного вида встречаются в источниках фактического материала крайне редко.

VI Наречия: *невольно, поневоле, неохотно, нехотя, невзначай, нечаянно*

Он пошёл с нами неохотно (Из разговорной речи). — *Неохотно* = вопреки желанию.

Брат нехотя согласился на наше предложение (Из разговорной речи). — *Брат согласился, несмотря на отсутствие желания.*

Personal names as realia in a language

Нурметов Жасур Нурмухаматович, магистрант;
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Жуманиёзова Феруза Тулибаевна, преподаватель
Академический лицей № 1 (Узбекистан)

Jasurbek Nurmetov Nurmuxamatovich, First year student of Master's Degree
Urgench State University

Jumaniyozova Feruza Tulibayevna, teacher
Academic Lyceum#1

The following article particularly deals with the clarification personal names.

Key words: culture-specific words, realia, personal names

The one who is not well-educated culturally is not a translator!

Jasur Nurmetov

Personal names account for the vast majority of culture-specific words (Realia) in any language and in this paper we are going to make some clarifications on them.

To begin with, we define the notion of culture-specific words. According to Florin, realia give a source-cultural flavor to a text by expressing local and/or historical color. He has defined the term in the following way: Realia (from the Latin *realis*) are words and combinations of words denoting objects and concepts characteristic of the way of life, the culture, and the social and historical development of one nation and alien to another. Since they express local or historical color they have no exact equivalents in other languages. [1, p.122–128]

Many scholars have conducted a number of researches on culture specific words, their features, their translation problems and strategies and they usually give different terms to describe realia.

Such as, Nida (1945) defines them as "cultural foreign words", Vlahov and Florin (1970) "realia", Nida and Reyburn (1981) "presuppositions", Newmark (1988) "cultural words, Oksaar (1988) "cultureme", Newmark (1991) "cultural terms", Baker (1992, 1995) "culture-specific concepts", Foreman (1992) "cultural references", Florin (1993) "realia", Nedergaard-Larsen (1993) "culture-bound problems" or Nedergaard-Larsen (1993) "culture-bound elements", Leppihalme (1995) "cultural bumps", Franco Aixela (1996) "culture-specific items", Robinson (1997) "realia", or Robinson (1997) "culture-bound phenomena", Mayoral and Munoz (1997) "culturally marked segments", Leppihalme (1997) "allusions", Schaffner, Wiesemann (2001) culture-bound phenomena and terms or culture-specific items", Davies (2003) "Culture-specific items", Hagfors (2003) "culture-bound elements", Lungu Badea (2004) "cultureme", Pedersen (2005, 2007, 2010) "extralinguistic cultural references", or Pedersen (2005 and 2007) "extralinguistic culture-bound references (ECR)" Ramiere (2006) "culture-specific references", Diaz Cintas and Remael (2007) "culture-bound terms".

In this article we are going to suggest another term to describe realia as "culturally consumed words". However, in linguistics we should try to shorten the terms and should accept one term to describe culture specific words on a global scale. If we call one single object in different ways and with different terms, they may cause misunderstanding between scholars.

For instance, Davies (2003) and Franco Aixela (1996) gave the term "Culture-specific items" but from our perspective, they are partially wrong here since the word "item" is a little bit hard to comprehend and it means the following.

Longman Dictionary of Contemporary English 5th Edition suggests the following definitions of the term:

Item-a single thing, especially one thing in a list, group, or set of things:

Item-a single, usually short, piece of news in a newspaper or magazine, or on television:

Cambridge Advanced Learner's Dictionary-3rd Edition gives the following definitions of the term:

Item- something this is part of a list or group of things:

Item- one of several subjects to be considered:

Macmillan English Dictionary-American v1.1 defines

Item as an individual thing, usually one of several things in a group or on a list:

Item as an article in a newspaper or magazine:

As we can see the word "item" is not a good word to describe all types of realia or not all types of realia can be an item.

Taking aforementioned statement into account, we would prefer to use the term "realia" in my paper.

Classification of personal names

In Longman Dictionary of Contemporary English 5th Edition, personal names are given as following.

First name -the name chosen for you by your parents

Christian name-first name

Last name/family name/surname-the name that you share with your family or husband

Middle name- the name between your first and last names

Full name -your first name, middle name, and last name

Maiden name- a woman's family name before she married and began using her husband's name

Married name- a woman's family name after she gets married, if she uses her husband's name

Nickname- a name that people call you because of your appearance, personality etc, which is not your real name

Stage name -the name that an actor uses which is not their real name

Pen name (*pseudonym*) -a name that a writer uses which is not their real name

Under an assumed name- using a false name in order to hide your real name alias- a false name, especially one used by a criminal

Appellation-a name which describes something — a very formal use

Sobriquet- a nickname — a very formal use

In Cambridge Advanced Learner's Dictionary-3rd Edition:

Christian name-in Western countries, the first name and not the family name

Code name-a special word or name which is used instead of the real name of someone or something to keep the real name secret

Double-barrelled name-a family name with two joined parts

Family name-a surname

First name-the name that was given to you when you were born and that comes before your family name

Given name (first name) -the name which is chosen for you at birth and which is not your family name

Last name-your family name that you use in formal situations or with people you do not know well

Maiden name-A woman's maiden name is the family name she has before she gets married.

Married name-A woman's married name is the family name of her husband

Middle name- the name some people have between their first name and their last name

Pen name-a name chosen by a writer to use instead of using their real name when publishing books

Pet name-an informal name given to someone by their family or friends

Second name-surname (= the name that you share with other members of your family)

Stage name-the name by which an actor or performer is publicly known and which is different from their real name.

Campbell (n.d.) divides personal names into various categories. He defines them as follows: [2]

Table 1

Number	Type of Personal Name	Definition
1	Given name	A given name is a <u>name</u> that is assumed by a person at or after birth. As opposed to a <u>family name</u> , it is generally not inherited.
2	<u>First name</u> or <u>Christian name</u>	In Europe and North America, where the given name precedes the family name, given names are called first names or forenames.
3	Praenomen	The praenomen (plural praenomina) was the ancient Roman <u>given name</u> . With a <u>nomen</u> and a <u>cognomen</u> it formed a complete <u>Roman name</u> . In Roman documents the praenomen was often abbreviated to one or two letters.
4	Middle name	In the English-speaking world, the middle name is a secondary <u>given name</u> . When the full name is presented, it is placed between the first name and the <u>surname</u> . People can have more than one middle name, though it is unusual to have none. Many people include their middle name as an <u>initial</u> in their <u>usual name</u> , for example George W. Bush. Others prefer their middle name and use it instead of their first name.
5	<u>Family name</u> or last name or surname	It is a name passed from one generation to the next. In many cultures a woman adopts her husband's family name when they are married.
6	Nomen	The nomen (plural nomina) was the Roman gens's (that is clan's) name. In the typical <u>Roman name</u> it was preceded by the <u>praenomen</u> and followed by the <u>cognomen</u>
7	Cognomen	The cognomen (plural cognomina) was one of the three parts of the typical <u>Roman name</u> . It followed the <u>praenomen</u> and <u>nomen</u> . Originally cognomina were <u>nicknames</u> , but by the time of the Roman Empire they were inherited from father to son. Thus the cognomen in combination with the nomen functioned as a <u>surname</u> , breaking families into smaller groups than just the nomen alone.
8	Nickname	A nickname is a substitute for a person's real <u>name</u> . It may be used because it is more familiar, more descriptive, or shorter than the real name. For example, Sue is the nickname of Susan.
9	Agnomen	The agnomen (plural agnomina) formed an additional part of some <u>Roman names</u> , usually following the <u>cognomen</u> . Usually they were <u>nicknames</u> acquired at some point during the lifetime, but, rarely, some agnomina were inherited.

10	Pet name	A pet name of a <u>given name</u> is a short and/or affectionate form. Often they are only used by friends and relatives.
11	Diminutive	It is the same as a pet name. They can be formed through various methods in different languages. Two of most typical ways in English are presented here: a) are those that are <u>short forms</u> of the original name, very often from the first syllable or sound of the name. For example, <u>Alex</u> is from <u>Alexander</u> ; b) they can also be obtained by adding a suffix, to the original name or short form of a name. In English, the -y/-ie suffix make diminutives such as, <u>Debbie</u> , <u>Charlie</u> , <u>Johnny</u> , and <u>Abby</u> .
12	Byname	A byname is a secondary <u>name</u> used to further identify a person. They were often <u>nicknames</u> (for example Erik the Red) or <u>patronyms</u> (for example John, son of William). Bynames can be considered <u>surnames</u> when they are inherited from one generation to the next.
13	Generation name	The generation name is used by some <u>Chinese</u> and <u>Korean</u> families. It is a <u>name</u> given to all newborns of the same generation of an extended family.
14	Patronym	A patronym (or patronymic) is a <u>name</u> derived from the name of the father or another paternal ancestor. Some <u>surnames</u> are patronymic in origin, like Peterson = «Peter's son». Some cultures, such as Iceland, use uninherited patronyms instead of surnames.
15	Matronym	A matronym (also matronymic) is a <u>name</u> derived from the name of the mother or another maternal ancestor.
16	Filiation	A filiation attached to a <u>name</u> describes the bearer's paternal descent. The complete <u>Roman name</u> sometimes had a filiation.

In a nutshell, we would like to state that personal names have an important part in the course of translation in all languages because as we mentioned above they make up the

overwhelming majority of realia. So it is always vital for translators (interpreters) to have a good command of personal names in the target language.

References:

1. Florin, Sider 1993. "Realia in translation." In Zlateva, Palma (ed.), Translation as Social Action. Russian and Bulgarian Perspectives. London: Routledge., 122–128.
2. <http://www.behindthename.com/glossary/view/name>

Proper Names in Translation

Нурметов Жасур Нурмухаматович, магистрант;
Ургенский государственный университет (Узбекистан)

Жуманиёзова Феруза Тулибаевна, преподаватель
Академический лицей № 1 (Узбекистан)

Jasurbek Nurmetov Nurmuxamatovich, First year student of Master's Degree
Urgench State University

Jumaniyozova Feruza Tulibayevna, teacher
Academic Lyceum#1

The use of strategies in translation depends on the recipient not the translator!

Jasur Nurmetov

As many scholars say, "Translation is an art". To be the master of this art, translators are supposed to know the proper names of the target language quite well.

Gergana Apostolova who indicates a variety of aspects to consider while translating proper names: The transformation

of names in translation is rooted deeply in the cultural background of the translator which includes phonetic and phonological competence, morphological competence, complete understanding of the context, correct attitude to the message, respect for tradition, compliance with the current

state of cross-cultural interference of languages, respect for the cultural values and the responsibilities of the translator. The process reaches from an ear for aesthetic sounding to the philosophical motivation of re-naming.

Different scholars suggest different strategies for translation of realia including proper names and I would prefer to analyze some of them and then give our own strategy.

Scholars' definitions on proper names

– “Proper names may be non-descriptive, but they are obviously not non-informative” [8, p.182–194]

– Tymoczko claims that proper names also indicate “racial, ethnic, national, and religious identity”. [10]. Therefore, she calls proper names “dense signifiers” and explains that they are “the most problematic to translate, in part because their significance is often culturally specific and dependent on cultural paradigms”. [10].

– Hejwowski states that in translated literature proper names perform an additional function, namely, they reveal the existence of the “cultural other”, and signal the reader that the text originated in a different culture. [4, p.93–100]

– Nord (2003) defines name as the word (s) by which an individual referent is identified, that is to say, the word (s) whose main function is/are to identify, for instance, an individual person, animal, place, or thing.

– Soltesz defines proper names as expressions denoting unique entities and states that they are part of the linguistic system of the community to which the donation of the name belongs.

Whilst translating proper names, most of the scholars suggest two ways:

Foreignization: Foreignization is a way of translation which keeps cultural aspects.

Domestication: Domestication is a way of translation that makes some changes to the text or sometimes omits some aspects of culture.

According to Venuti, foreignization is very close to a literal translation and “attempts to bring out the foreign in the TT itself” when ST syntax and lexis are maintained in order to “preserve SL items in the TT (target text),” while domestication, the opposite strategy, “involves downplaying the foreign characteristics of the language and culture of the ST”.

Different strategies:

Davies's strategies: While translating realia, translator may use seven strategies: preservation, addition, omission, globalization, localization, transformation and creation.

Preservation occurs when a translator transfers the term directly into the TT with no further explanation. [1, p.65–100]. Davies's second strategy is **addition**, when a translator “decides to keep the original item but supplement [s] the text with whatever information is judged necessary”. [1, p.65–100]. Davies points out that “translators need a good knowledge of the background of their target audience if they are to gauge accurately what supplementary information it is necessary to include”. [1, p.65–100]. The

opposite strategy to addition is **omission**, when translators decide, as Davies writes, to “omit a problematic CSI altogether, so that no trace of it is found in the translation”. [1, p.65–100]. Davies's next strategy is **globalization**, “the process of replacing culture-specific references with the ones which are more neutral or general”. [1, p.65–100]. An opposite strategy to globalization is what Davies calls **localization**, when translators “try to anchor a reference firmly in the culture of the target audience” [1, p.65–100]. Davies states that this strategy also includes phonological and grammatical adaptation of names and the use of gender endings. The last Davies's strategy is called **creation** and means a creation of a CSI which is firmly or totally different from the ST or is not present in there. [1, p.65–100].

Hervey and Higgins present these strategies for translating proper names:

– Exotism: The name should remain unchanged from the SL to the TL. In this method no cultural transposition is occurred. [6]

– Transliteration: The name is shifted to conform to the phonic or graphic rules of the TL. [6]

– Cultural transplantation: The SL name is replaced by the TL name that has the same cultural connotation as the original one. [6]

Theo Hermans believes that there are at least four strategies for translation of names. «They can be copied, i.e. reproduced in the target text exactly as they were in the source text. They can be transcribed, i.e. transliterated or adapted on the level of spelling, phonology, etc. A formally unrelated name can be substituted in the target text for any given name in the source text. And insofar as a name in a source text is enmeshed in the lexicon of that language and acquires ‘meaning,’ it can be translated». [5]

Farzanne Farahzad states that transliteration and transcription are used for translation of personal proper names. The latter is the replacement of one letter of the alphabet in the source language (SL) by another letter in the target language (TL). The former occurs when the letter of the target language shows the pronunciation of the PN in the source language. [2]

Lincoln Fernandes lists a set of ten procedures in the translation of personal names as follows: [3]

– Rendition: When the in the ST is enmeshed in the TL, the meaning is rendered in the TL. For example, translating the word ‘Lady’ as ‘Mulher,’ which means ‘woman’ in Brazilian Portuguese, reveals that the translator has used a ‘superordinate’ (woman) instead of a hyponym of woman, a specific word such as ‘senhora’ or ‘dama’ (= lady).

– Copy: As a matter of fact, in this case, the name of the ST is exactly replicated in the TT — without any orthographic adjustment. As an illustration, Alice King is reproduced in the Arabic text — which has a different alphabet from English one-with no change.

– Transcription: This a method in which a name is transcribed in the equivalent characters of the TL. In order to keep the readability of the TT, some other changes such as

addition or shift in the position of the letters may occur e.g. Ahošta Tarkaan is changed to Achosta Tarcaã.

- Re-creation: A newly-created name in the ST is recreated in the TT so that it reproduces the similar effects in the TL such as Mr. Ollivander that is translated to Sr. Olivares.
- Substitution: A TL name replaces the SL name, although they are formally and/or semantically unrelated.
- Deletion: In this type of strategy, the name in the ST is, partially or totally, omitted in the TT.
- Addition: Extra information is added to the SL name so that it can be more understandable and desirable to the target readers. As a matter of fact, this method may also be used to remove ambiguities in the TT.
- Transposition: This is a change of one part of speech for another one without any shift in the meaning. In fact, this a way for translating titles that have transparent role in literature for identifying particular literary works. Because of this reason, this procedure is taken into consideration here.
- Phonological Replacement: In this procedure, the phonological features of the original name are imitated in the TL. In other words, a TL name, which has a similar sound to the SL name, replaces the original name.
- Conventionality: This strategy is defined as the acceptance of a typical translation of a name in the SL. In view of this case, it is interesting to know that conventionality is often used with historical or literary individuals as well as geographical names.

Heikki Särkkä reports that there are four strategies for translating PNs; [9]

- They can be transported completely from the TL to the SL (allowance being made for possible transliteration or transcription, depending on the SL).
- They can be partly transported from the SL and partly translated.
- They can be replaced with more or less different names in the TL.
- They can be dispensed with altogether.

Van Coillie's ten strategies: [11, p.123]

- 1) Reproduction- Leaving foreign names unchanged.
- 2) Non translation plus additional explanation-Adding explanations, either in the form of a note or in the text itself.
- 3) Replacement of personal name by a common noun-Replacing a proper name by a common noun that characterizes the person.
- 4) Phonetic or morphological adaptation to the target language-Turning to phonetic transcription or morphological adaptation.
- 5) Exonym- Replacing a name by a counterpart in the target language.
- 6) Replacement by a more widely known name from the source culture or an internationally known name with the same function-Opting for recognize ability without abandoning the foreign context.
- 7) Substitution-Replacing a name by another name from the target language.

8) Translation of names with a particular connotation-Reproducing the connotation in the target language, when names have specific connotations.

9) Replacement by a name with another or additional connotation-Adding or changing the connotation of a name.

10) Deletion -Omitting all the proper names.

Newmark suggests the following strategies: [7]

- *Transference*, which refers to the process when a foreign name in the ST is transferred unchanged into the TT.
- *Recognized translation*, which refers to the process when a foreign name in the ST is translated with an official name already established in the target language.
- *Functional equivalent*, which refers to the process when a foreign word is translated with a culturally neutral word or set of words that points to the functional properties of the intended referent.
- *Descriptive equivalent*, which refers to the process when a foreign word is translated with a culturally neutral word or set of words that describes the intended referent.
- *Couplet*, which refers to the process when two of the above mentioned strategies are combined.

We find giving a definition fairly sufficient. While translating a text from the TL into the SL or vice versa, we should give the definition of the realia so as to let readers, learners, or recipients know and comprehend the text quite well. For example, they went to Ghana (a country in West Africa between Côte d'Ivoire and Togo) to visit their relatives.

Or they went to Ghana* to visit their relatives. (*At the bottom of the page *a country in West Africa between Côte d'Ivoire and Togo*).

Sometimes, recipients have comprehension barriers due to realia because they do not know all the realia in the TL. They just want to read any kind of text, especially literary works, in this case it is hard for them to catch the meaning well or they may not distinguish types of realia, because they all begin with the capital letter and most of them do not have plural forms. So, sometimes even we also confuse: May be it is a name or surname, name of an organization or brand name, or name of an animal. Therefore, we, translators should always provide our consumers with an exact translation of anything that we are translating and try not to let anything be lost in translation.

Having discussed many strategies in our paper, we arrived at the conclusion that the only strategy can not be used to translate all types of realia accurately. So in the process of translation, translators should know the valuable strategies and use them appropriately in the right sense. One strategy may work quite well for anthroponyms. However, it may not work for toponyms.

In this case, we suggest that they should take the following into consideration:

- Type of text (scientific, technical, linguistic or literary)
- The audience (their interests, age, cultural background)

Concluding aforementioned viewpoints, we can say that realia might be a little barrier for translators and interpreters;

however if they are both well-educated linguistically and well-educated culturally (being familiar with culture of both the source and target languages and have a good command

of proper names), it will be much easier for them to translate or interpret and of course, keep the content as deep as possible.

References:

1. Davies, E. E., 2003. A Goblin or a Dirty Nose? The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (1), pp.65–100.
2. Farahzad, F. (1995). Tarjome pishrafteh (1) [Translating advanced English text (1)]. Tehran: University of Payame Nour.
3. Fernandes, L. (2006). Translation of names in children s fantasy literature: Bringing young reader into play. [On-line]. Available at <http://www.iatis.org/newvoices/issues/2006/fernandes-paper-2006.pdf>.
4. Fornalczyk, A., 2007. Anthroponym Translation in Children’s Literature — Early 20th and 21st Centuries. Kalbotyra, 57 (3), pp.93–100.
5. Hermans, T. (1988). On translating proper names, with reference to De Witte and Max Havelaar. In M. J. Wintle (ed.) Modern Dutch Studies. Essays in Honour of Professor Peter King on the Occasion of his Retirement. London/Atlantic Highlands: The Athlone Press.
6. Hervey, S. and Higgins, I. (1992). Thinking Translation. London and New York: Routledge.
7. Newmark, P. (1988). A Textbook of Translation. Hertfordshire: Prentice Hall Europe.
8. Nord, Ch., 2003. Proper Names in Translation for Children: Alice in Wonderland as a Case in Point. Meta, 48 (1–2), pp.182–194.
9. Särkkä, H. (2007). Translation of proper names in non-fiction texts [on-line]. Available at <http://translationjournal.net/journal/39proper.htm>.
10. Tymoczko, M., 1999. Translation in a Postcolonial Context. Manchester: St Jerome.
11. Van Coillie’s Model of Translating Proper Name (2006, p.123)

Семантическое поле фамилий в пьесах В. Розова

Саморокова Юлия Александровна; студент

Тюменский государственный университет, филиал в г. Тобольске

Семантическое поле, термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) семантическим признаком; иными словами — имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения [2, с.145].

В моей работе для определения смысловых связей между фамилиями были использованы фамилии героев из пьес советского драматурга В. Розова.

Виктор Сергеевич Розов (1913–2004), русский советский драматург. Лауреат Государственной премии СССР (1967). Автор более 20 пьес и шесть киносценариев, в том числе пьесы «Вечно живые» и на её основе — сценария фильма «Летят журавли». Академик Российской академии словесности. Был президентом Российской Академии театрального искусства и членом Союза писателей [1, с.44].

У В. Розова нами было рассмотрено 9 остроконфликтных пьес: «В добрый час», «Перед ужином», «В день свадьбы», «Вечно живые», «В поисках радости», «Затейник», «С вечера до полудня», «Четыре капли», «Гнездо глухаря», в них выделено 29 единиц фамилий.

После исследования фамилий были структурированы три семантических поля:

- 1) Фамилии, раскрывающие характер персонажей;
- 2) Фамилии, раскрывающие внешний облик персонажей;
- 3) Фамилии, раскрывающие внутреннее состояние персонажей.

К первому семантическому полю фамилий, которые раскрывают характер персонажа, относятся 19 единиц. Это семантическое поле помогает лучше понять общественно значимые черты, проявляющиеся с достаточной отчетливостью в поведении и умонастроении персонажа. К таким фамилиям относятся:

Развалов (от прозвища «развал») — молодой человек ведет праздный образ жизни. Про такого героя говорят в пьесе: «Он не работает, а валяет, как попало» (из пьесы «В добрый час»);

Сорокина (от птицы «сорока») — героиня в пьесе, любящая посплетничать, болтать не по делу (из пьесы «В добрый час»). Основой фамилии Сорокина служит птица сорока, которая в народном фольклоре обозначает символ болтливости, разговорчивости;

Салов (от «сало») — герой в пьесе по своему характеру очень скользкий, проницательный. Слово «сало» является главным компонентом в образовании этой фамилии, значение данной лексемы усиливает коннотативную характеристику всей фамилии. Сало мыслится как нечто чересчур жирное и по этой причине скользкое и неприятное на ощупь. Именно поэтому выстраивается образ неприятного, изворотливого персонажа. На протяжении всей пьесы другие персонажи дают понять нам, какой характер у Салова: «сухим из воды вышел», «вьюн» (из пьесы «В день свадьбы»);

Жарков (от «жар» — горячие уголья) — герой в пьесе выступает как любящий конфликты, не умеющий идти на контакты с людьми. Фамилия образована от «жар», то есть жаркий, пылающий. В речи самого Жаркова несколько раз употребляется слово «огонь» (из пьесы «С вечера до полудня»);

Сусяков — фамилия Сусяков образована от прозвища Сусяк, которое восходит к аналогичному нарицательному, имеющему значение «ротозей, разиня». Эта фамилия в пьесе указывает на нрав и характер персонажа: он невнимателен, расторопен, хотя занимает в пьесе должность директора фабрики (из пьесы «Четыре капли»);

Селезнев — фамилия образована от прозвища «селезень». Селезнем часто называли гордого человека, любившего покрасоваться. В самом описании героя видно, что он любит выставлять себя и свои достижения напоказ: «... худощавый, в светло-сером костюме, со значком лауреата Ленинской премии на груди». Также в его речи видно некое пренебрежение к другим героям:

Денисов: Вижу-вижу! А костюмчик классный, и ботиночки, и воротничок. Этаким интеллигентик с иголочки. Служишь где?

Селезнев: Да. Учился в Бауманском, потом...

Денисов: А я, брат воевал...

Селезнев (лукаво): Писарем поди?

Денисов: Нет, ВУС-7, артиллерист. Представляешь, я — из пушки! (из пьесы «Четыре капли»);

Фамилии, раскрывающие внешний облик персонажа могут содержать в себе функцию «говорящей» фамилии. «Говорящая» фамилия помогает увидеть отношение автора к персонажу. В этой группе нами было выделено 6 единиц.

Беляева — фамилия восходит к мужскому нецерковному имени Беляй, которое было широко распространено на Руси в XV — XVII веках. Как правило, оно указывало на внешний вид человека: «белый» в значении «светлый, очень бледный, белолицый, белокурый». В пьесе в описании героини автор указывает на ее белокурые волосы (из пьесы «Затейник»);

Груздев — фамилия образована от прозвища «груздь». Так на Руси называли крепкого, здорового, сильного че-

ловек. Описание персонажа совпадает с данной ему фамилией: «... мужчина лет тридцати, в меру толстый, в меру худой, вполне здоровый человек, в меру скромно одет» (из пьесы «С вечера до полудня»);

Коромыслова — фамилия восходит от прозвища «коромысло». Это прозвище могло указывать на особенности походки человека или его внешние отличия (например, сутулость). Именно в ремарке автором замечено в описании героини эта деталь, сутулость: «... молодая, очень интересная и чрезвычайно элегантно одетая девушка, но в ней был некий изъян — сутулость» (из пьесы «Гнездо глухаря»).

Хромова — фамилия образована от прозвища «хромой». Очевидно, такое прозвище содержало указание на особенность походки предка. Хромова в пьесе «старая целительница, прихрамывающая на одну ногу». Значение фамилии полностью совпадает с внешним обликом персонажа (из пьесы «В день свадьбы»).

К семантическому полю фамилий, которые раскрывают внутреннее состояние героя, относятся 4 единицы.

Жалов — фамилия по одной из версий образовалась от устаревшего прилагательного «жаловальный», то есть «милостивый, снисходительный, благосклонный». В пьесе Жалов равнодушен к чужому горю, он пытается на протяжении всей пьесы успокоить, пожалеть других героев (из пьесы «Затейник»);

Лучов — человек из простого народа, берется за новую, лучшую жизнь. Этот человек, как луч, проникает в старый темный мир, пытается осветить тьму. Он хочет своими «горячими лучами» сжечь все те старые устои, несправедливые и ненужные, сменить их на что — то светлое, современное, новое, заставить взглянуть на мир новыми глазами (из пьесы «Затейник»);

Стрижов — простолюдин, но очень умный и образованный человек. Он — человек «высокого полета». Стремится ввысь, не боится смерти. Это человек дела, знающий, какие трудности его ожидают и как их преодолеть. Он знает, что ему, как и его товарищам, придется нелегко и понимает, что начатое дело надо довести до конца (из пьесы «Затейник»);

Аверин — с древнееврейского языка фамилия Аверин обозначает «свет Бога». В пьесе молодой выпускник представлен со своими родителями отцом-доктором биологических наук и матерью, домохозяйкой. Родители возлагают большие надежды на их сына. Смысл фамилии ясно выражен в словах самого героя: «Ну разве это самое важное, кем я буду? Каким буду — вот главное!» (из пьесы «В добрый час»).

Таким образом, В. Розов использует большое количество фамилий «со смыслом», подбирая для каждого героя определенную, подходящую ему по тем или иным признакам.

Литература:

1. Анастасьев, А. Н. Виктор Розов. Очерк творчества/ А. Н. Анастасьев. — М.: Советский писатель, 1966. — № 359. — 248с.

2. Кривченко, Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам изучения / Е.Л. Кривченко // Филологические науки. — М., 1973. — № 3. — 256с.
3. Федосюк, Ю.А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 240 с.

Особенности коммуникативного поведения викторианской жены (на материале романа Эмили Бронте «Грозовой перевал»)

Сорокина Алиса Сергеевна, ассистент
Международный институт рынка (г. Самара)

В данной статье мы обратились к исследованию коммуникативного поведения главной героини романа Эмили Бронте «Грозовой перевал». Основными задачами представленного исследования являются комплексный анализ вербальных средств выражения статусных отношений супругов Линтон и определение места Кэтрин Линтон в системе брачно-семейных отношений. Под статусными отношениями мы понимаем особый вид межличностных отношений, участники которых, вступая в коммуникацию, выражают равенство либо неравенство своих социальных статусов через статусно-маркированное речевое поведение, а также через выбор определенных невербальных стратегий и тактик в зависимости от ситуации и цели общения.

Идея женского равноправия во второй половине XIX в. охватила достаточно широкие круги английской общственности и нашла свое выражение в феминистском и суфражистском движениях, которые впервые обратили пристальное внимание на женские проблемы, а также выявили социальную детерминанту, связанную с социологической принадлежностью, точнее, теми ролями, которые общество определяет мужчине и женщине.

Именно викторианским писателям принадлежат особые заслуги в исследовании и освещении вопросов о месте женщины в семье и социуме, о семейных ценностях и морали, о соотношении мужского и женского начала. Художественное осмысление вышеперечисленных тем занимало достаточно важное место в творчестве Эмили Бронте.

Роман «Грозовой перевал» («Wuthering Heights») представляет весьма необычную историю в контексте викторианской эпохи, историю заведомо обреченной любви главных героев — Хитклифа и Кэтрин Эрншо. Не останавливаясь подробно на характеристике сюжета романа, проанализируем специфику взаимоотношений между Кэтрин и ее законным супругом Эдгаром Линтоном.

Будучи замужней женщиной, Кэтрин проявляет неподобающие, с точки зрения господствующей морали и системы ценностей, порывы и желания, и ее поведение с мужем не соответствует викторианским канонам женской покорности и повиновения. Героиня очень свобододо-

любива и поступает так, как сама считает нужным, порой даже вопреки воле супруга. Показательным, на наш взгляд, является эпизод, когда Кэтрин после долгой разлуки встречает своего друга детства Хитклифа, и, зная, что ее супруг испытывает к нему неприязнь, не старается сдерживать своей радости по поводу этой встречи.

'I know you didn't like him,' she answered, repressing a little the intensity of her delight. 'Yet, for my sake, you must be friends now. Shall I tell him to come up?'

'Here,' he said, 'into the parlour?'

'Where else?' she asked.

He looked vexed, and suggested the kitchen as a more suitable place for him. Mrs. Linton eyed him with a droll expression — half angry, half laughing at his fastidiousness.

'No,' she added, after a while; 'I cannot sit in the kitchen. Set two tables here, Ellen: one for your master and Miss Isabella, being gentry; the other for Heathcliff and myself, being of the lower orders. Will that please you, dear? Or must I have a fire lighted elsewhere? If so, give directions. I'll run down and secure my guest. I'm afraid the joy is too great to be real! [3]'

На наш взгляд, проявление героиней такого восторга по поводу события, которое огорчает ее супруга, демонстрирует неуважительное отношение к его чувствам, принижает его социальный статус мужа и идет вразрез с принятыми в обществе нормами поведения, так как викторианская мораль требовала — в особенности от женщин — сдержанности в чувствах и подавления эмоций. Более того, зная неприязнь супруга к Хитклифу, она настаивает *"you must be friends now"*, используя в реплике модальный глагол долженствования *must* наряду с усилительной конструкцией *for my sake*, предающей высказыванию эмоциональную окраску, превращая его в настоятельную просьбу или даже указание. Фразу *"Shall I tell him to come up?"* мы расцениваем не как просьбу о разрешении совершить действие (для выражения данного значения в английском языке более характерно употребление модальных глаголов *can* и *may*) и даже не как просьбу об указании к действию. Мы считаем, что выбор героиней глагола *shall* не случаен, и, хотя

рассматриваемая фраза имеет структуру вопроса, в контексте всей реплики она имеет такую же иллюкутивную силу, как утверждение *"I shall tell him to come up"* (я позову его сюда наверх), то есть Кэтрин не спрашивает мужа о том, как ей поступить, а заявляет о своем намерении совершить определенное действие.

Кэтрин не считает нужным прислушаться к мнению супруга и дает очень категоричный ответ (*"No, I cannot sit in the kitchen"*), мотивируя свой отказ тем, что она не может сидеть на кухне. На самом деле, мы считаем, отрицательная форма модального глагола *can* свидетельствует не об отсутствии возможности или физической способности совершить действие, а о нежелании героини поступать, так как говорит супруг, и выражает некий протест против проявления воли мужа. Не дожидаясь ответной реакции Эдгара, Кэтрин дает указания служанке, что еще раз подтверждает ее пренебрежительное отношение к мнению супруга. Кроме того, героиня иронично подчеркивает разницу в происхождении и социальном статусе мужа и Хитклифа, намеренно приравнивая свое положение к положению друга и противопоставляя себя супругу. В ее высказывании содержится семантически выделенная оппозиция *"master and Miss Isabella — Heathcliff and myself"*. Чтобы усилить эффект этого противопоставления, Кэтрин добавляет: *"Will that please you, dear? Or must I have a fire lighted elsewhere?"*. Очевидно, что героиня на самом деле не рассчитывает на ответ, она лишь еще больше старается задеть мужа. Глагол *please* истолковывается как «угождать», «приносить удовольствие», «радовать» и в контексте данной ситуации придает высказыванию оттенок иронии, поскольку Кэтрин понимает, что мужа не может радовать присутствие Хитклифа в их доме и тем более ее общение с ним. Модальный глагол *must* (должен) можно расценивать как маркер подчиненного положения, однако в данной ситуации героиня демонстрирует не готовность подчиняться супругу, а свое ироничное отношение к его статусу, употребляя данное слово, она вовсе не собирается исполнять волю мужа.

Кроме перечисленных лексических средств выражения коммуникативных интенций героев, мы считаем необходимым также отметить невербальные способы обозначения отношения к партнеру по коммуникации, используемые Кэтрин: *"Mrs. Linton eyed him with a droll expression — half angry, half laughing at his fastidiousness"*. Глагол *to eye* («пристально разглядывать», «рассматривать», «взирать», «держат под наблюдением»), характеризующий взгляд Кэтрин, можно расценивать как маркер статусной позиции героини по отношению к супругу, так как длительный и пристальный взгляд на собеседника является признаком вышестоящего, а прилагательное *droll* («забавный», «чудной», «насмешливый»), выбранное автором для описания выражения лица миссис Линтон, говорит о том, что героиня не пыталась скрыть, а даже наоборот демонстрировала свое пренебрежительное отношение к мужу. Рассерженно-насмешливое выражение лица также презентует негативную оценку

слов супруга, и создается впечатление, что Кэтрин не только не стремится подавить свои эмоции, как этого требовали нормы поведения, она открыто проявляет свои чувства, используя невербальные средства как еще один способ психологического воздействия на мужа.

Очевидно, что главная героиня романа демонстрирует поведение, нетипичное для викторианской женщины. Для того, чтобы получить наиболее полное представление о восприятии Кэтрин своего статуса и статуса мужа в браке, обратимся к примеру, где она делится со служанкой своими впечатлениями от встречи и дает оценку поведению своего супруга.

"I tell you, I have such faith in Linton's love, that I believe I might kill him, and he wouldn't wish to retaliate."

I advised her to value him the more for his affection.

"I do," she answered, "but he needn't resort to whining for trifles. It is childish and, instead of melting into tears because I said that Heathcliff was now worthy of anyone's regard, and it would honour the first gentleman in the country to be his friend, he ought to have said it for me, and been delighted from sympathy. He must get accustomed to him, and he may as well like him [3]".

Сам факт того, что героиня обсуждает своего мужа с прислугой, оценивая его поступки, свидетельствует о ее неуважительном отношении к нему. Заявляя о своей уверенности в любви супруга к ней, Кэтрин подчеркивает свою власть над мужем, который готов стерпеть от нее любое зло, не проявив сопротивления. Фраза *"I might kill him"* свидетельствует о восприятии героиней своего мужа как человека, абсолютно подвластного ее воле, в этих словах Кэтрин заключает следующий смысл: «я могу делать с ним, все, что захочу, и он не станет сопротивляться». Кроме того, героиня рассуждает о том, как следует и как следовало бы поступать ее супругу, используя модальный глагол *must* (должен) и модальный глагол *ought to* с перфектным инфинитивом, несущий отрицательное коннотативное значение упрека. Поведение супруга она оценивает негативно, подбирая такие словосочетания, как *"to whine for trifles"* (хныкать из-за пустяка) и *"to melt into tears"* (расплакаться, лить слезы), которые чаще используются для описания эмоциональной реакции детей или женщин, но подобное поведение считается недостойным для взрослого мужчины.

Таким образом, героиня принижает не только социальный статус своего мужа, но также его гендерный статус мужчины. В то же самое время, Кэтрин дает исключительно положительную характеристику своему другу Хитклифу, используя такие лексемы как *worthy* (достойный) и *honour* (удостаивать чести), то есть, приписывая ему атрибуты истинного джентльмена. Героиня проводит противопоставление между своим мужем, поведение которого она характеризует как *childish* (ребяческий, инфантильный), и давним другом, который не имеет благородного происхождения, но заслуживает, по ее мнению, всеобщего уважения (*worthy of anyone's regard*).

Самым ярким и показательным, на наш взгляд, является эпизод, в котором происходит открытое столкновение между Хитклифом и Эдгаром, а Кэтрин, являясь свидетельницей и основной причиной этого столкновения, не стремится защитить или принять сторону мужа, а лишь наоборот открыто осуждает его поведение.

'Fair means!' she said, in answer to her husband's look of angry surprise. 'If you have not courage to attack him, make an apology, or allow yourself to be beaten. It will correct you of feigning more valour than you possess. No, I'll swallow the key before you shall get it! I'm delightfully rewarded for my kindness to each! After constant indulgence of one's weak nature, and the other's bad one, I earn for thanks two samples of blind ingratitude, stupid to absurdity! Edgar, I was defending you and yours; and I wish Heathcliff may flog you sick, for daring to think an evil thought of me! [3]'

Фраза "Fair means!", которую можно перевести на русский язык, как «честный/ достойный способ», представляет собой речевой акт, форма и содержание которого не совпадают по эмоциональному знаку. Так иронично героиня выражает свое негодование по поводу попытки мужа позвать прислугу, вместо того, чтобы разобраться с Хитклифом лично. В присутствии прислуги и Хитклифа Кэтрин обвиняет супруга в трусости и требует, чтобы он публично принес извинения человеку, к которому он испытывает крайнюю неприязнь. Героиня использует повелительные структуры *make an apology* и *allow yourself to be beaten*, которые характеризуют речевой акт как категоричный директив, в котором мнение адресата не учитывается. Чтобы придать высказыванию большую иллюкативную силу, миссис Линтон апеллирует к чувству собственного достоинства супруга, употребляя синтаксическую структуру, называемую условным предложением реального типа (*If you have not courage...*); героиня настаивает на том, чтобы муж либо сам применил физическую силу в отношении Хитклифа, либо подставил себя под удары противника. Почтительный тон в высказывании *"It will correct you..."* свидетельствует о том, что Кэтрин воспринимает свое положение в браке как выходящее, позволяя себе отчитывать и наставлять супруга.

Литература:

1. Алексеев, М. Н. Английская литература: очерки и исследования / М. П. Алексеев. — Л.: Наука, 1991. — 460 с.
2. Викторянцы. Столпы британской политики XIX века / под ред. И. М. Узнародова. — Ростов / Д, 1996. — 208 с.
3. Emily Bronte. *Wuthering Heights*. — London: Penguin, 2005

Кроме того, свое отношение к мужу она характеризует как снисходительное (*constant indulgence*), тем самым ставит себя на ступень выше своего супруга.

Внимания также заслуживает фраза *"I was defending you and yours"*, в которой глагол *defend*, переводимый на русский язык как «защищать», «оборонять», «отстаивать», отражает экспектации, связанные с ролью мужа, так как в соответствии со стереотипными представлениями о распределении функций в семье, защита дома, жены и детей являлась ключевой обязанностью супруга. Но в данном примере агенсом действия выступает Кэтрин, а ее муж является пациенсом, то есть героиня выполняет функцию, традиционно отводимую супругу, что свидетельствует о смене семейных ролей. Абсолютная форма притяжательного местоимения *your (yours)* используется Кэтрин для обозначения имущества и семьи мужа, таким образом, героиня не включает себя в ряд принадлежностей супруга, отделяя себя от его семьи и даже, в каком-то смысле, противопоставляя себя мужу и его родственникам.

Проведенный анализ речевого поведения супругов Линтон в коммуникации друг с другом позволил выявить особенности супружеских отношений героев и прийти к выводу о том, что данная пара представляет нетипичную для викторианской эпохи модель брачных отношений. Миссис Линтон не следует принятым в обществе нормам поведения жены в браке. Такое несоответствие нормативным ожиданиям и предписываемым статусным позициям в браке можно объяснить личностными характеристиками героев и особенностями их межличностных отношений. Кэтрин является примером сильной и свободолюбивой женщины, не соответствующей викторианским канонам женственности, в которых определяющим качеством считалась покорность. В своем произведении Эмили Бронте нарисовала образ женщины-бунтарки, живущей в соответствии со своими личными моральными принципами. На наш взгляд, идеи для своего романа писательница почерпнула из развивавшегося и набиравшего обороты суфражистского движения, что объясняет столь необычную для викторианской эпохи трактовку роли и места женщины в браке.

Имена собственные в составе фразеологизмов как переводческая проблема (на материале англоязычной прессы)

Стребкова Юлия Вячеславовна, студент

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Статья посвящена вопросу адекватного перевода имен собственных в составе фразеологических единиц в текстах прессы. Особое внимание в статье уделяется особенностям функционирования фразеологических единиц с компонентом-именем собственным в условиях реализации основных стилистических, семантических и оценочных целей в контексте прессы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, имя собственное, носитель языка, семантический компонент, адекватный перевод, публицистический текст.

Важную роль в разных сферах деятельности человека играет перевод, как разновидность межъязыковой коммуникации, как важный способ сближения языков и культур. Современное развитие науки переводоведения, в первую очередь, связано с проблемой адекватной передачи смысловой наполненности информации исходящего языка на язык перевода. Проблема успешного отражения национального колорита связана с желанием читать перевод как оригинал, но при этом чувствовать ментальность носителей иностранного языка. В этом аспекте возникает вопрос о корректности передачи фразеологических единиц, отражающих национально-образную картину мира народа.

Проблема перевода значений фразеологических единиц появилась с зарождения перевода как профессиональной деятельности. Над решением данного вопроса работали такие отечественные и зарубежные исследователи, как В. В. Красных, В. В. Виноградов, В. Н. Комиссаров, С. Влахов, С. Флорин и др., которыми было обнаружено, что фразеологизмы имеют свои значения. В работах таких ученых, как Д. И. Ермолович, А. В. Кунин, И. Л. Кучешева посвященных исследованию передачи имен собственных, определено, что данный пласт лексики также обладает своим значением. Следовательно, можно полагать, что имена собственные в составе фразеологических единиц обладают вдвойне большей информацией о культуре и ментальности носителей языка. Исследователи отмечают национальный характер интерпретации фразеологических единиц с компонентом именем собственным. Это объясняется тем, что фразеологизмы в каждом конкретном языке формируются в соответствии с тем языковым кодом, который выработан в мышлении носителей языка. Таким образом, исследуя фразеологизмы с именами собственными двух языков, можно выявить сходства и различия данных языков.

Однако обзор имеющегося теоретического материала показал недостаточную изученность вопроса передачи значений имен собственных в составе фразеологических единиц при переводе текстов прессы. Важным является тот факт, что национальная окрашенность и экспрессивная наполненность исследуемых единиц представляет особую трудность при их передаче на другой язык и тре-

буют глубокого сопоставительного анализа исходных текстов и их переводов. Это определяет **актуальность** данного исследования.

Цель работы — современная интерпретация и перевод имен собственных в составе фразеологических единиц в языке прессы.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть основы и принципы исследования имен собственных в составе фразеологизмов; 2) проанализировать онимы в составе фразеологических единиц; 3) выявить основные трудности перевода фразеологических единиц с ономастическим компонентом при переводе прессы; 4) охарактеризовать особенности трансформации коннотаций имен собственных в составе фразеологических единиц.

Современная интерпретация и перевод имен собственных в составе фразеологизмов в языке прессы представляют собой **новизну** исследования.

Необходимо отметить, что фразеология — универсальное языковое явление, поскольку фразеологические единицы присущи всем языкам. Однако назвать идентичными системы фразеологических единиц разных языков нельзя. Устойчивые словосочетания в сравнении с другими единицами языка (словом, свободным словосочетанием или морфемой) имеют более сложную лексико-грамматическую и смысловую структуру. Это обусловлено тем фактом, что в их образовании важную роль играют так называемые внешние факторы — культурный, исторический, социолингвистический, географический.

Важнейшим источником информации о культурном, историческом социолингвистическом и географическом аспектах жизни носителей языка являются имена собственные. Как и фразеологические единицы, имена собственные составляют особый пласт лексики в каждом языке. Известный ученый А. В. Суперанская считает: «*Собственное имя (оним)* — (от греч. *опота* — имя, название) — слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [5, с. 14].

В каждом языке имена собственные принадлежат к одному из старейших пластов лексики и принимают активное участие в образовании фразеологизмов, которые отражают фрагменты языковой картины мира отдельного народа. Таким образом, следует отметить, что фразеологическая единица с компонентом именем собственным (далее — ФЕИС) — это устойчивое словосочетание, в состав которого входит лексический компонент, представляющий собой имена известных исторических личностей, географические названия, названия животных, мифических героев, растений. Во фразеологическом фонде любого языка имеется небольшое количество фразеологических единиц с ономастическим компонентом. Например, А. И. Молотков пишет: «несколько особняком в перечне фразеологических единиц стоят словосочетания с именем собственным, их немного (около 2% от общего состава фразеологических единиц)» [3, с. 46]. Следует отметить, что ФЕИС — способ эмоционально-экспрессивного осознания действительности и отражение фактора субъективности народа в системе языка.

Фразеологические единицы состоят из слов, поэтому их значения, прежде всего, зависят от взаимодействия лексических компонентов, входящих в их состав. Компоненты фразеологических единиц, включая ономастические компоненты, следует считать специфически употребленными словами, потому что в составе фразеологических единиц они теряют свое буквальное значение и вместе с другими компонентами фразеологизма приобретают новое значение. Фразеологизм можно также рассматривать как совокупность семантических компонентов: экспрессивного, оценочного, эмоционального и функционально-семантического. Семантические компоненты, в отличие от лексических, необходимо всегда сохранять при переводе на другой язык: *to fight like Kilkenny cats* — *бороться не на жизнь, а на смерть*; *Queen Anne is dead!* — *открыл Америку!*; *to be from Missouri* — *быть скенником*; *to shoot Niagara* — *решиться на отчаянный шаг*; *Street English* — *речь, насыщенная архаизмами*.

Перевод имен собственных в составе фразеологических единиц — очень непростая задача. Благодаря их семантическому разнообразию, образности, лаконичности фразеология играет в системе языка очень важную роль. Имена собственные в составе ФЕ особенно широко используются в разговорной речи, в художественной, политической литературе, а также в средствах массовой информации, в особенности в прессе.

В настоящее время с выходом средств массовой информации на главенствующую роль в жизни народа, его культуре и восприятию реальности в условиях глобализации международной коммуникации особо интенсивно стала укрепляться роль прессы в становлении новых норм словоупотребления и сочетания слов, когда только в сравнительно недавнем прошлом этой основой выступала художественная литература. Прежде всего, это связано с тем, что за последние десятилетия периодические издания, газеты и СМИ в целом приобрели широкую популярность

и являются основополагающими в культурном становлении и интеллектуальном развитии народов. Пресса является частью жанра публицистики, который является близким к разговорному стилю, играющим в настоящее время главенствующую роль в образовании новых норм словоупотребления. Это также определяет широкую популярность газет и периодических изданий. Следует отметить, что в отдельных случаях пресса выступает важнейшим источником в изучении определенных вопросов истории, культурологии, страноведения, социолингвистики и др. смежных дисциплин.

Известно, что главной функцией текстов периодической печати является передача информации, но при этом каждая статья или рубрика преследует определенные цели: воздействовать на читателя, побуждать аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию. Таким образом, передача информации в тексте часто сопровождается различными речевыми и языковыми приемами, несет в себе прямую или скрытую оценку действительности.

К таким приемам можно отнести и использование журналистами фразеологизмов, в том числе, ФЕИС для придания текстам особой стилистической и семантической окраски. Такой подход помогает достичь большей эффективности для реализации поставленных целей.

Язык прессы имеет в своем составе такие речевые словосочетания, основной функцией которых выступает способность привлечь внимание читателя и заинтересовать его к дальнейшему прочтению статьи. Такими словосочетаниями выступают заголовки, подзаголовки, афиши, анонсы, названия рубрик. В этом аспекте мы можем говорить о широком использовании в качестве таких компонентов фразеологических единиц (далее — ФЕ), в особенности, фразеологических единиц с именами собственными с целью усиления выразительности и эмоционального воздействия на читателя.

Основным признаком публицистического текста является клишированность способов языкового изображения. Высокая степень аллюзий в контексте газетного текста заключается в том, что журналисты используют в качестве уже готовых блоков цитирование хорошо знакомых читателю фрагментов текстов книг, известных реплик киногероев, рекламы или ФЕИС. Фразеологические единицы с компонентом-именем собственным — один из основных пластов восприятия народом реальности. Но в языке прессы имена собственные в составе ФЕ могут подвергаться разного рода трансформациям, что может существенно отличать их первичные значения от вторичных, которые они приобретают в контексте.

В результате проведенного исследования мы пришли к некоторым **выводам**:

1. Имена собственные обладают особой социальной значимостью в процессе общения, они по-разному осваиваются культурами разных национальных обществ и их субкультурами. В семантической структуре фразеологических единиц имя собственное является опорным компонентом.

2. Устойчивые словосочетания в сравнении с другими единицами языка имеют более сложную лексико-грамматическую и особенно смысловую структуру. Это обосновано тем фактом, что в их образовании важную роль занимают так называемые внешние факторы — культурный, исторический, социолингвистический, географический.

3. Язык прессы имеет в своем составе такие речевые словосочетания, основной функцией которых выступает способность привлечь внимание читателя и заинтересовать его к дальнейшему прочтению статьи. Такими словосочетаниями выступают заголовки, подзаголовки, афиши, анонсы, названия рубрик. В этом аспекте мы можем говорить о широком использовании в качестве таких компонентов фразеологических единиц, в особенности, фразеологических единиц с именами собственными с целью

усиления выразительности и эмоционального воздействия на читателя.

4. Благодаря их семантическому разнообразию, образности, лаконичности имена собственные в составе фразеологических единиц играют в системе языка очень важную роль.

Их перевод в контексте языка прессы — очень непростая задача. Проблема перевода заключается в том, что даже в настоящее время, когда разработаны способы и приемы перевода фразеологических единиц с компонентом-именем собственным, многие переводчики сталкиваются с трудностями передачи фразеологических единиц с компонентом-именем собственным в контексте периодических изданий. Следовательно, можно полагать, что эта проблема остается достаточно острой и в наше время.

Литература:

1. Воронина, А. С. Имена собственные в составе фразеологических единиц / А. С. Воронина. — ИЯШ, 2003, № 4.
2. Дубровин, М. И. Русские и английские идиомы / М. И. Дубровин. — М.: ИЛБИ, 2000
3. Кучешева, И. Л. Лексико-семантический анализ имен собственных в составе английских и русских фразеологических единиц: лингвокультурологический подход // Иностранные языки в школе. — 2008. — № 5. — с. 81–84.
4. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — М.: Русский язык, 1986.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М., Наука, 1973. — 366 с.
6. Фразеологическая семантика / сб. статей / отв. ред. Кунин А. В. — М.: МГПУ, 1983. — с. 73

Олжас Сулейменов — писатель и поэт

Фазилова Клара Байбуриевна, старший преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Олжас Сулейменов — человек известный. Он известен не только своим знаменитым произведением «Аз и Я», но и стихами, своими содержательными интервью, которые вызывают большой интерес у читателей. Олжас Сулейменов — как постоянный представитель Республики Казахстан при ЮНЕСКО известен также и как государственный и политический деятель.

Олжас Сулейменов родился в Алматы 18 мая 1936 года. В 1954 году поступил на геологический факультет Казахского государственного университета. В 1958–61 годы учился в Московском Институте Литературы имени М. Горького.

В связи с полетом Юрия Гагарина в космос он написал стихи, которые были напечатаны в газете «Казахстанская правда» 12 апреля 1961 года. В мае 1961 года вышла поэма «Земля, поклонись человеку!», которая прославила его на весь мир. Это гимн, посвященный возможностям и воле человека, в поэме высказаны размышления о человеке, покорившем космос и открывшем новый этап в судьбах мира.

Его первый поэтический сборник «Аргамачи» увидел свет в 1961 году. В 1962 году был издан сборник «Сол-

нечные ночи», в 1963 году — «Ночь — парижанка». Также выпущены сборники стихов «Год обезьяны» (1967), «Глиняная книга» (1969) и другие.

В последние годы был издан ряд крупных исследований поэта, писателя, ученого, политика и общественного деятеля О. Сулейменова. В 1998 году выпустил книги «Язык письма» и «Улыбка бога», в 2001 году — «Пересекающиеся параллели», в 2002 году — книгу о происхождении древнетюркских языков и письменностей «Тюрки в доистории», за которую получил премию Култегина «За выдающиеся достижения в области тюркологии» (2002).

Олжас Сулейменов пишет на русском языке. В его произведениях воспеваются национальный дух казахов, степные казахстанские просторы. Он хорошо знаком с образом жизни, думами и чувствами казахов, поэтому в его художественных произведениях отражается национальный дух казахского народа. В научных трудах Сулейменова показано место тюркских народов в развитии мировой культуры и мировой истории. В произведении «Аз и Я» он обосновал, что тюрки одна из древнейших культурных наций мира. Стихи и проза О. Сулейменова пе-

реведены на многие языки мира. Герои поэтических произведений Сулейменова — гордые, знающие себе цену, уважающие достоинство других сильные личности. Они изображены как люди с открытой, широкой душой, философски мыслящие, щедрые и добродушные, мужественные и благородные люди. В трогательных и захватывающих сценах нашло свое отражение историческое прошлое казахского народа, тюркских племен и народов. В своих произведениях Олжас Сулейменов создаёт образ казахского народа, воспеваает степные просторы Казахстана, но вместе с тем не умаляет величие гор. У него особое видение мира, наверное поэтому многие его выражения хочется цитировать.

«Я вижу себя не всадником, гарцующим на Пегасе, а скотником в авгиевых конюшнях истории. Мне самому надо было определять свои корни, ибо дерево без корней — это столб без кроны и плодов. Так и народ, который есть яблоня в саду человечества. Я думаю, что это единственная возможная форма самоутверждения казахского писателя — самоутверждаться, утверждая народ...» — писал О. Сулейменов. Судьбу своего народа поэт постоянно соотносит с историей человечества. Такое осмысление национальной истории в широком контексте является несомненным вкладом О. Сулейменова в казахскую поэзию. [4]

Олжас Сулейменов известен и своими работами, посвященными изучению письменности, этимологии слов. В книге «Аз и Я» раскрыто отношение О. Сулейменова к слову и словесным образам, как к главным инструментам «не только художественного творчества, но и постижения культуры и ее истории. Понятие «слово» у поэта весьма многозначно. Так в «Аз и Я» «слово» это и название литературного памятника («Слово и полку Игореве») и феномен культуры как таковой» [1].

Его поэтику отличает национальное своеобразие. Вместе с тем, он — интернационалист. Он может буквально одной строфой обозначить свою сыновью причастность к казахскому эпосу и вновь предстать сыном человечества, представителем мировой культуры... Эти элементы глубоко характерны для всего творческого пути Олжаса Сулейменова. И об этом ещё в конце 70-х прошлого столетия писал профессор Сорбонны, поэт и переводчик русской поэзии Леон Робель, представляя французскому читателю свой перевод поэмы «Глиняная

книга»: «Олжасу Сулейменову давно уже близка идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Он хочет читать историю, как большую книгу переселений и изменений знаков. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на Историю Человечества. Давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса — мы признаём Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно» [5].

У Олжаса Сулейменова свой историко-философский взгляд на слово, письменность, словари, книгу, литературу, искусство... Говоря о роли книги в истории человечества, он отмечает, что книга является самым объективным, самым выразительным символом цивилизации. Она развивает творческие способности, заложенные в человеке, как никакое другое средство информации.

Интересно также определение, данное О. Сулейменовым в работе «Золотая латынь» словарям: «Словари, — считает он, — самый объективный и полный архив сведений о прошлом человечества, и — каждого этноса. В словаре отразились маршруты перемещений народа по земле, следы контактов, войн и сотрудничества с другими» [2].

Олжас Сулейменов один из многих поэтов и писателей, затрагивающих политические проблемы. Несмотря на это, его отличает от других своеобразный взгляд на проблемы мира. Его общественная и политическая деятельность связана с защитой человека, защитой окружающей среды. Он считает, что «Писатели — голос разума своих народов, должны объединиться первыми, чтобы выступить как могучая сила антираспада. Разоблачая лживые лозунги, разрушая перегородки племенных национальных и региональных сознаний, созидая планетарное сознание землян» [3]. Олжас Сулейменов — поэт-философ, писатель-философ. Как правильно подмечает Гульнара Сейткалиева: «По характеру своего дарования Олжас Сулейменов — поэт философского мироощущения. Он не только художник, но и глубокий, оригинальный мыслитель» [4].

Его произведения отражают его мысли, сферы деятельности. Олжас Сулейменов — великий художник слова, филолог, философ, историк, великий гуманист своего века.

Литература:

7. Абеннова, Б. А. Культурфилософские принципы и идеи в творчестве Олжаса Сулейменова. Автореф. дисс... канд. филос. н. — Алматы, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturfilosofskie-printsipy-i-idei-v-tvorchestve-olzhassa-suleymenova#ixzz3e3n89bqj>
8. Сулейменов, О. Золотая латынь. Простор. 1996. № 3. с. 35.
9. Сулейменов, О. Будущее нуждается в нас. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. — Алма-Ата: Жалын. 1990. 592 с. С. 75
10. Сейткалиева, Г. Национальная составляющая в поэзии Олжаса Сулейменова. // Простор. № 10. URL: <http://writers.kz/journals/?ARTICLE=6794&CURRENT&ID=12&NUM=247>
11. Канапьянов, Б. Быть далеко услышанным. Олжасу Сулейменову — 70. URL: <http://almatylit.ucoz.ru/publ/6-1-0-20>

ФИЛОСОФИЯ

Глобализация и идеологический иммунитет

Душаев Акбаржон Жаникулович, преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

В настоящее время одна из общечеловеческих проблем, одна из угроз международной безопасности и прогрессу — это глобализация идеологических процессов и борьба против нее, уменьшение ее влияния и обеспечение информационной безопасности регионов мира. Эта проблема по своим масштабам и угрозам значительно превосходит масштабы терроризма, национальных и религиозных конфликтов, расизма и других угроз безопасности. Сегодня географо-политические и идеологические игры на «великой шахматной доске» — мировой арене все более разгораются, борьба развитых государств за укрепление своего влияния в определенных регионах мира набирает обороты. Наблюдается усиление информационного влияния, применение тактики информационной атаки, что является серьезной опасностью для стабильности и независимости некоторых государств.

Республика Узбекистан расположена в удобном географо-политическом пространстве, имеет богатые природные ресурсы, внутренний рынок и дешевую рабочую силу. Поэтому некоторые силы стремятся установить здесь свое господство, для чего применяют тактику информационного идеологического воздействия. Поэтому важно изучить состояние глобализации угроз идеологических процессов в Центральноазиатском регионе.

Глобализация идеологических процессов, их влияние на сознание народа, их интеграция в мировую экономическую и социальную инфраструктуру связана с различными факторами. В этом процессе особое место занимают средства массовой информации (СМИ). Глобализация, с одной стороны, проявляется в том, что в идеологические процессы втянуты все народы, все регионы мира. С другой стороны, в результате информационной революции люди, живущие в разных точках планеты, могут подвергаться идеологическому воздействию через всемирную сеть. Идеологическое воздействие, информационная атака направлена на определенные цели, в том числе на разжигание национальной розни, национализма, религиозного экстремизма, терроризма, и кроме того некоторые ресурсы отрицательно влияют на сознание мо-

лодежи, порождая у них интерес к различным деструктивным движениям и группам.

Конечно, всемирная сеть имеет свои положительные стороны, благодаря которым люди общаются между собой, узнают новости политики, науки, общественной жизни и т.д. СМИ, в том числе Интернет, помогают формировать социальные представления, систему ценностей, помогают расширять кругозор и совершенствовать знания.

Попытки оказать воздействие, идеологическое влияние на определенную группу людей, на народ, на общество были всегда. Если заглянем в историю, можем увидеть, что этот процесс с каждым годом развивается и углубляется, расширяет масштабы охвата. Например, есть существенные различия между особенностями оказания идеологического влияния в 70–80 годы XX века и сегодняшнего дня.

Особенности идеологического влияния проявляются в том, что процесс протекает быстрыми темпами. Ускорение темпов объясняется тем, что в век высоких информационных технологий любая информация распространяется очень быстро. Пресса, радио, телевидение, кино, Интернет стали распространителями различных идей и средствами воздействия на мировоззрение миллионов, миллиардов людей. Идеологическому влиянию подвергаются все слои населения, все сферы общественной жизни. Нельзя даже представить какую-либо сферу человеческой деятельности, где бы не ощущалось влияние идеологии. К тому же в настоящее время идеологическое влияние не носит стихийный характер, оно осуществляется сознательно, направлено на определенные цели, на основе выработанного плана. В этом процессе участвуют различные институты, группы и группировки. В этих условиях становится злободневным ставить во главу политики идеологическое воспитание и идеологическую профилактику. В этом деле должны участвовать негосударственные, неправительственные общественные организации, институты гражданского общества, образовательные и воспитательные учреждения.

Как говорил И. А. Каримов, «Сегодня оружия, накопленного человечеством, хватит на то, чтобы несколько

раз уничтожить весь мир. Мы все это хорошо осознаем. Однако самая большая опасность сегодняшнего дня — это непрерывная идеологическая борьба за овладение душами и сознанием людей. Теперь многое решает не борьба на ядерных полигонах, а борьба на идеологических полигонах. Эту горькую правду нельзя забывать” [2].

Некоторые идеи не воспринимаются людьми, а некоторые могут сохраняться в сознании личности в качестве информации. В первом случае, идея не оставляет следа в сознании и памяти людей, а во втором случае, идея не имеет никакого значения, хотя и хранится в памяти и сознании. Однако, имеется группа людей, в сознании которых идея укрепляется и влияет на их поведение, мышление, становится неразделимой частью их духовного и психологического состояния. Она может призывать их к действиям, превращается в пособие для действий. В этом цель идеологической борьбы: через душу человека проникнуть в его сознание.

Сегодня для нашего общества серьезную опасность представляют следующие идеологические угрозы:

- попытки восстановить исламский халифат и создать под его знаменем империю мусульманских народов;
- попытки фальсифицировать нашу историю, национальные ценности и сущность религии;
- стремление распространить аморальные идеи, способные оказать пагубное воздействие на духовность народа;

Литература:

1. Каримов, И. А. По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6. — Т.: Узбекистан, 1998. С.60
2. Каримов, И. А. Жамиятимиз мафкуриси халқни — халқ, миллатни — миллат қилишга хизмат этсин. — Т., 1998. 9-б.
3. Идея национальной независимости: основные понятия и принципы. — Т.: Узбекистан, 2003. С.22.

Внутренние детерминанты и стадии развития этнического

Кочергина Виктория Игоревна, аспирант
Воронежский государственный университет

Содержание категории этнического имеет сложную многогранную структуру с присущими ей внутренними детерминантами развития. В своём становлении этнос проходит ряд стадий, каждая из которых имеет свои особенности. Первая стадия характеризуется многочисленными расчленениями этноса на подэтноты, каждый из которых имеет свои отличия в языке и культуре, в частности, наличие диалекта. В данном случае представители этноса практически не соотносят себя с этносом, а осознают себя в большей степени членами подэтноса. К другим представителям того же этноса они могут относиться нейтрально или даже враждебно. Иногда это скрывается с масштабностью территории и отсутствием постоянных контактов. К примеру, в Киевской Руси на-

– попытки развязать региональные и международные конфликты, используя различные идеологические средства.

Эти угрозы являются формами проявления агрессивной идеологии, направленной, прежде всего, на овладение сознанием простых людей, лишение их собственных национальных ценностей, достижений мировой цивилизации. Чтобы оградить наш народ от различных идеологических угроз, сформировать у общества идеологический иммунитет, необходимо вооружить его подлинно гуманистической идеологией, содержащей в себе мощный импульс духовного возвышения народа. [3]

Иммунитет — это комплекс реакций в организме, способных сохранить в нем постоянное внутренне равновесие защитить его от проникновения внешних инфекций. Иммунитет также выражает особенность человеческого организма не подчиняться влиянию различных инфекционных заболеваний.

Идеологический иммунитет — это система ценностей и знаний, служащие обогащению духовного мира человека, связанные с интересами страны, народа, служащие надежным щитом против идеологических угроз. В формировании идеологического иммунитета важную роль играют не только общественные организации, образовательные учреждения и т.д., но и средства массовой информации.

селение, проживающее на территории Новгорода и близлежащих земель, имело постоянные тесные связи, как экономические, так и культурные, в большей степени с представителями скандинавских европейских государств, нежели с другим населением Руси, в частности, южных и центральных земель. На данной стадии развития этноса общим письменным языком чаще всего выступает какой-либо заимствованный язык. Таким языком в Западной Европе долгое время была латынь.

Вторая стадия развития этноса характеризуется доминированием этноса над подэтнотами. Человек, в первую очередь, начинает себя осознавать как представителя данного этноса, соответственно культура и язык подэтносов для него становятся менее значимыми. На этой

стадии начинается формирование общего литературного языка этноса, который с течением времени приближается к разговорному. За основу литературного языка берётся уже не заимствованный чужеродный язык, а какой-либо из диалектов данного этноса. Как правило, того подэтноса, представителей которого большинство проживает на данной территории в период формирования.

Третья и заключительная стадия развития этноса чаще всего связана с появлением новых форм хозяйствования, в частности, с развитием капиталистических отношений. Именно эту стадию развития этноса обычно отождествляют с нацией. О причинах мы уже упоминали выше. Скажем лишь, что это связано с возможностью формирования наций только в условиях становления капиталистических отношений. На данном этапе развития этноса постепенно крестьянская сельская культура, которая была фундаментом формирования этноса на более ранних стадиях, замещается городской культурной. Это связано, прежде всего, с бурным ростом городов как культурно-экономических и политических центров, распространением грамотности, развитием образования. Происходит окончательное замещение диалектов единым литературным языком, культуры этносов национальной культурой. Но так как мы говорим не об идеальном состоянии, а о реальной исторической ситуации, то история ещё не знает примеров полного совпадения этнической и национальной культур. Но очень сильное их сближение без детального исследования позволяет многим авторам делать вывод об их тождестве. Сильнее всего это можно проследить на основе полиэтнических наций, то есть когда нация состоит из нескольких этносов. Данное утверждение справедливо для современной российской нации, которая является полиэтнической. Тем не менее, этносы, проживающие на территории Российской Федерации, прежде всего, соотносят себя с Россией и лишь затем с их малой этнической Родиной. Но, как ни странно, при таком положении дел мы редко сможем услышать от человека, проживающего на территории России — «Я — россиянин!». Скорее он скажет — «Я — русский!», имея в данном случае в виду свою принадлежность к российской нации, а не к русскому этносу. Подобная путаница возникает из-за отождествления этноса и нации. Таким образом, россиянин трансформируется в русского. То же касается и других полиэтнических геосоциальных образований. Обратимся для примера к Франции, которая насчитывает ряд этносов, порой, даже говорящих не просто на разных диалектах, но и на разных языках. В то же время представители французской нации могут проживать на территории других геосоциальных организмов, к примеру, в Швейцарии. Несмотря на это, можно говорить о существовании единой французской нации, которая состоит не только из представителей французского этноса. Французская нация представляет собой сложное полиэтническое образование, которое ковалось в горниле Великой французской революции. Процесс формирования французской нации в своих трудах довольно красочно описал Ф. Энгельс: «Но вот разразилась

французская революция. То, что Эльзас и Лотарингия не смели и надеяться получить от Германии, было им подарено Францией... Крепостной, обремененный барщиной крестьянин стал свободным человеком, во многих случаях свободным собственником своей усадьбы и поля... Нигде во Франции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением. Когда же Германская империя объявила войну революции, когда обнаружилось, что немцы не только продолжают покорно владеть собственными цепями, но дают еще себя использовать для того, чтобы снова навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам — только что прогнанных господ феодалов, тогда было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза», и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений слились в единый народ с французами» [4, с. 460–461]. Несмотря на разность происхождения, различия в культурно-языковом аспекте, представители всех этносов французского государства отождествляют себя с Францией как со своим Отечеством. Это ещё раз подтверждает тезис о разном наполнении понятий этноса и нации и о возможности их тесного взаимопереплетения, которое никогда не станет тождественным.

Тем не менее, возможны случаи зарождения новой нации в рамках уже существующего геосоциального образования. Такое положение дел возникает при угнетении какой-то части населения, обычно принадлежащей к одному этносу, являющейся малочисленной и проживающей компактно на ограниченной территории. При наличии таких условий представители данного этноса более не отождествляют свои интересы с интересами всего геосоциального организма. Они переносят образ Отечества на свою ограниченную область проживания. В итоге угнетаемый этнос образует новую нацию, которая стремится к удовлетворению собственных потребностей и образованию нового геосоциального организма. Тогда новая нация начинает стремиться к обретению независимости. Примеров образования новых наций и стремления их к отделению история предоставила нам немало. Обратимся к современным. Косово является отчасти признанной республикой, население которой преимущественно составляют этнические албанцы. Долгое время территория края находилась в рамках Сербского государства, где последовательная националистическая политика властей привела к формированию недовольства в этом регионе. Пик противостояния пришёлся на 90-е годы XX века после прихода к власти в стране Слободана Милошевича и откровенного притеснения албанского населения. В результате чего албанцы Косово стали себя осознавать как отдельную нацию и ассоциировать исключительно край Косово со своим Отечеством. На территории региона возникло обширное стремление к независимости, которое в результате кро-

вопролитных столкновений было достигнуто. На сегодняшний день мы имеем немало примеров подобных тенденций, в том числе связанных и с историей нашей страны. Сюда же мы можем отнести и стремление к обретению независимости Чеченской Республики, и вождение Крыма в состав России. Все эти события, перекраивающие карту мира, не могут проходить безболезненно для государств, в них участвующих, да и для всего мира в целом. Они создают всё новые прецеденты, которые могут быть повторены в будущем. Что в свою очередь требует более тщательной и детальной разработки норм международного права, которые были бы способны более эффективно управлять вышеназванными процессами, чем сегодня.

Что же такое этнос? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, что же делает русского русским, итальянца итальянцем и т.д. Ведь если представитель какого-либо этноса переселится за рамки геосоциального организма, на территории которого проживает большинство представителей данного этноса, он всё же останется им. Русский, живущий в Канаде, всё равно останется русским, точно так же, как и армянин, проживающий на территории России, останется армянином. Во-первых, всех представителей определённого этноса объединяет единый язык. Об этом мы упоминали выше. Ряд исследователей делает акцент на общности языка и считает наличие общего языка главным признаком, отличающим один этнос от другого. Они основываются на том положении, что именно язык отвечает за передачу большей части информационных потоков. Через информационные потоки передаются традиции, обычаи, историческая память. Всё это запечатлевается в языке этноса. Так, Ю. Бромлей пишет, что этнос — это «исторически сложившаяся межпоколенная общность людей, объединяемых системой коммуникативных и сигнификационных связей. При этом коммуникативные связи (как синхронные, так и диахронные) обеспечиваются в первую очередь языком» [1, с. 4]. Некоторые современные учёные, особенно лингвисты, вместо понятия «этнос» чаще стали употреблять понятие «этнолингвистическая общность» с целью подчёркивания главенствующей роли языка при анализе феномена этнического. Опять же, если мы обратимся к историческим реалиям, то увидим, что единый язык не является абсолютным критерием выделения этноса. К примеру, есть этносы, единственно говорящие на каком-либо языке. Также встречаются совершенно разные этносы, но при этом они тоже используют один и тот же язык. На немецком языке говорят не только немцы, но и австрийцы, и немецкоговорящие швейцарцы. Тем не менее, нельзя утверждать, что они относятся к одному этносу. Поэтому с необходимостью нужно выделить ещё один признак, который отличает один этнос от другого — это культура.

«Этнос — это существующая или существовавшая какое-то время культурная общность, трансформировавшаяся в сознание генетической общности и часто в образ референтной группы весьма высокого ранга, с которой соотносит себя принадлежащий к данному этносу человек» [2, с. 17]. В данном определении выделено целых два фактора,

разделяющие этносы между собой. Во-первых, это культура, во-вторых, осознание членами этноса себя как представителей данного этноса. Что касается культурной общности, то здесь опять же не всё так однозначно. Разные этносы могут быть в культурном плане очень близки, но их представителей нельзя будет отнести к одному этносу. В Закарпатье существует этнос русины, которому удаётся сохранить свою самобытность на протяжении многих веков. В обычаях, традициях, образе жизни, даже в стилях одежды они схожи с русским этносом. Хотя русских и русинов, несмотря на общий корень в названии, нельзя отождествлять. Это самостоятельный этнос, который долгое время был угнетаем своими соседями. И на сегодняшний день он остаётся всё ещё очень многочисленным. Так, только на территории современной Канады проживает не менее 600 тыс. русинов, которые в то же время сами осознают свою принадлежность к данному этносу. Этот пример ещё раз подтверждает важность самосознания представителей этноса. Без него невозможно говорить о существовании различных этносов в принципе. Самосознание представляет собой нахождение себя в матрице «свой — чужой», удвоение реальности. Русский этнос состоит из северных великорусов и южных великорусов. Они имеют отличные культурные и языковые особенности, что при первом рассмотрении позволяет говорить о существовании двух различных этнических общностей. Но и те, и другие причисляют себя к русским, осознают себя представителями русского этноса. Поэтому, что северные, что южные великороссы относятся к одному этносу. В приведённом нами выше определении выделяется ещё один немаловажный аспект — это осознание членами этноса культурной общности как генетической. То есть наложение социального и биологического компонентов. Это связано с общностью происхождения членов этноса, точнее, с осознанием таковой. Если спросить у человека, почему он считает себя русским, первое, на чём он сделает акцент — это не проживание на территории России, а на том, что его родители тоже русские. Это напрямую нас отошлёт к генетическим особенностям представителей данного этноса. Таким образом, происходит подмена биологического и социального. Историческая преемственность заменяется кровно-родственными связями. Тем не менее, полностью исключать биологический компонент, бесспорно, нельзя. Генетическая основа существования этноса является фундаментом построения всей социальной системы преемственности, которая, тем не менее, к ней не сводится.

Человек, попадающий в другую культурную и языковую среду, начинает её активно впитывать, при этом сохраняя свою самобытность и принадлежность к своему этносу. Данный процесс называется этнической ассимиляцией. Он имеет как положительные, так отрицательные последствия. Во-первых, этническая ассимиляция может касаться не только одного человека, но и целой группы людей. Она способствует росту взаимопонимания между представителями разных этносов, проживающих на одной территории. Но в то же время, она может привести к утрате эт-

нической идентичности. Это длительный процесс, который переживает ни одно поколение переселенцев. До тех пор, пока будет существовать этническое самосознание этноса, будет возможно и само существование данного этноса. Примером может служить американская нация, которой так и не удалось стать американским этносом. Этническое самосознание англичан, представителей африканских этносов, французов и др. настолько сильно, что на данный момент не позволяет говорить о существовании американского этноса. Кроме этнической ассимиляции, можно наблюдать и другие трансформации этносов. Так, несколько этносов могут объединиться в один этнос. Это чаще всего происходит, если разные этносы принадлежат к одному геосоциальному организму и образуют одну нацию, соответственно реализуют общие интересы. В то же время могут иметь место и обратные процессы, то есть распад одного этноса на ряд независимых. Это связано с распадом государства, частью которого являлся данный этнос. Причём, в большинстве случаев речь идёт не об образовании отдельных государств, а о включении частей распавшегося государства в другие, уже существующие. Так было, к примеру, с Речью Посполитой, территория которой была разделена между Россией, Пруссией и Австрией в результате трёх разделов в XVIII веке. Включение в разные геополитические организмы привело к формированию отличных друг от друга этносов. То же случилось с разделением ранее единого этноса на русских, украинцев и белорусов. Отсюда можно понять, почему многие исследователи выделяют в качестве признака, отличающего один этнос от другого, общность территории. Потому что именно в рамках

одного геосоциального организма возможна тесная консолидация различных этносов и последующее их преобразование в единый этнос. Но это долгий путь исторического развития, который не всегда приводит к обозначенному результату.

Вышеперечисленные характеристики этноса, такие как общность языка, культуры, этническое самосознание напрямую отсылают нас к компонентам этнической ментальности. Так, многие исследователи отмечают различие этносов, связанные с особым способом восприятия мира, реакцией на раздражители, стереотипами поведения и т.д. О.В. Фокина, к примеру, пишет: «Психоповеденческие архетипы возникают уже на первых этапах формирования этноса. В дальнейшем они, безусловно модифицируются. Но через связь времен сохраняется определенный психоповеденческий вариант, который реализуется на общей языковой, культурной и морально-этической основе. Он дает возможность народу сохранить самоидентичность во всех исторических перипетиях, пронести сквозь время этическое самосознание, как, вероятно, единственный обязательный признак этноса. Этот вариант и есть те сложно уловимые особенности национального характера, фиксируемые на уровне архетипов мировосприятия и поведения, которые в метафизической плоскости именуется «духом нации», «душой народа» или национальным менталитетом» [3, с. 23]. В данном случае, не делая акцента на различиях приводимых автором понятий как синонимичных, отметим, что представителей одного этноса от другого отличает этническая ментальность, которая и включает все вышеперечисленные компоненты этнического.

Литература:

1. Бромлей, Ю. В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики. // Советская этнография, N 6, 1989. — с. 3—17
2. Гусейнов, Г. и др. Этнос и политическая власть // Век XX и мир, N 9, 1989. — с. 3—18
3. Фокина, О. В. Некоторые методологические проблемы исторической психологии. Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. — Ижевск, 1993. — Часть 2, — 238 с.
4. Энгельс, Ф. Роль насилия в истории // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. — с. 419—479

Роль семиотической системы в процессе институционализации общественной жизни

Литовченко Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент
Национальный авиационный университет (г. Киев, Украина)

Статья посвящена исследованию роли и особенностей семиотической системы в процессе институционализации общественной жизни. Показано, что символы, знаки, язык являются важным условием формирования разнообразных типов социальных практик в качестве социальных институтов.

Ключевые слова: институционализация, семиотическая система, знак, символ, язык.

Жизнедеятельность человека в обществе, его взаимоотношения и общение неразрывно связаны с системой знаков и символов, что предусматривает кодировку

представлений индивида или группы о себе, окружающем мире и поведении, взаимосвязях и отношениях, которые способны обеспечивать развитие и стабильность обще-

ственной жизни. Символы являются своеобразным фактором институционализации общественной жизни, способствуя социальной интеграции и поддержке социального порядка в обществе. В данном контексте А. Акмалова и В. Капицин справедливо отмечают, что социальный институт начинается в социально представляемом, которое переплетается с символическим, обеспечивая тем самым представление о социальной действительности [1]. Актуальным является определение социального института И. Исаева как символической социальнорегулируемой системы, в которой в разных пропорциях уже комбинируются представляемая и функциональная составляющие [2, с.105–106]. Процессы институционализации общественной жизни предусматривают образования стабильных социокультурных образцов социального взаимодействия с целью адаптации индивидов к нормативным требованиям, правилам, ценностям, обычаям, символам социальных институтов, а также их соблюдение и воссоздание, в социальных практиках.

Трансформационные изменения, которые происходят в обществе, актуализируют проблему исследования роли символов в процессе институционализации общественной жизни, которые являются определенным инструментом или программой, с помощью которых делается возможной интерпретация, воссоздание и управление социальными практиками, что обусловлены новыми общественными потребностями. Однако в отечественной научной мысли исследованию и теоретико-методологическому обоснованию роли символов в процессе институционализации общества уделяется недостаточно внимания, что обуславливает потребность в социально-философском анализе обозначенной проблемы.

Философская разработка понятия «социальный институт» берет начало в трудах А. Гелена (философия институтов), К. Касториадиса в пределах концепта «эксплицитного воображения», Е. Макинтайра в связи с практикой. Своеобразную интерпретацию социального института предлагает М. Бубер в плоскости дистанции между Я и Оно, то есть дистанции между чувством (внутренним) и институтом (внешним).

Институциональные аспекты функционирования нормативных образований исследовались в работах П. Бергера, Дж. Бернарда, Т. Лукмана, Д. Норта, Дж. Томсона. Институты правового государства анализируются в научных исследованиях А. Матюхиным, О. Мартишиным, Т. Заславской.

Сущность, особенности функционирования и разновидности социальных институтов, исследовали А. Берджес, П. Блау, М. Вебер, Т. Веблен, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Д. Ландберг, И. Лейман, А. Лимаренко, С. Липсет, Н. Луман, А. Мальцева, М. Мацковский, Р. Мертон, Ч. Миллс, М. Мнацаканян, Т. Парсонс, А. Радугин, К. Радугин, П. Рикер, Дж. Роулз, Г. Спенсер, Я. Щепанский, А. Ефендиев, Дж. Хоманс и др.

Системные исследования институциональных трансформаций представлены в трудах Х. Арендт, Д. Белла, П. Бер-

гера, П. Бурдьё, В. Иноземцева, М. Кастельса, Т. Лукмана, А. Тоффлера, А. Урсула, Ф. Фукуямы, А. Чухно.

Проблемы исследования семиотической системы представлены в трудах научных деятелей разных предметно дисциплинарных направлений: философии, культурологии, антропологии, социологии, психологии и т.д. Проблеме символа и символического в своих научных исследованиях изучали Л. Витгенштейн, Ж. Делез, О. Лосев, М. Мамардашвили, С. Крымский, Ж. Лиотар, А. Пятигорский, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер, К. Юнг, Ч. Пирс, П. Рикер, В. Табачковский, В. Топоров, Р. Якобсон и др.

Исследование процессов институционализации общественной жизни обуславливает потребность изучения генезиса феномена символов, которые исполняют важную роль в процессе упорядочивания социальной реальности. Понятие «символ» происходит от греческого слова «symbolon», которое означает «знак», «примета», «признак», «пароль», «сигнал» и тому подобное. В пределах социально-философской мысли актуальными являются исследования О. Лосева, в которых символ рассматривается как онтологическая основа культуры, которая организует принципы человеческой жизни. Ученый замечает, что всякий символ является живым отображением действительности, которое поддается той или иной умственной обработке и становится орудием в преобразовании самой действительности [3, ст. 14]. Концепция символа Р. Барта отмечает то, что структура культуры определяется функцией символизации сознания, которая реализуется в языке и проявляется в семиотической деятельности [4]. Символы являются присущими каждому обществу в разные времена, касаясь эмоций и ощущений людей. Они обнаруживают подобие, но интерпретируются по-разному в зависимости от культуры общества, восприятия и переживаний индивидов.

Э. Кассирер, исследуя природу символа, определяет его как универсальное средство объяснения духовной реальности. Символы и знаки, которые являются устойчивой формой восприятия и осознания реальности, помогают индивидам познавать, интерпретировать, описывать реальность, формируя единство с другими носителями социального опыта. [5, 165]. Символическую основу универсума, в которой как физически, так и символично живет и осуществляет социальные практики человек, образуют символические формы в виде знаков, языка, мифа, религии, искусства и тому подобное. Символ является образом, который рассматривается в аспекте его знаковости и наделен определенными характеристиками: органичностью и неисчерпаемой многозначительностью.

Семиотика, как наука о знаковой системе, предусматривает «сочетание» символа со знаком. Ф. Шеллинг справедливо отмечает, что специфика символа относительно категории знака проявляется в том, что для каждой сугубо знаковой системы существование многозначительности является лишь препятствием на пути рационального функционирования знака и познания его смысла.

В противоположность знаку многозначительность символа определяет его содержание [6, 110–111]. Знаки функционируют на разных уровнях общества и могут выступать в качестве: партикулярных статусных знаков; знаков, которые преобразуются в институты; знаки общественных ценностей; неофициальных национальных символов; официальных символов и тому подобное [1]. Знаки образуют системы, например, системы жестовых знаков или материальных артефактов и так далее.

Язык, который можно определить как систему словесных знаков, являет собой одну из важнейших знаковых систем общества [7, с. 66]. Понимание языка является важным для понимания процессов институционализации общественной жизни, ведь именно он может выполнять важную функцию сохранения, накопления и передачи следующим поколением больших объемов значений, а также жизненного опыта.

Возникновение и развитие языка неразрывно связано с возникновением общества и процессами его функционирования. Развитие человека как социального существа можно связать со способностью к символической репрезентации, которая является общим источником мышления, языка и т.д. Именно в языке, как утверждает О. Гакман, достигается своего наивысшего выражения способность человека к символизации. Язык является определенной системой символов, которые обеспечивают социальное взаимодействие между членами общества, ведь является определенной моделью структуры общественных отношений, воспроизводя объекты и ситуации, создавая знаки и тому подобное [8]. Отмеченное выше, позволяет сделать вывод о том, что язык исполняет важную роль в создании институциональной действительности, способствует интерпретации и осуществлению социальных практик относительно норм, стандартов, обычаев определенного социального института.

Важное место в философском осмыслении институционализации общественной жизни, занимают исследования О. Кувшиновой и Е. Васильевой, которые предлагают использовать когнитивно-институциональный подход в исследованиях социальных институтов. Отмеченный подход предлагает рассматривать актора как участника социальных отношений, что определяют имеющиеся культурные сценарии, которых он должен придерживаться согласно определенных ценностей, ролей, норм, правил,

стандартов и тому подобное. Поведение индивида определяется присущими ему ценностно-коммуникативными структурами, а также развитием его когнитивных способностей. Подобное утверждение позволяет определить основополагающей способностью человека превращение информации в целеустремленно созданную вещь, что позволяет закрепить информационный ресурс не только в памяти, а еще и в вещественной форме. Таким образом, О. Кувшинова и Е. Васильева в своих исследованиях делают вывод о том, что когнитивные факторы оказывают влияние на процессы институционализации общественной жизни, а выбор тех или других социальных институтов, по мнению М. Ереско, является результатом об’ективации условий, которые сложились в сознании акторов, что способствует формированию и изменению социальной среды. Актуальной в данном случае является мысль Н. Флигстина о том, что формирование социальных институтов происходит под воздействием властных индивидов, которые пытаются создавать правила и нормы взаимодействия, направленные на стабилизацию своего статуса и состояния в обществе в условиях противостояния другим индивидам, которые наделены определенными властными полномочиями [9].

Подводя итоги выше сказанного, институционализацию можно определить как процесс создания социального института, замену спонтанного, экспериментального, непредвиденного поведения ожидаемым, которое формируется и регулируется благодаря определению и закреплению социальных норм, правил, обычаев, символов, статусов, ролей — составляющими системы, способной функционировать в направлении удовлетворения определенной общественной потребности.

Институционализация — это сложный, длительный и постепенный процесс, который представляет собой формирование разнообразных типов социальных практик в качестве социальных институтов. Все социальные институты стремятся к созданию, приобретению тех или иных символов, знаков, специфической системы терминов и т.д., которые в гранично концентрированной форме формируют представление об институте. Символы дают возможность интеракции между индивидами, а также способствуют достижению практических результатов в совместной деятельности в пределах того или иного социального института.

Литература:

5. Акмалова, А. А. Роль знаков и символов в обеспечении социального единства / А. А. Акмалова, В. М. Капицын // Социал. — гуманит. знания. — 2013. — № 3. — С.31–51. — Режим доступа: URL: http://istina.msu.ru/media/publications/articles/efb/f75/4453730/Akmalova_A.A._Kapitsyn_V.M._Rol_znakov_i_simvolov_v_obespechenii_sotsialnogo_edinstva.pdf
6. Исаев, И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние: Монография / И. А. Исаев. — М.: Проспект, 2013. — 176 с.
7. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — М.: Искусство, 1995. — 320 с. — 2-е изд., испр.
8. <http://www.dissercat.com/content/kontseptsii-simvola-v-filosofii-kultury-20-veka>

9. Философия символических форм: Введение и постановка проблемы. // Культурология. XX век / Москва: Юристь, 1995. — (Антология). — (Лики культуры). — с.163—213.
10. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства: [пер. с нем.] / Фридрих Вильгельм Шеллинг. — М.: Мысль, 1966. — 496с. — (Философское наследие).
11. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
12. Гакман, О. В. Становлення лінгвістики в руслі філософії та класичної науки про мову Мультиверсум. Філософський альманах. — К.: Центр духовної культури, — 2004. — № 44. — Режим доступа: URL: http://www.filosof.com.ua/Jornel/M_44/Hakman.htm
13. Когнитивно-институциональный подход к исследованию социального института. Кувшинова О. А., Васильева Е. Н. Социологические науки/ № 10 за 2013 год — с. 98—115. Режим доступа: URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10001678

Трансформация сознания индивида под влиянием массовой культуры

Пятаков Дмитрий Викторович, соискатель
Российский новый университет (г. Москва)

1. Введение

С точки зрения генезиса массовая культура является культурой для масс, причем не создается ими, но формируется для них на основе общей культурной коллективной стратегии. По мнению А. Грина, массовая культура возникает на основе пересечения большинства культурных параллелей. [1, с. 44] В такой позиции есть свой резон, поскольку те истины, которые преподносит массовая культура индивиду, постоянно присутствуют семантические дихотомии, основанные на вариациях культурных архетипов («добро — зло», «свой — чужой», «белое — черное», «Запад — Восток» и т. п.), которые проецируются на уровень индивидуального сознания при отсутствии или невозможности бинарного восприятия мира.

2. Анализ основных направлений воздействия массовой культуры на индивидуальное сознание

На наш взгляд, массовая культура, выполняя стабилизирующие функции по отношению к общественной системе, создает иллюзию отсутствия бинарных семантических единиц в реальной действительности, подменяя тем самым понятия дьявола, бога, войны или мира, дружбы или вражды. Вместо этих архетипов массовой культурой транслируются прагматичные и толерантные взаимоотношения, которые, при отсутствии всего бинарного, должны быть типичными для современного человека.

Именно такое отсутствие четких бинарных семантических единиц в культурном коде массового общества приводит к смысловому обесцениванию реальности, поскольку в такой действительности человек уже всего достиг, у него нет больше великих целей, больше нет антагониста, который мог бы стать причиной рефлексии

в сознании индивида. Антагонист представляет для массовой культуры огромную опасность, поскольку является, по сути, ту инаковость, под которую индивиду придется приспособливаться, которую придется понимать или пытаться понять. Наличие дихотомических систем в культурном коде неизбежно приводит к трансформации индивидуального сознания в сторону рефлексий, самоанализа и эволюции индивидуального «Я». Массовая культура, напротив, стремится предложить современному человеку такой уровень культурно-социального комфорта, при котором существующее индивидуальное «Я» умножается до бесконечности, вытесняя количеством собственных копий саму необходимость в наличии антагониста.

В принципе, одной из основных задач массовой культуры с психологической точки зрения является формирование своеобразного «культурного кокона» для индивидуального сознания, поскольку современный человек весь погружен в себя, нет необходимости предпринимать усилия для установления информационного контакта — нужно просто нажать определенную комбинацию клавиш коммуникационного устройства. Однако такой контакт по своей сути является лишь редуцированным квазиконтактом, что обусловлено именно в доступности и комфортности получения информации таким способом — эта информация поступает не от реального антагониста, который может иметь желание общаться, а может и не иметь такового, с которым необходимо вступать в дуальный контакт.

Такого рода информация поступает в рамках массовой культуры, в рамках массовой коммуникации, то есть лишь от искусственно созданной иллюзии антагониста, мнимого собеседника (например, от телеведущего или диктора радио). Разумеется, все такого рода собеседники являются реальными людьми, но именно в силу удаленности и неконкретности их образов, возникающих в со-

знании индивида, они превращаются в фантомов, с которыми нет необходимости спорить, протестовать или доказывать свое мнение — иными словами не нужно задумываться и менять собственное сознание в попытках понять антагониста. Такого рода удаленные собеседники никогда не требуют от индивида даже минимальной рефлексии, получаемая от них информация минимальна и редуцирована, причем все возможные реакции респондента на эту информацию уже предусмотрены, что позволяет всегда направлять эти реакции в требуемое русло. Таким образом, у современного человека под воздействием массовой культуры практически исчезает навык диалога, его замещает навык применения все более технически совершенных средств массовой коммуникации.

В такой информационной среде практически ничего невозможно узнать на уровне глубокого понимания и осмысления, поскольку отсутствует сравнение с антагонистом и нет рефлексии по поводу новых сведений. Информацию, транслируемую массовой культурой, можно просто принимать. В этом потребительском отношении к информации проявляется специфика массовой культуры и подверженного ее влиянию индивидуального сознания. В данном контексте представляется интересной точка зрения британских исследователей Б. Мура и Д. Хоскинса, которые предлагают в качестве объяснения воздействий массовой культуры на сознание индивида «теорию фантомов». [3] Согласно этой концепции, информационное общество становится для индивида информационной средой, основанной на фантомных диалогах, несущих в себе информацию, ставшую также фантомной.

При этом в такой среде неважны аспекты воздействия и переработки информации, наиболее значимыми становятся реакции и принятие получаемых информационных единиц. Информация, таким образом, становится лишь предметом, а не способом общения, индивидуальное «я» в результате утверждается в такой среде как фантом и посредством фантомов. Самым тревожным обстоятельством при этом, по мнению исследователей, является отсутствие потребности и мотивации к изменениям в индивидуальном сознании, что приводит к стагнации и деградации общественного сознания в целом. Полное доверие к той истине, которую на данный момент транслируют СМИ — истине, принятой между всеми, приводит к формированию интеллектуальной пассивности, управляемости и снижению способности реагировать на резкие изменения, противостоять кризисам объективной реальности. Причем транслируемые массовой культурой концепты являются идентичными для большинства общественных ячеек.

Другой британский исследователь, Р. Хэксфорд предлагает рассматривать воздействие массовой культуры на индивидуальное сознание опосредованно, через воздействие на культурные концепты и принципы каждой ячейки общества. [2, 68–69]

С такой позиции массовое общество становится такой же непостоянной субстанцией, как и массовое сознание,

приобретая определенные темпоральные характеристики: например, массовое общество возникает во время всеобщего голосования, а после электоральной кампании вновь распадается на отдельные общественные ячейки. Массовое общество, по мнению исследователя, возникает на базе общего информационного фантома и вновь образованных культурных концептов. Разумеется, даже теоретически с помощью манипуляций сознания невозможно добиться абсолютной общности культурно-поведенческих императивов, если индивиды руководствуются собственными индивидуально-личностными наборами национальных или типичных для конкретного времени концептов. Причем в эпоху постмодерна временные границы и культурные образцы смешаны и взаимопроницаемы, что позволяет формировать временные, но сильные по воздействию системы культурных поведенческих координат для индивидуального сознания.

Таким образом, в массовом обществе индивид фактически теряет свою свободу к рефлексии, стирается сама основа индивидуального «Я» как знание или незнание альтернативных культурных концептов. Данный аспект воздействия массовой культуры на индивидуальное сознание сопряжен с уже упомянутой нами функцией массовой культуры по стабилизации общественной системы: если допустить рефлексии каждого отдельного индивида, а также определенных социальных ячеек, то это может привести к дезорганизации общества, появятся интересы и ценности каждой отдельной группы, что неизбежно снизит возможность манипулирования.

Индивид фактически лишен возможности свободного мышления, поскольку для информационного общества характерны идентичные для всех концепты «вечных ценностей», транслируемых массовой культурой. В результате такого воздействия современный человек воспринимает существующую действительность не рефлексивно, а функционально, в итоге сам превращаясь в функцию. Некоторые авторы приходят к выводу, что в современной культуре человек не состоялся как актер, но стал постоянной функцией бытия. Средства массовой информации, по сути, не несут ничего нового, что могло бы привести к рефлексивному восприятию реальности, они фактически только обыгрывают уже существующие концепты, которые необходимы для мотивации индивида к потреблению массовой продукции, транслируя их как «вечные ценности». Именно в силу этого и исчезает определенная А. Грином бинарная система «истина — не истина». При этом культура формируется как набор знаков, позволяющих создавать любой необходимый для стабилизации общественной системы образ человека (патриота, толерантного человека, либерала, демократа и т.п.), уничтожая тем самым образ человека истинного и естественного.

В таких условиях индивид фактически превращается в субъективное фантомное сознание, а объективное «Я» исчезает и нивелируется. В итоге функциональное практически полностью уничтожает в человеке все личное,

подменяя действительные культурные коды «вечными ценностями» массовой культуры. Функциональный вариант существования индивидуального «я» является достаточным для восприятия кодов, транслируемых массовой культурой. Здесь заключается принципиальное отличие от элитарной культуры, в которой сознание индивида полностью открыто для восприятия нового, альтернативного, непохожего благодаря присутствию бинарной схемы восприятия. В массовой же культуре индивид вынужден воспринимать «добро и зло» как навсегда установленные понятия, которые при этом фактически лишаются смысла, становясь лишь знаками и ярлыками.

Если согласиться с постулатом И. Дацкевича о том, что воля есть познание, то в массовой культуре наличествуют механизмы, нивелирующие волю индивида, поскольку при раскрытии обмана или в поисках истины человек так или иначе проявляет волю. [4, с. 11–12]

По мнению исследователя, индивид, будучи человеком натуральным, представляет собой творение собственной воли к познанию окружающей действительности. Познание человека и его разум являются натуральными, естественными характеристиками, и поэтому они должны быть вовлечены в работу в каждый момент жизни индивида. Если же культурная среда не благоприятствует познанию, современный человек погружается в солипсизм или же становится на позиции утрированного материализма. Разумеется, ни одну из трактовок индивида нельзя считать единственно верной, однако, на наш взгляд, изложенная выше концепция наиболее полно отражает суть тех процессов, которые происходят с сознанием индивида под воздействием массовой культуры.

3. Заключение

Массовая культура легко усваивается индивидом именно в силу своей предсказуемости, поскольку все ответы на все вопросы известны, начиная от «правильного» политического строя до моды на определенные имиджи. Последние, кстати, имеют тенденцию к упрощению с течением времени, иначе массовая культура не сможет выполнять свою функцию по снижению социальных перегрузок индивидуального сознания. Именно в результате такого тренда в массовой культуре приоритет отдается наиболее примитивным паттернам, культурным кодам и архетипам сознания. При этом все более широко транслируются самые низменные коды в рамках либидозности. Нам все же ближе точка зрения Ж. Бон-

дияра, который в своей работе «Симулякры и симуляция» отстаивает идею иллюзорности массового общества и массовой культуры, которые заполняют жизнь индивида, делая ее такой же иллюзорной в плане насыщенности смыслами и действиями. Абсолютной реальности нет — она существует только в «здесь и сейчас», как объективная и независимая от познающего ее индивида данность. То есть осознание есть уход от реальности в субъективное «Я» с целью рефлексии. реальность есть здесь и сейчас. Нарушение естественного режима функционирования темпоральности — «послежитие», где темпоральность предстает в «отсроченном» варианте, или, напротив, сжатие времени, характерное для презентации событий реальности в формате средств массовой коммуникации — все это создает определенное качество реальности, как реальности симулятивной. Подобная парадоксальная темпоральность подчиняет себе подлинные трансисторические катастрофы и заменяет их ослабленно-симулятивными формами, где «симулякры берут верх над историей», «ликвидируют нас вместе с историей», заменяя подлинную историю «иллюзией конца».

Современная темпоральность, соответствующая третьему порядку симулякров, есть безразличная циркуляция симулятивных знаков, осуществляющих игру дискурсивных смыслов, «которая по сути ведется с одними лишь цифрами, знаками и словами», достигающими «определенной фазы отрыва» и перестающими быть средством коммуникации. На данной стадии осуществляется дублирование феноменов культуры — «клеток», что и позволяет говорить о переходе от определенной темпоральности к вне темпоральному опыту. Это понятие фрактальной, то есть, дробной, алеаторной, стадии ценности является обозначением процессов, сменивших природную, рыночную и структурную стадии ценности. Такое столкновение в современном мире двух реальностей — виртуальной и «реальности пребывания», а также двух типов времени — реального и времени online — содержит угрозу разрушения и деструкции. В итоге современный индивид подвергается воздействию массовой культуры по нескольким направлениям: разрушение бинарных культурных концептов и кодов; трансформация сознания от «я»-субъект до «я»-функция; стирание границ между реальностью и симулякром; массовая культура фактически уничтожает в человеке способность мыслить и рефлексировать, что ставит всю человеческую цивилизацию в прямую зависимость от масс-медиа, информационного пространства и виртуальной реальности.

Литература:

1. Green, A. Destruction and creation in mass culture of modern society. London, 2013. — 453 p.
2. Hacksword, R. Temporary measurement of the mass person. Sociological year-book Stratford University Press. 2013. — P.77–84.
3. Moore, B., Hoskins D. The new directions in understanding of mass society. Strategy of illusions. Boston, 2012. — 358 p.
4. Дацкевич, И. Феномен массовой культуры. М.: ИНИОН РАН, 2012. — с. 35.

Феномен лжи и обмана в рамках этико-религиозного подхода

Рябинская Татьяна Сергеевна, аспирант

Донской государственный технический университет, филиал в г. Шахты

В данной статье феномен лжи и обмана рассматривается с позиций мировых религий — буддизма, ислама, христианства; обозначены черты сходства и отличия разных религиозных подходов к вопросам наказуемости лжи и её дозволительности в жизни человека; представлены положения духовных доктрин, касающиеся уникальных моментов религиозного общения, представляющего собой многоплановую совокупность специфических коммуникативных актов.

Ключевые слова: религия, ложь, грех, буддизм, ислам, христианство, такийя, церковная икономия, добродетельный обман, наказание, карма.

Феномен лжи и обмана, сегодня изучаемый множеством исследователей под разными углами, очень интересен при его рассмотрении в рамках этико-религиозного подхода. Выступая с точки зрения социологии системами взглядов и поступков, вдохновлённых Высшим Разумом, посредством которых разрешаются основные вопросы человеческой жизни, религиозные учения задают устойчивые моральные ориентиры, руководствуясь которыми люди могут найти выход из серьёзных жизненных затруднений — в том числе совершить выбор между правдой и ложью.

Однако же традиционно выступающие копилками нравственности мировые религии обнаруживают различные этические преломления духовного подхода по отношению к данному вопросу, при этом единодушно признавая природу обмана греховной — таковой она считается с позиций как христианской, так и мусульманской, и буддистской морали.

С позиций классического буддизма, грех лжи — это «словесное действие, предпринятое обманщиком с целью сформировать у слушателя искаженное представление о чем-либо, хотя последний изначально имел об этом правдивую информацию». [1] Впрочем, это определение может считаться универсальным — данная сущностная трактовка не противоречит взглядам христианского или мусульманского религиозных учений.

Согласно буддийскому взгляду, ложь может сообщаться не только при помощи слов, но и при помощи жестов. Отдельным же видом лжи считается ложь-молчание: «например, если монах во время покаяния перед сангхой (религиозной общиной) умалчивает о своих прегрешениях, то он впадает в грех лжи». [1] Буддисты признают молчание особым — универсальным — знаком речевой коммуникации. Непременным условием для признания греховности лжи, клеветы или же «грубых речей» является их доступность для понимания того, кому они адресованы: «грехи лжи, клеветы, «грубой речи» не могут быть чреватые неблагим кармическим следствием, если, к примеру, ложь, клевета и оскорбления изрываются на санскрите в адрес глухонемого перса, никогда не обучавшегося этому языку». [1]

Примечательно, что и христианское учение упоминает о возможности невербальной передачи ложной инфор-

мации: «Человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами, мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими; коварство в сердце его: он умышляет зло во всякое время, сеет раздоры. Зато внезапно придет погибель его, вдруг будет разбит — без исцеления». [2, притчи 6:12–15] Данная библейская цитата поражает точностью описания мимических и пластических признаков обмана, наиболее подробно изученных в XX столетии американским психологом Полом Экманом. В одной из глав своей книги «Психология обмана» он подробно описывает мимику лжеца: «Лицо дает многочисленные признаки обмана, такие как микровыражения, смазанные выражения, верные признаки эмоций, моргание, расширение зрачков, слезы, румянец и бледность, асимметрия, излишняя длительность и несвоевременность, а также фальшивые улыбки». [3] Наряду с мимическими признаками обмана и неконтролируемыми проявлениями работы вегетативной нервной системы в числе факторов, способных дать утечку той информации, которую пытается контролировать обманщик, учёный называет пластику — движения рук, ног, произвольная перемена позы. Данный пример ещё раз показывает, что религиозные учения складывались на основе духовно осмысленного богатого практического и фактического опыта.

Что касается расплаты за обман, то в буддизме раздор, который сеет обманщик, осуждается наиболее строго — ложь с целью раскола буддийской общины считается наиболее тяжким из пяти смертных грехов. «Своей ложью раскольник пытается извратить религиозное сознание монахов, исказить своим сообщением их верное понимание Слова Будды. Учение создавалось усилиями всех Будд, и поэтому ложная его трактовка — это удар по «телу Дхармы». [1] За грех лжи буддист расплачивается наступлением дурной кармы — следующим своим рождением в аду, и в этом случае ничто не может ему помочь — ни покаяние, ни благодеяние, ни усердная религиозная практика.

Согласно христианскому взгляду, лжецы так же заслуживают сурового воздаяния: «Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь» [2, Псалтирь 5:7]; причём его наступление неотвратимо:

«Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется». [2, Притчи 19:5] Царство Божие для лжецов недоступно: «И не войдет в него [в Небесный Иерусалим] ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» [2, Откровение 21:27]; «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне — псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду». [2, Откровение 22:14–15]

Столь же жестокую кару обещает грешнику Коран: «Воистину, те, которые замалчивают истину из Писания, ниспосланную Аллахом, и получают от этого малую выгоду, наполняют свои утробы огнем. И не станет Аллах говорить с ними в Судный день, не очистит их [от грехов] — уготовано им мучительное наказание». [4, 1–174]

Однако же мусульманская духовная доктрина оставляет лжецу надежду на спасение и вход в Небесные врата, если ложь его невелика. Во всяком случае, аят о о больших и малых грехах может быть отнесён и к рассматриваемому вопросу: «Если вы будете избегать больших грехов, которые вам запрещены, то Мы простим ваши [мелкие] прегрешения и введем вас через врата благословенные». [4, 4–31]

Также весьма интересен следующий аят: «Аллах не наказывает вас за пустопорожние клятвы, но наказывает за то, что замыслили ваши сердца. Аллах — прощающий, снисходительный». [4, 2:225]

В Коране специально оговаривается, каким образом давший ложную клятву может заслужить прощение: «Аллах взыскивает с вас не за [нечаянное] нарушение клятвы, а за принесение клятвы [намеренно] двусмысленной. Искупление за принесение двусмысленной клятвы — накормить десятерых бедняков так, как вы обычно кормите свои семьи, или одеть их, или освободить раба. А если кто не в состоянии [выполнить одно из этих трех условий], то ему следует поститься три дня. Все это — искупление за ваше клятвopреступление. Соблюдайте же свои клятвы! Так Аллах разъясняет вам Свои знамения. Может быть, вы будете благодарны». [4, 5:89]

На примере исламского духовного учения наиболее полно раскрывается коммуникативная функция религии как таковой. Религиозное сознание традиционно предписывает два плана общения, актуальных для любой духовной практики: во-первых, верующих друг с другом; во-вторых, верующих с Богом (а также ангелами, душами, святыми) — в литургии, молитве, медитации и т.д. В исламе же, помимо названных, особое внимание уделяется третьему плану общения — верующего с неверными (кяфирами) или же мунафиками-лицемерами, которые внешне показывают себя набожными мусульманами, но на самом деле не являются верующими. Такого рода обман — обман в вере — считается в исламе наиболее порочным и непрощительным. Ему посвящён

целый ряд аятов первой суры Корана: «Среди людей есть такие, которые утверждают: «Мы уверовали в Аллаха и в Судный день». Но они — не верующие» [4, 1:8]; «Они тщатся обмануть Аллаха и уверовавших, но обманывают только самих себя, не ведая [этого]» [4, 1: 9]; «В их сердцах — порок. Да усугубит Аллах их порок! Им уготовано мучительное наказание за то, что они лгали» [4, 1: 10]; «Когда они встречают уверовавших, то говорят: «Мы уверовали». Когда же остаются наедине со своими шайтанами, они говорят: «Воистину, мы — с вами, и, воистину, мы только смеемся [над верующими]» [4, 1: 14]; «Аллах сам насмеется над ними и приумножит их самонадеянность, в которой они бредут вслепую». [4, 1: 15]

Примечательно, что в отношении мунафиков даже сам Аллах не гнушается обманом, о чём свидетельствует аят третьей суры: «Воистину, мунафики пытаются обмануть Аллаха, а между тем это Аллах обманывает их. Когда они совершают салат, то делают это с неохотой, только напоказ людям и вспоминают Аллаха лишь временами». [4, 3:142] Если учесть, что само слово «религия» в переводе с латинского означает «восстановление лиги, связи», и под связью традиционно понимается духовный контакт с Богом, то всякую духовную практику можно рассматривать как коммуникативный акт, передачу сокровенных знаний. Согласно же приведённому аяту, ложность этого знания может быть обусловлена не только человеческим несовершенством, но и божественным умыслом.

Мусульманская духовная практика позволяет правоверным мусульманам в окружении враждебно настроенных к ним неверных во имя сохранения жизни или из опасения за собственную безопасность на словах отречься от Аллаха — но сохраняя верность ему в своём сердце. Эта ложь во имя ислама называется такийя и в Коране оговаривается в следующих аятах: «Верующие да не будут дружить с неверующими, пренебрегая [дружбой] с верующими. А если кто дружит с неверующими, то он не заслужит никакого вознаграждения от Аллаха, за исключением тех случаев, когда вам грозит опасность с их стороны. Аллах предостерегает вас от самого Себя, и к Аллаху вы будете возвращены» [4, 3:28]; «Гнев Аллаха падет на тех, кто отрекся от Аллаха, а раньше верил в Него, если только он не был принужден к отречению, но [сам сохранял] в сердце приверженность к вере. [Но гнев падет на того], кто раскрыл неверию сердце. Таким и уготовано великое наказание» [4, 16:173]; «Воистину, [Аллах] запретил Вам [есть] мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, что заколото без произнесения имени Аллаха. Если же кто-либо вынужден съесть это по необходимости, не будучи нечестивцем и преступающим свой долг, то нет на нем греха. Воистину, Аллах — прощающий, милосердный». [4, 3:29]

Примечательно, что в христианстве грешнику, который «божился ложно» доступ к общению с Господом закрыт: «Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны

и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно, — тот получит благословение от Господа и милость от Бога, Спасителя своего». [2, Псалтирь 23:3–5]

В соответствии же с хадисом, в исламе ложь прямо допускается в трёх случаях: Ибн Шихаб сказал: «И я не слышал, чтобы людям разрешалось лгать, если не считать трёх [случаев]: [когда дело касается] войны, [попыток] примирения людей между собой, а также того, что муж говорит своей жене и что жена говорит своему мужу». [5, 49:1831]

Очевидно, ислам мягче и снисходительней смотрит на человеческую слабость, проявляющуюся в лживых словах — и находит возможным позволять её в определённых случаях, обнаруживая наибольшую идейную близость к современным философским воззрениям. Например, Д. И. Дубровский в своей стройной теории добродетельному обману уделяет особое внимание, описывая его следующим образом: «Субъект искусно лжет, сообщает неточную или неверную информацию, скрывает известные ему факты, говорит полуправду, умалчивая о главном, но при этом руководствуется добрым намерением. Он искренне убежден, что только таким путем способен принести в данной ситуации пользу обществу, группе или отдельному человеку, что в противном случае он нанесет им ущерб». [6] В своих рассуждениях учёный приходит к выводу, что добродетельный обман, обусловленный альтруистическими мотивами, не должен считаться аморальным; «он составляет неотъемлемое свойство нашей культуры и трудно представить такое будущее нашей цивилизации, которое смогло бы совершенно обойтись без него. Он служит одной из форм поддержания качества отдельности, уникальности общественного индивида, сохранения социальной целостности, образуемой множеством противоречивых индивидуальных отношений». [6]

Что касается христианской духовной доктрины, то, признавая несовершенство человеческой добродетели,

(«Всяк человек есть ложь» [2, Псалтирь, 115:2], то есть повинен в грехе лжи), она, тем не менее, ко всякому обману относится бескомпромиссно: «всякая ложь противна Богу и нравственному евангельскому закону, ложь происходит от диавола, всякая ложь есть грех, который христианам необходимо избегать». [7]

Однако же православные учёные-богословы в своих трудах всё же уделяют внимание так называемой вынужденной лжи, используемой для церковной пользы — например, для спасения чьей-либо жизни. Но практика икономии (допустимости уступок ради церковной пользы) в данном случае рассматривается не как основание для признания лжи безгреховной, но как порой неизбежный повод для последующего глубочайшего раскаяния. Инок Всеволод в своей работе приводит слова преподобного аввы Дорофея: “... когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться безпечальным, а (должен) каяться и плакать перед Богом, и считать такой случай временем искушения. И на такое уклонение решаться не часто, а разве однажды из многих случаев”. [7]

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что суть обмана признаётся греховной с точки зрения каждой из мировых религий. И буддистское, и мусульманское, и христианское учения обещают лжецам жестокую кару — негативные кармические последствия или же пребывание в аду в Загробной жизни. Наиболее сурово осуждается религиозная ложь — искажения учения Будды в буддизме, показная набожность, прикрывающая неверие в исламе, ложные клятвы в христианстве. Буддистское и христианское учение обнаруживают ко лжи бескомпромиссное отношение, в то время как ислам допускает таковую и несколько житейских случаев, в которых ложь считается дозволительной. Однако же и в христианстве принцип церковной икономии предполагает возможность вынужденной лжи, в которой, тем не менее, верующему человеку следует неустанно каяться.

Литература:

1. Ермакова, Т. В., Е. П. Островская Классический буддизм [Электронный ресурс] URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Fflukashevichus.info%2Fknigi%2Fermakova_ostrovskaya_kassichesk_buddizm.pdf&lang=ru&c=5589890603a8&page=1 (дата обращения 19.06.2015)
2. Библия. Синодальный перевод [Электронный ресурс] URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/index.html> (дата обращения 20.06.2015)
3. Экман, П. Психология обмана [Электронный ресурс] URL: http://www.pseudology.org/chtivo/EkmanPol_PsihologiyaLzhi.pdf (дата обращения 22.06.2015)
4. Коран. Перевод смыслов Магомед-Нури Османова [Электронный ресурс] URL: http://islam-today.ru/files/koran/koran_osmanova.pdf (дата обращения 21.06.2015)
5. Хадисы Сахих Муслима. Книга 52 [Электронный ресурс] URL: <http://crimean.org/islam/hadisi/sahih-muslim/52/49#1831> (дата обращения 20.06.2015)
6. Дубровский, Д. И. Обман. [Электронный ресурс] URL: http://www.globalistika.ru/dubrovsky/nauchnye_texty/obman2.htm#O_2_2 (дата обращения 20.06.2015)
7. Инок Всеволод. Истина и ложь в свете христианской нравственности [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/dictionary/11/Istina_i_lozh_v_svete_hristianskoj_nravstvennosti.shtml (дата обращения 20.06.2015)

Информационная деятельность как приоритет общественного развития в XXI веке

Ягодзинский Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент
Национальный авиационный университет (Украина, г. Киев)

Исследуется сущность информационной деятельности в сетевом обществе начала XXI века. Обосновывается мысль о важности политического администрирования реализации социокультурного потенциала глобальных информационных сетей.

Информационно-технологическая революция, будучи логическим следствием и продолжателем предыдущих этапов научно-технического прогресса определяет общий контекст современности. Основное её отличие от предыдущих эпох кроется не столько в обновлении способов производства, сколько в сужении горизонтов социокультурного развития. Поясним более подробно нашу позицию. В специальной литературе, посвященной научному, научно-техническому, технологическому развитию человечества каждое открытие, которое в дальнейшем повлияло на его темп и сущность, идентифицируют как безусловный прорыв. При этом любые предостережения относительно будущего воспринимаются как важные, но такие, которые не способны остановить трансформацию общества под влиянием инноваций.

Характерным в этом ракурсе считаем призыв Ж.—Ж. Руссо не отрывать прирост научных и технических достижений человечества с его социально-культурной, социально-политической и морально-эстетической эволюцией. Для выражения своей идеи он применил аллегорию, отметив: «Если бы житель каких-нибудь отдаленных стран попытался создать себе представление о европейских нравах, исходя из состояния наук в наших странах, из совершенства наших искусств... то у этого чужеземца сложилось бы о наших нравах представление как раз обратное тому, что они собой представляют в действительности» [6, с. 14]. Сказанное почти три века назад сохраняет свою актуальность и в эпоху глобальных информационных сетей. Окружив себя современной техникой, овладев необходимыми секретами природы, покорив все стихии, человечество оставляет без должного внимания развитие духовных и социальных сторон своей сущности.

Мы намеренно обходим сотни фамилий философов, историков, социологов, политологов, культурологов, а также тысячи томов научных трудов, в которых подробно описан цивилизационный прогресс человечества от его зарождения и до конца XX века. Предмет нашего научного интереса — начало новой эры, которая в полной мере развернула себя в начале XX века завершением компьютеризации и информатизации всех сфер жизнедеятельности. Общество, в котором названные процессы определяют метрику социального пространства и времени, традиционно называют информационным. Как ни странно, в современных философских энциклопедиях и словарях не приведено более-менее устоявшегося определения информации. Так, в переиздании «Новой фило-

софской энциклопедии» (2010) статья «Информация» отсылает к статье «Теория информации». И хотя ее автор указывает важность концепции информационного взаимодействия для понимания развития природных и социальных процессов [5, с. 142], всё же он обходит категориальное выражение сущности информации. Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова (2001) содержит отдельную статью, посвященную информации, но так же не дает исчерпывающего понимания ее философского содержания. Освещая различные аспекты информации, составители словаря считают, что информационное общество — это всего лишь «идеал, который должен реализоваться в ходе социального развития» [7, с. 217]. Не раскрывают специфики философского подхода к толкованию информации и более современные словари. С середины XX в. — это общенаучное понятие, включающее в себя обмен данными между людьми, человеком и машиной, машиной и машиной. То есть под информацией понимают любое активное действие, которое может иметь как материальное, так и нематериальное выражение.

Понятие информации в контексте данного исследования применяется для обоснования тезиса об атрибутивном характере информационной деятельности в общественном развитии человечества. Прежде всего мы должны ответить на вопрос: какая информация представляет общественную стоимость, и по каким критериям следует определять её цену? Для решения этой проблемы разделим информацию на «положительную» (способствует эволюционному темпу развития) и «негативную» (приводит к деградации общества, содержит аморальный, подрывной контекст). На наш взгляд, именно «положительная информация» наполняет информационные потоки, которые являются объектами информационной деятельности. Общественный прогресс возможен лишь там, где на входе и выходе общественных информационных взаимодействий находится информация, идентифицирована нами как положительная. Поскольку она является отражением социальных отношений, то её структурированность связана с доминирующей системой социальных сетей. Только такая информация может быть объектом правового регулирования, основой экономических отношений, двигателем общественных изменений.

Правомерно возникает вопрос о том, может ли информационное пространство быть контролируемым? Кто и при каких условиях способен определять его пра-

вила, нормы и приоритеты? Некоторые исследователи убеждены, что с такой задачей предстоит справиться государству, поскольку именно оно есть гарантом правопорядка, основная функция которого — защита всех типов отношений, возникающих в обществе. Неудивительно, что в начале XXI века в эпоху технологий, призванных обеспечить реализацию всех форм индивидуализации «во всем мире ныне растет привлекательность ценностей «социальной солидарности», взаимопомощи, обеспечения индивидуальной безопасности не силами разрозненных индивидов... а усилиями государств, местных communities, союзов государств и т.п. В таких условиях естественно повышается роль таких «глобальных», именно общецивилизационных ценностей, как международное сотрудничество, единство и сплоченность человечества» [4, с. 296]. Несмотря на такую попытку возвращения в социально-философский дискурс нарратива государства, открытым остается вопрос о том, как государство с ограниченной территорией может охватить те отношения, которые не имеют границ, а именно — информационные отношения?

Глобальное информационное пространство лишено искусственных границ, которыми являются государства. Изучая языки и приобщаясь к информационным сетям, человек все меньше зависит от властных и гражданских структур. Такие рассуждения привели исследователей общества к выводу об исчезновении государства уже в ближайшем будущем. Впрочем, прогнозы не оправдались. Как пишут С. Нора и А. Минк, кооперируясь в экономической и социально-политической сфере, принимая международные акты, государства обеспечивают себе исключительный доступ ко всему комплексу социально важной информации [2]. На наш взгляд, этот процесс является обратной стороной глобализации. Открывая рынки, приближая культуры, уплотняя социальное пространство, глобализационные процессы, тем не менее, опираются на стабильные социальные образования, которые олицетворяют собой государства, транснациональные корпорации, экономические консорциумы, органы так называемого мирового правительства. Указанные социально-правовые и морально-ценностные индивидуализированные интересы неизбежно порождают конфликт в понимании информационной деятельности, её защищенности, автономности, открытости, самоорганизованности различными социальными агентами. За эти принципы открыто выступают представители технической элиты, которые демонстрируют негативное отношение к административно-правовому контролю. Подчиненные им информационные ресурсы в автоматизированном режиме регулируют право на защиту персональных данных, право на мнение, право на неприкосновенность личной жизни и т.д. Нередко не завершались успехом обращения официальных властей к владельцам социальных сетей с просьбой предоставить данные о том или ином лице, раскрыть его статус, персональную информацию или иные сведения.

Общественные организации также пристально следят за открытостью информационного пространства и всеми

средствами борются против чрезмерной нормативности, формализации и регламентации информационной деятельности. В 1996 году на мировом форуме в Давосе Дж. Барлоу была представлена «Декларация независимости киберпространства» [1]. Целью декларации было провозглашение нового мира, в котором нет привилегий и предубеждений, социальной дискриминации и административного ресурса. Это реальность, в которой не действуют старые индустриальные методы порабощения человека, отсутствуют границы и социальная несправедливость. Странники такой позиции считали, что сеть должна оставаться «чистой» от законодательного нормирования, быть зоной свободного вещания информации, идей, мыслей. Ведь, войдя в сеть, субъект социальных отношений тем самым соглашается с «коллективным» использованием его информации, в результате чего она становится общим ресурсом.

Впрочем, такую позицию мы вынуждены признать утопической. Этому есть несколько причин. Прежде всего, отметим, что декларирование владельцами транснациональных корпораций информационной свободы, равенства доступа к социально важным данным умело конвертируется ими в значительные доходы и сетевое порабощение населения отдельных стран. Мы убеждены в невозможности создания и реализации такой модели информационного взаимодействия, которая исключала бы действия, направленные на разрушение, дестабилизацию социальной системы. Ведь принудительно, административно, политически, экономически, военным можно вмешаться в работу любой информационной сети и навязать подключенным к ней социальным агентам заранее определенные правила игры. Второй аспект, ограничивающий полноценную реализацию социокультурного потенциала информационных сетей, кроется в искажении представления об информационных отношениях, информационных ресурсах и информационной деятельности. Примечательно в данном контексте исследование В.А. Емелина и А.Ш. Тхостова, которые сравнили Интернет с Вавилонской башней, вполне правомерно ставя вопрос о том, насколько информационное пространство реально. При ответе на этот вопрос следует учесть проблемы связанные с распознаванием и различением информации, которая размещается в безграничном пространстве глобальных сетей несметным количеством пользователей [3, с. 76]. В результате, количество информации абсолютно разрывает связь с ее качеством, а практика самотиражирования информационных сообщений превращает восторг от скорости доступа к информационным ресурсам в сомнение в ее точности и достоверности.

Учитывая сказанное, укажем на важную институциональную роль государства в организации информационной деятельности. Наши аргументы по этому поводу сводятся к следующим соображениям. Прежде всего, государство и его представительские органы значительно ближе к гражданам, нежели наднациональные корпо-

рации и их руководители. Психокультура, характеризующая население отдельных стран, позволяет довольно точно предсказать мотивы и поступки властей. Во-вторых, в начале XXI в. степень интеграции общества и информационных сетей в глобальном масштабе нельзя считать удовлетворительной. По различным социологическим оценкам, даже в развитых странах мира от 15 до 30% населения не являются активными пользователями виртуальных социальных сетей, а информационные технологии используют только как инструмент упрощения повседневных дел (оплата счетов, переписка, просмотр новостей). В развивающихся странах и странах третьего мира ситуация значительно хуже. Именно это заставляет нас признать за государством важную функцию адаптации её граждан к активному привлечению к информационной деятельности, как на уровне быта, так и при ведении бизнеса, реализации собственной гражданской активности и тому подобное.

Без воли государств процесс окончательной глобализации информационных сетей невозможен. Ведь сетевое пространство, хотя и нефизическое, все же является виртуальным относительно к его носителям — серверам, коммуникативным сетям, протоколам, администраторам, спутникам, провайдерам. Третьим аргументом в пользу государственного регулирования информационной деятельности является введение, поддержка и разработка стандартов. Последние обеспечивают стабильность и надежность системы, а также доверие к ней как к носителю социальной справедливости. И хотя корпорации масштаба Apple, Google, Facebook, Samsung и другие пытаются внедрить собственные стандарты безопасности, отчетности, аутентификации и даже денежные единицы, государство без особых потерь способно отмежеваться от этих систем.

Несмотря на то, что каждый из нас испытывает дискомфорт без доступа к Интернету, сотовой связи и системам спутниковой навигации, в мире существует незначительное количество глобальных информационных сетей, отсутствие которых могло бы ощутимо негативно повлиять на жизнедеятельность и благосостояние со-

циума. Если проанализировать средства, которые используют мировые лидеры в случае наложения санкций на то или иное государство, то, прежде всего, ограничения касаются торгово-финансового оборота, добычи полезных ископаемых и сотрудничества в военной сфере. Свертывание других программ, в том числе цифровых сетевых сервисов, виртуальных социальных сетей, не привлекается. Напротив, применяются все возможные средства для недопущения свертывания указанных систем на территории отдельного государства. Ведь потенциал глобальных информационных сетей оказывается достаточно точным для поддержания открытым канала, через который будет происходить или нивелирование конфликта, или десантирования необходимых идей.

Мы пришли к выводу, что на данном этапе цивилизационного развития государство, как основной политический игрок, имеет основания вмешиваться в информационные отношения и информационные процессы, происходящие на его территории. Этот вывод коррелирует со становлением мировых правовых систем, в котором четко определены виды информационных отношений, которые нуждаются в социокультурной оценке и правовой защите. Во-первых, это отношения, связанные с функционированием Интернета и доступа к нему. Во-вторых, отношения в сфере электронной коммерции, которые становятся доминирующими в социальном пространстве, поскольку полезны как потребителю, так и производителю. В-третьих, отношения по защите авторских и других исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, которые размещены в информационном пространстве. В-четвертых, отношения, возникающие по защите конфиденциальности информации, предотвращения распространения информации частного или стратегического содержания. Приведенный перечень отношений, которые возникают в информационном пространстве и становятся объектами информационной деятельности, свидетельствует о том, что они являются неоднородными по своей социокультурной природе и требуют дополнительного социально-философского и политико-экономического обоснования.

Литература:

1. Barlow, J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>
2. Nora, S., Minc A. The Computerization of Society. A report to the President of France. — Cambridge, 1980. — 180 p.
3. Емелин, В. А., Тхостов А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. — 2013. — № 1. — с. 74–84.
4. Мотрошилова, Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов; Изд. 2-е. — М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.
5. Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ. — науч. фонд; Научно-ред. совет: председ. В. С. Степин. — М.: Мысль, 2010. — Т. II. — 636 с.
6. Руссо, Ж. — Ж. Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? / Трактаты / Отв. ред. А. З. Манфред. — М.: Наука, 1969. — с. 9–30.
7. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — М.: Республика, 2001. — 719 с.

ПРОЧЕЕ

Методика аудита информационной безопасности информационной системы персональных данных средней общеобразовательной школы

Александрова Валентина Ивановна, бакалавр

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

Обстановка в сфере информационных технологий постоянно меняется, появляются новые угрозы конфиденциальности информации, а также и новые технические и программные средства, необходим постоянный контроль надежности системы защиты. Именно эту функцию и выполняет аудит информационной безопасности (далее — аудит ИБ).

Аудит ИБ — это систематическая, независимая и документированная проверка (оценка) выполнения в организации обязательных требований и норм, установленных в нормативных правовых актах и стандартах Российской Федерации, а также в организационно-распорядительных документах (локальных актах) организации в области ИБ и выработки рекомендаций по устранению выявленных нарушений [1].

Аудит предназначен для проверки обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами и организационно-распорядительными документами (локальными актами, которые издаются юридическим лицом самостоятельно).

Анализ нормативно-правовой базы в области защиты информационной системы персональных данных (далее — ИСПДн) показал, что в Российском Законодательстве нет документов, описывающих методику проведения аудита ИБ ИСПДн. Более того отсутствуют документы, регламентирующие процесс проведения аудита ИСПДн в самих образовательных учреждениях.

В этой связи разработка методики аудита ИБ ИСПДн средней общеобразовательной школы (далее — СОШ) представляется одним из важнейших вопросов в сфере защиты конфиденциальности информации с ограниченным доступом.

Общие сведения

Методика аудита ИБ ИСПДн СОШ (далее — Методика) разрабатывается в соответствии с требованиями, указанными в документах:

– Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152–ФЗ «О персональных данных».

– Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

– Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 г. № 21 «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

– Методический документ. Меры защиты информации в государственных информационных системах, утвержденный ФСТЭК России 11.02.2014 г.

Целью аудита по данной Методике является получение достоверных данных о ИСПДн СОШ, подтвержденных фактами и документами, которые позволили бы максимально объективно оценить степень соответствия ИСПДн СОШ требованиям по обеспечению безопасности ПДн.

Обработка ПДн в СОШ осуществляется с соблюдением принципов и правил, предусмотренных Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Персональные данные работника — это информация, необходимая работодателю в связи с установлением трудовых отношений и касающаяся конкретного работника.

К предоставляемым ПДн работника относится информация, содержащаяся в трудовой книжке, в страховом свидетельстве государственного пенсионного страхования, информация об образовании и квалификации, информация медицинского характера, информация в документах воинского учета и в других документах, которые содержат данные, необходимые работодателю в связи с установлением трудовых отношений.

Анализ ПДн, обрабатываемых в ИСПДн образовательных структур, позволил выделить особую категорию ПДн — ПДн несовершеннолетних.

ПДн несовершеннолетних можно охарактеризовать как особый вид информации с ограниченным доступом, затрагивающий интересы лиц в возрасте до 18 лет, ко-

торый отличается более узким кругом относимых к ней сведений, участием в защите ее конфиденциальности родителей или законных представителей, широким кругом полномочий в процессе обработки ПДн государственных органов в сфере образования, социальной защиты, здравоохранения и профилактики правонарушений [2].

К ПДн обучающегося относятся сведения, содержащиеся в свидетельстве о рождении, паспорте или ином документе, удостоверяющем личность; информация, содержащаяся в личном деле обучающегося; сведения, содержащиеся в документах воинского учета (при их наличии); информация об успеваемости и о состоянии здоровья, документ о месте проживания и иные сведения, необходимые для определения отношений обучения и воспитания.

Методика аудита информационной безопасности информационной системы персональных данных средней общеобразовательной школы

Вне зависимости от вида и объекта исследования аудит ИБ ИСПДн проводится в три этапа (рис.1). На предварительном этапе образовательным учреждением предоставляются все организационно-распорядительные

документы по ИСПДн, разработанные в СОШ. Этап непосредственного проведения аудита проводится в соответствии с программой (планом) проведения аудита, разработанной и согласованной с руководством СОШ. На заключительном этапе подготавливается отчет в соответствии с программой (планом), содержащий выявленные недостатки ИСПДн СОШ и рекомендации по их устранению.

Предварительный этап включает в себя проведение организационных мероприятий с учетом требований заказчика. Определяются цели, задачи, границы проведения аудита ИБ ИСПДн СОШ. Составляется и заключается договор на проведение аудита ИБ ИСПДн между заказчиком и аудитором, в котором определены и документально закреплены в должностных инструкциях аудитора права и обязанности. Определяется состав аудиторской группы и назначается ее руководитель. Готовится программа (план) аудита ИБ ИС руководителем аудиторской группы и согласовывается с руководством СОШ [3].

Этап непосредственного проведения аудита включает проверку и оценку полноты и качества имеющихся в организации локальных актов (организационно-распорядительных), документов (документарный аудит), эффективности технических мер по защите информации и действий

Рис. 1. Этапы проведения аудита информационной безопасности

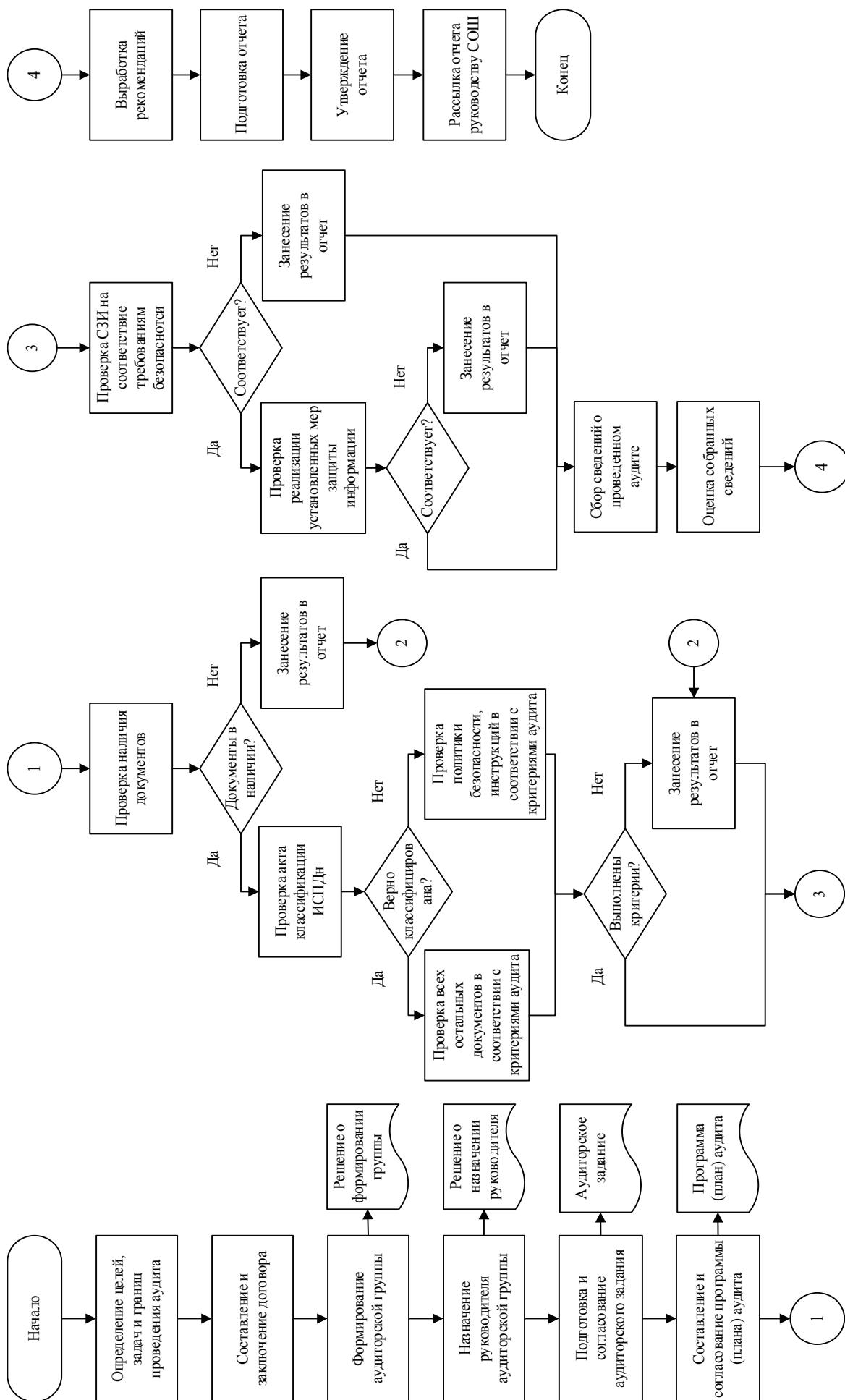

Рис. 2. Методика аудита информационной системы персональных данных средней общеобразовательной школы

персонала (руководящего и обеспечивающего) для достижения целей и решения задач ИБ в организации.

Документальный аудит включает проверку и оценку наличия, полноты и качества имеющихся в СОШ локальных актов (организационно-распорядительных) для определения соответствия положений, отраженных в них, критериям безопасности ПДн:

- 1) достаточности представленных документов и соответствия их содержания требованиям РД;
- 2) правильности классификации ИСПДн;
- 3) выполнения требований РД по обеспечению безопасности ПДн [3].

Проверка и анализ документов могут проводиться на всех этапах аудиторской проверки. Данные с проверки документации позволяют получить свидетельства аудита ИБ.

Технический аудит ИСПДн проводится для проверки реализации требований. При проведении технического аудита могут использоваться экспертный, экспертно-документальный и инструментальный методы. Экспертный метод направлен на формальную проверку реализации выполнения требований, предъявляемых к ИСПДн. Экспертно-документальный метод направлен на проверку не только реализации выполнения требований, предъявляемых к ИСПДн, а также на работоспособность, достаточность эксплуатационной документации для установки и работы с ними. Инструментальный метод включает в себя проведение проверок с использованием дополнительных программных и технических средств, таких как:

- средства контроля защищенности от НСД;
- сетевые сканеры безопасности;
- программы поиска и гарантированного уничтожения информации на дисках;
- средства фиксации и контроля исходного состояния программного комплекса.

Вначале необходимо проверить СЗИ на соответствие требованиям безопасности, приведенным в руководящих

документах о защите от несанкционированного доступа к информации. Если СЗИ соответствуют выдвинутым требованиям, то проверяется реализация мер ЗИ, установленных в Приказе ФСТЭК России от 18.02.2013 г. № 21 [4]. Иначе результаты о несоответствии СЗИ требованиям безопасности заносятся в отчет.

По завершении проверки аудиторская группа должна предоставить установленным получателям отчет по результатам проведения аудита ИБ. После завершения всех этапов аудита и подготовки отчета аудитор не должен удалять или выбрасывать документацию до окончания установленного периода хранения. В соответствии со стандартами срок хранения рабочих документов составляет не менее пяти лет с даты аудиторского отчета.

Вышеизложенный алгоритм аудита ИБ ИСПДн СОШ приведен на рисунке 2.

Заключение

Указанный контроль проводится не реже одного раза в три года, если это внешний аудит, либо раз в год, если это внутренний аудит.

В основе внешнего аудита ИБ лежит стремление руководства школы с помощью проведения независимой и компетентной оценки определить истинный уровень организации работ по защите ПДн, степень соответствия ИСПДн выдвинутым критериям аудита и принять эффективные меры по устранению недостатков.

Поэтому изучение данного вопроса помогает в решении конкретных практиче

ских задач по аудиту информационной безопасности, предназначенному для получения достоверных данных о ИСПДн СОШ, подкрепленных фактами и документами, которые позволили максимально объективно оценить степень соответствия ИСПДн СОШ требованиям по обеспечению безопасности ПДн.

Использование данной методики позволяет снизить риск административной, уголовной, гражданско-правовой, дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. Новиков, В. К. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: в 2-х ч.: Учеб. пособие. Ч. 2: Организационное обеспечение информационной безопасности; Министерство образования и науки РФ, Национальный исследовательский университет «МИЭТ». — М.: МИЭТ, 2013. — 172 с.
2. Покаместова, Е. Ю. Правовая защита конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних. — [Электронный ресурс]. — Воронеж, 2010 — Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1291833>.
3. Милославская, Н. Г., Сенаторов М. Ю., Толстой А. И. Проверка и оценка деятельности по управлению информационной безопасностью. Серия «Вопросы управление информационной безопасностью». Выпуск 5. — М.: Горячая линия — Телеком, 2012. — 166 с.
4. Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 г. № 21 «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» — М.: Изд-во стандартов, 2013. — 20 с.

Проблемы добычи нефти и газа в условиях Крайнего Севера

Картамышева Нина Сергеевна, студент;
Вахрушин Игорь Александрович, студент;
Перевала Марина Николаевна, студент;
Трескова Юлия Владимировна, студент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Статья посвящена анализу проблем добычи нефти и газа в условиях Крайнего Севера. На основе анализа фактической ситуации по добыче энергоносителей на арктическом шельфе сделаны выводы относительно дальнейшего развития ситуации. Авторами сделан вывод, что климатические особенности региона, транспортные проблемы, финансовые и технологические санкции Запада, низкая цена на нефть, неравномерность залегания нефтегазовых пластов, а также недостаточная изученность Крайнего Севера затрудняют добычу нефти и газа в условиях этого региона.

Авторы считают, что на данном этапе необходимо продолжать проводить научные исследования, направленные на создание оборудования и технологий поисков, разведки и разработки месторождений нефти и газа на шельфах арктических морей, в зонах круглогодичных льдов и т.д.

Ни одна из сырьевых отраслей не вызывает столько волнений и не приносит столько прибыли, как нефть и газ, которые являются главными энергоносителями. Умение использовать эти ключевые продукты и их запасы, держать в руках ниточки бизнеса в этих направлениях, определяет путь к экономическому процветанию и выбора политической и экономической стратегии государства.

Крайний Север — это территория, которая превышает несколько европейских государств. Ему характерны экстремальные климатические условия, четверть всех валютных поступлений в государственный бюджет России исходит из этого региона. Здесь ежегодно добывается 20% мирового и 90% — российского газа и нефти. Более того, Крайний Север — это не только мощная сырьевая база страны сегодня, это и своего рода гарант энергетической безопасности государства на многие годы вперед: здесь сосредоточена четверть всех разведанных мировых запасов природного газа и нефти.

Исследование проблем добычи нефти и газа в условиях Крайнего Севера и выявление тенденций инновационных подходов в освоении и промышленной эксплуатации углеводородных и иных месторождений полезных ископаемых является актуальным для современного процесса освоения Крайнего Севера.

В настоящее время вопросам освоения газовых и нефтяных ресурсов Крайнего Севера посвящено значительное количество работ, авторами которых являются А. Э. Конторович [5; 6], Л. Ф. Дементьев, Н. П. Лаверов, А. Н. Дмитриевский [7] и др. В работах данных авторов обоснованы основные принципы проектирования крупных газовых нефтяных месторождений в условиях Крайнего Севера.

Значительный опыт исследования фундаментальных специфических северных проблем и выявление перспектив социально-экономического развития Севера и Арктики имеется в ФГБУН Институте экономических

проблем им. Г. П. Лузина Кольского НЦ РАН (ИЭП КНЦ РАН) [9].

Цель исследования заключается в том, чтобы, опираясь на научные достижения отечественных и зарубежных исследователей, раскрыть основные проблемы и перспективы добычи нефти и газа в условиях Крайнего Севера.

Сегодня рост мирового спроса на нефть преимущественным образом удовлетворяется за счёт разработки тяжелой нефти, залежи которой сосредоточены на морских шельфах. По оценкам группы «Geostategy», отсутствие новых крупных залежей нефти и газа в традиционных регионах добычи энергоносителей будет заставлять нефтяные и газовые компании переходить к:

- а) разработке глубоководных залежей энергоносителей;
- б) разработке залежей энергоносителей в регионах с суровыми климатическими условиями, в том числе в Арктике;
- в) добыче тяжелой нефти (крупнейшими залежами тяжелой и битуминозной нефти обладает Канада — провинции Альберта, Атабаска и Вабаска, а также Венесуэла — битуминозный пояс Ориноко; значительные залежи этой нефти также сосредоточены в России, Китае и Кувейте).

Крайний Север может внести немалую лепту в решение энергетических проблем человечества, что и формирует беспрецедентный интерес мирового сообщества к полярному региону. Ситуация осложняется тем, что значительная часть арктических запасов трудно извлекаема и требует совокупных международных усилий и активного инвестирования в энергетический сектор. Кроме того, в условиях несовершенства арктического законодательства ряд территорий шельфовой зоны Северного Ледовитого океана является объектом спора между приарктическими государствами, каждое из которых стремится реализовать собственные интересы, по возможности под-

тверждая свои права путём использования материалов геологических и геофизических исследований.

Проведённый анализ позиций заинтересованных сторон даёт представление об основных направлениях внешней политики зарубежных стран в Арктике, демонстрирует их намерения и позволяет раскрыть инструменты обеспечения национальных интересов в данном регионе. Применение этих инструментов будет тесно связано с вопросами правового механизма регулирования отношений на противоречивых территориях арктического пространства.

На сегодня не существует единого чёткого принципа распределения территорий Арктики и это составляет потенциальную угрозу миру в регионе. Неустанно растёт интерес к природным богатствам и конкуренция за транспортные пути. На сегодняшний день уже неизбежно усложнение процесса геополитической конкуренции между ведущими странами мира в Арктике, поэтому опасность столкновения интересов арктических государств в данном регионе становится реальностью.

Для мирного решения данных вопросов мировые лидеры должны договориться о том, как предотвратить новые конфликты в Арктике и решить ряд правовых аспектов по распределению арктического пространства с внедрением стратегии взаимовыгодного сотрудничества.

Существуют общие оценки объёмов природного газа и нефти. Согласно статистическим данным, приведенным в докладе Геологической службы США, в недрах Антарктики может быть сосредоточено около 90 млрд. баррелей нефти и 47 трлн. кубических метров газа. На дне Северного Ледовитого океана находится почти 20 процентов общемировых запасов нефти и 30 процентов запасов газа [2].

Объявленные цифры равны:

- трёхкратному ежегодному объёму добычи всей нефти в мире;
- на сегодня возможные объёмы газа в Антарктике равны всем разведанным в России газовым месторождениям.

Такие цифры значительно обостряют борьбу России, Соединённых Штатов Америки, Канады, Дании и Норвегии за доступы к этим залежам.

Согласно обнародованным в разные периоды данным, в российской части Арктического моря могут находиться нефти около 700 000 000 тонн, природного газа — около 50 млрд. кубических метров.

Около 80% российского газа и 70% российской нефти находятся в регионе Северного Ледовитого океана, остальные — в пределах континентального шельфа. Согласно подсчётам экспертов компании Роснефть, для разработки этих залежей в течение следующих 40 лет российской стороне необходимо привлечь около 2 трлн. долл. США иностранных инвестиций.

В докладе Геологической службы США отмечается, что большая часть залежей природного газа в Антарктике находится на потенциальной российской территории,

а именно в южном районе Карского и Баренцева морей, которые являются продолжением сухопутной территории России (предел территорий остаётся непризнанной международным сообществом). В докладе также указывается на то, что большая часть залежей нефти относится к территории Аляски.

На сегодня безусловным энергетическим приоритетом для правительства России является развитие Штокманского месторождения, которое расположено на расстоянии около 600 километров к северу от Кольского полуострова.

Норвежская «Statoil» и французская «Total» владеют соответственно 24% и 25% акций Штокманского месторождения. Залежи Штокманского месторождения оцениваются в 3,8 триллиона куб. метров газа и 37 млн. тонна газового конденсата. Ежегодные объёмы добычи природного газа с Штокманского месторождения оцениваются в около 90 млрд. куб. метров газа.

Почти 20% от общей площади РФ занимает Арктика, это «основной резерв горнодобывающей и нефтегазовой промышленности», говорится в материалах Минприроды РФ [10].

По добыче газа главной газовой базой страны останется Ямало-Ненецкий автономный округ. В ЯНАО добыча газа будет смещаться на п-в Ямал (Бованенковское, в перспективе — Харасовейское, группа Тамбейских и др. месторождения). В Надым-Пурском регионе ЯНАО будет расти добыча жирного газа [5, с. 7].

Все указанные территории находятся в малообжитых районах Крайнего Севера, по своим природно-климатическим условиям и сочетанию экстремальных факторов внешней среды не имеющих аналогов в мире.

Итак, работу нефтяных компаний на Арктическом шельфе сейчас затрудняют сразу несколько факторов: финансовые и технологические санкции Запада, низкая цена на нефть, климатические условия, а также малоизученность арктических территорий.

Ещё одна проблема связана с завозом на объекты материально-технического оснащения. Это можно делать только в зимнее время по льду. Для отправки оборудования морем требуется особая упаковка, которая бы защитила аппаратуру от разъедающей металл соленой воды.

С тех пор, как в конце 2012 года буровая установка Kulluk, принадлежащая компании «Shell», села на мель у острова Кадьяк, штат Аляска, была создана американская комиссия для изучения процедур техники безопасности арктических программ этой компании. Критики говорят, что этот несчастный случай доказал, что арктическая буровая деятельность слишком рискованна. Существует широко распространённое мнение среди экспертов, что буровые или транспортировочные аварии в Арктике будет очень трудно уладить. Последствия для окружающей среды могут быть катастрофическими.

В 2012 году был приостановлен один такой важный энергетический проект в российской Арктике. Штокмановское газовое месторождение в Баренцевом море яв-

ляется одним из крупнейших в мире. В 2012 году проект бурения был прекращён, однако в июне 2015 года стало известно, что компания «Shell» уже получила разрешение на добычу нефти и газа.

ОАО «НК «Роснефть», в свою очередь, в начале 2015 года завершила научно-исследовательскую экспедицию вместе с «Арктическим научно-проектным центром» и специалистами ФГБУ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт».

Результаты экспедиции «Кара-зима-2015» и предыдущих ледоисследовательских экспедиций позволила компании «Роснефть» определить безопасные точки для проведения геологоразведочных работ, спроектировать буровые платформы и другие сооружения, необходимые для нефтедобычи, выбрать маршруты транспортировки углеводородов и возможные трассы подводных трубопроводов [4].

Сейчас стало известно, что «Роснефть» может отложить бурение второй разведочной скважины в Карском море до 2018 года, поскольку привлечению партнёров мешают санкции.

Страны Запада в числе других антироссийских санкций запретили поставки оборудования и услуг для глубоководной разведки и добычи нефти в Арктике, ограничили возможности участия иностранных компаний в проектах по освоению российского арктического шельфа.

Кроме того, низкие цены на нефть далеко не способствуют развитию арктических проектов, а также беспре-

цедентный льготный налоговый режим для таких проектов не обеспечивает их коммерческой эффективности при такой конъюнктуре цен.

Энергетические аспекты развития арктического региона неразрывно связаны с проблемами изменения климата. Высокие широты серьёзно влияют на циклоническую активность в Северном полушарии, оказывают воздействие на функционирование Гольфстрима и Северо-Атлантического течения [3, с. 4].

Нефть и газ есть на протяжении всей северной границы России, но климатические особенности региона, транспортные проблемы, финансовые и технологические санкции Запада, низкая цена на нефть, неравномерность залегания нефтегазовых пластов, а также недостаточная изученность этого региона затрудняют добычу нефти и газа в условиях Крайнего Севера.

На данном этапе, как утверждает министр энергетики РФ Александр Новак, необходимо сосредоточить усилия на геологоразведку [8]. Основная задача для ведомств и компаний, осуществляющих проекты в Арктике, разработка и использование российских технологий работ по бурению, а также привлечение иностранных компаний из стран, которые не поддержали санкции.

Итак, необходимо продолжать проводить научные исследования, направленные на создание оборудования и технологий поисков, разведки и разработки месторождений нефти и газа на шельфах арктических морей, в зонах круглогодичных льдов и т.д.

Литература:

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом РФ Д. Медведевым // Совет Безопасности Российской Федерации: офиц. интернет-сайт. 2008. 18 сентября. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html> (дата обращения: 23.05.2015).
2. Arctic petroleum geology. Edited by A. M. Spencer, A. F. Embry, D. L. Gautier, A. V. Stoupakova, K. Sorensen / Geological Society Memoir — N. 35. 2015. Published by the Geological Society. London. 818 pp.
3. Арена мирной консолидации. // Евгений Хейсканен, Алпо Юнтунен. // Зависимая газета — № 124 (6455), 2015. — с. 4.
4. «Кара-зима-2015» стала самой масштабной арктической экспедицией в мире за последние 20 лет. — 16.06.2015. — Официальный сайт компании «Роснефть». — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosneft.ru/news/news_in_press/16062015.html
5. Конторович, А. Э., Эпов М. И., Бурштейн Л. М. и др. Геология, ресурсы углеводородов шельфов арктических морей России и перспективы их освоения // Геология и геофизика. 2010. Т. 51, № 1. с. 7–17.
6. Конторович, А. Э. Нефть и газ российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XXI век // Наука из первых рук. № 1 (61). — 2015.
7. Лаверов, Н. П., Дмитриевский А. Н., Богоявленский В. И. Фундаментальные аспекты освоения нефтегазовых ресурсов Арктического шельфа России // Арктика: экология и экономика. 2011. № 1. с. 26–37.
8. Новак: Арктика — это стратегический проект в развитии энергетики. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://so-1.ru/news/show/novak_arktika_eto_strategicheskiy_pr
9. Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы. — Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, Апатиты, 6–8 ноября 2013 г. — Апатиты, 2013. — 304 с.
10. Министерство природы Российской Федерации. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/news/>

Разработка перечня сведений, составляющих коммерческую тайну

Липский Максим Юрьевич, студент

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

Введение

В различных организациях в процессе производства и продвижения на рынке товаров и услуг постепенно собирается и накапливается коммерчески ценная информация. С помощью наличия такой информации предприятие может работать гораздо успешнее и противостоять своим конкурентам. Для грамотного развития бизнеса такую информацию необходимо скрывать от конкурентов, и делать это законно.

Коммерческая тайна — режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [1].

Информация, составляющая коммерческую тайну — сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [1].

Из определения информации, составляющей коммерческую тайну, следует, что информация признается коммерческой тайной только в том случае, если владелец предпринял для ее защиты меры, предусмотренные законом, т.е. ввел режим коммерческой тайны. Только в таком случае при утечке секретных сведений можно рассчитывать на судебную защиту. Для того чтобы установить режим коммерческой тайны, необходимо принять соответствующие меры, указанные в статье 10 ФЗ «О коммерческой тайне». Организация и поддержка этого режима возлагается на обладателя секретной информации.

Первым мероприятием по внедрению режима коммерческой тайны является определение перечня информации, составляющей коммерческую тайну [1].

Единой методики разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, в нормативных правовых актах не существует. Поэтому разработка общего порядка составления такого перечня является важным вопросом в сфере организационной защиты информации.

Задачи разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну

Разрабатываемый перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, решает целый ряд задач.

Во-первых, он служит для выделения информации, которую необходимо защищать, из всей совокупности документов организации или предприятия. Тем самым происходит закрепления факта отнесения выделенной информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну предприятия.

Во-вторых, в разработанном перечне могут быть установлены различные грифы конфиденциальности сведений, что позволит осуществлять доступ к определенной информации только определенным лицам, которые имеют соответствующее право доступа и которым это необходимо по работе.

В-третьих, перечень позволяет устанавливать конкретный срок действия конфиденциальности информации для каждого отдельного защищаемого документа.

В-четвертых, такой перечень предназначен для определения состава служащих предприятия, которые получили доступ к работе с определенными защищаемыми сведениями и их носителями, а также регулирования правил их работы.

И, наконец, в-пятых, перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, может использоваться в качестве доказательства при судебных разбирательствах, посвященных рассмотрению дел о разглашении коммерческой тайны [2].

После определения основных задач разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, необходимо выяснить, какие сведения нельзя отнести к коммерческой тайне, а какие — можно.

Сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну

Если бы не существовало никаких ограничений на то, какую информацию можно отнести к коммерческой тайне, то организации и предприятия в перечень таких сведений включали информацию, способствующую уклонению от уплаты налогов, сокрытию фактов нанесения ущерба здоровью людей, а также сокрытию других противозаконных действий.

Можно выделить несколько групп ограничений на отнесение информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну. Во-первых, информация, составляющая государственную тайну, не может быть отнесена к ком-

мерческой тайне. Об этом говорится в части 3 статьи 1 ФЗ № 98: «Положения настоящего Федерального закона не распространяются на сведения, отнесенные в установленном порядке к государственной тайне, в отношении которой применяются положения законодательства Российской Федерации о государственной тайне» [1].

Во-вторых, сведениями, составляющими коммерческую тайну, не могут являться общедоступные сведения, предназначенные для предотвращения нанесения ущерба законным интересам государства, физических или юридических лиц, а также для предупреждения сокрытия правонарушений.

В-третьих, не имеет смысла относить к коммерческой тайне сведения, затраты на защиту которых превышают возможные потери в случае разглашения этой информации. Это ограничение не закреплено законодательством и носит лишь рекомендательный характер [3].

Перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, содержится в статье 5 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [1].

Сведения, которые могут составлять коммерческую тайну

Сведения, которые могут составлять коммерческую тайну, должны являться либо собственностью предприятия, либо совместной, оформленной соответствующими договорами собственностью с другими организациями или лицами. Только в таком случае эти сведения имеют коммерческую ценность и могут продаваться.

В различной литературе существует множество различных вариантов перечней сведений, составляющих коммерческую тайну. Однако в таких перечнях не учитывается область деятельности предприятия, особенности его работы. Такие перечни можно использовать лишь в ознакомительных целях, но не для применения на практике, т.к. информации, относимая к коммерческой тайне, определяется исходя из множества факторов. К таким факторам можно отнести тип организации, сферу его деятельности, используемые в производстве технологии, объем продукции, особенности поставщиков, интересы конкурентов и другие.

Таким образом, перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, должен устанавливаться и изменяться индивидуально на уровне их обладателя [3].

Формирование рабочей группы для разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну

Согласно статье 4 ФЗ № 98, право на отнесение информации к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации принадлежит обладателю такой информации с учетом положений настоящего Федерального закона [1].

В действительности над разработкой перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, работают сотрудники юридического отдела, отдела кадров или службы безопасности организации. Наилучшим решением является их совместное участие в разработке перечня. Для этого издается приказ руководителя организации о создании комиссии из 4–5 специалистов основных подразделений и представителей службы безопасности.

В такую рабочую группу могут входить сотрудники, которые могут быть ознакомлены как с деятельностью всей организации, так и с работой ее отдельных подразделений. В комиссию желательно включить специалистов, обладающих следующими навыками:

- сотрудника, обладающего информацией о конкурирующих организациях, свободно владеющего финансовыми вопросами и знающего особенности рынка;
- сотрудника, полностью знающего систему организации работы предприятия и ее особенности;
- специалиста по вопросам заключения договоров и контрактов, а также по связям с другими организациями;
- сотрудника, владеющего полной информацией о выпускаемой продукции, особенностях ее технологического цикла проектирования и производства продукции, а также о прохождении всех видов информации.

В комиссии должны быть руководящие специалисты, которые владеют всей информацией, которая может быть отнесена к коммерческой тайне. Достаточно, чтобы хотя бы один из сотрудников обладал подробными знаниями по определенному рассматриваемому вопросу, а другие члены рабочей группы представляли себе только его общий характер. Это делает работу комиссии более эффективной и исключит риски распространения коммерческой тайны [4].

Порядок разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну

Проанализировав источники информации, можно выделить следующие основные этапы разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну [2].

1. Издание приказа по организации работы по разработке перечня. Назначается ответственный исполнитель, который будет отвечать за организацию и методическое обеспечение работ. Ответственным должен являться специалист, имеющий профессиональное образование или опыт работы в области защиты информации или информационной безопасности. В случае отсутствия такого сотрудника в штате организации необходимо заключить договор со сторонней организацией.

2. Формирование и утверждение состава рабочей группы. Задачей ее представителей является разработка предложений по отнесению сведений к составляющим коммерческую тайну в проект перечня.

3. Формирование и утверждение состава экспертной комиссии. Задачей ее представителей является проанализировать предварительный перечень и на его основе

сформировать окончательный. Также экспертная комиссия будет ответственна за периодическое обновление перечня и проверку открытых документов на предмет наличия в них сведений, составляющих коммерческую тайну.

4. Разработка положения о порядке разработки перечня. Этот документ будет являться методическим руководством для членов рабочей группы и экспертной комиссии. Его целью служит обеспечение единого методического подхода при разработке перечня сведений, составляющих коммерческую тайну.

5. Распространение положения о порядке разработки перечня среди руководителей структурных подразделений и членов экспертной комиссии для ознакомления и подготовки замечаний и предложений.

6. Согласование и утверждение положения о порядке разработки перечня.

7. Распространение положения о порядке разработки перечня среди исполнителей и проведение инструктажа членов рабочей группы и экспертной комиссии согласно этому положению.

8. Подготовка рабочей группой предложений в предварительный перечень сведений, составляющих коммерческую тайну. Как правило, предложения о включении сведений в разряд коммерческой тайны вносятся в виде докладных, служебных записок и тому подобных документов.

9. Разработка предварительного перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, ответственным исполнителем по предложениям членов рабочей группы.

10. Анализ экспертной комиссией предварительного перечня в соответствии с положением о порядке разра-

ботки перечня и разработка проекта окончательного варианта перечня.

11. Согласование перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, с руководителями структурных подразделений и утверждение перечня руководителем предприятия.

12. Издание приказа о введении перечня в действие и доведение его до сотрудников под роспись.

Заключение

В статье были определены основные моменты разработки перечня сведений, составляющих коммерческую тайну. Установлено, какую информацию можно относить к коммерческой тайне, кто это должен делать на предприятии и каков при этом основной порядок действий.

Разработка перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, не является обязательным для предприятия, однако необходима для успешного и удобного ведения дела, а также для защиты от утечки таких сведений в суде.

В большинстве случаев, для принятия решения о включении сведений в перечень следует учитывать такие факторы, как величина ущерба от разглашения информации, преимущества открытого использования информации, величину затрат на защиту информации и другие.

Перечень сведений, которые составляют коммерческую тайну, должен периодически корректироваться. Сведения, которые потеряли свое значение, должны исключаться, а заноситься те, которые требуют защиты.

Литература:

1. Федеральный закон от 29 июля 2004 года N 98-ФЗ «О коммерческой тайне».
2. Фадеев, Ю.И. Формирование перечня сведений, составляющих коммерческую тайну предприятия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vestnik.udsu.ru/2006/2006-06/vuu_06_06_08.pdf.
3. Определение состава конфиденциальных документов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docrev.ru/opredelenie-sostava-konfidencialnykh-dokumentov/>.
4. Порядок отнесения сведений к коммерческой тайне предприятия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.seur.ru/category/articles/poryadok_otneseniya_svedenii_k_kommercheskoi_taine_predpriyatiya.html#top.

Системы коллективной поддержки принятия решений: определение, виды, направления развития

Лобастов Станислав Юрьевич, специалист коммерции, частный инвестор

Под Системой Поддержки Принятия Решений (СППР) здесь будем понимать компьютерную автоматизированную систему, целью которой является помощь лицам, принимающим решение (ЛПР) в сложных условиях, для полного и объективного анализа предметной деятельности. В данной работе рассматривается такая разновидность СППР, в которой поддержка принятия решения осуществляется на основе коллективного мнения. Суть концепции такой СППР заключается в том, что подготовка решения осуществляется

путем обобщения опыта, знаний, интуиции группы или коллектива людей. Назовем такие системы системами коллективной поддержки принятия решения и обозначим как СКППР.

В статье показано, что есть целый ряд объективных обстоятельств, которые обуславливают потребность развития теоретической концепции коллективного принятия решения и создания СКППР.

Автором осуществлена классификация СКППР на виды по различным существенным характеристикам их функционирования. Выделены такие виды как: экспертные и массовые; с подготовкой вариантов решения для ЛПР и синтезом решения для исполнительного органа; социально-территориальные и корпоративные; omnibusные панельные и "рынки решений".

Предложено, для решения сложных задач, создание СКППР в которых совместно, параллельно и одновременно, будут использоваться возможности и экспертной и массовой поддержки принятия решения. Предполагается, что в случае реализации предлагаемой схемы, повысится качество решений, так как мы получим некоторый метод контроля валидности решений, за счет сопоставления суждений экспертов — профессионального, специализированного сознания и сознания массового.

Введение

Под Системой Поддержки Принятия Решений (СППР) здесь будем понимать компьютерную автоматизированную систему, целью которой является помощь лицам, принимающим решение (ЛПР) в сложных условиях, для полного и объективного анализа предметной деятельности. В данной работе рассматривается такая разновидность СППР, в которой поддержка принятия решения осуществляется на основе коллективного мнения. Суть концепции такой СППР заключается в том, что подготовка решения осуществляется путем обобщения опыта, знаний, интуиции группы или коллектива людей. Назовем такие системы — системами коллективной поддержки принятия решения и обозначим как СКППР.

Рассмотрим различные аспекты процесса принятия решения и возникающие при этом обстоятельства, которые обуславливают необходимость развития теоретической концепции коллективного принятия решения и создания СКППР:

1. Социальный аспект. Необходимость получения согласованных решений. Так в некоторых случаях при принятии решения необходимо участие всех членов общества, которых касаются результаты этого решения. Например, в государствах с демократическим устройством, варианты основных политических решений определяются не предпочтениями отдельного индивида, а результатами всеобщих выборов, а также голосований в представительных органах. Голосование представляет собой процедуру принятия коллективного решения. В результате голосований выбирается вариант, который в наибольшей степени приемлем для всех. [3]

2. Информационный аспект. Отдельная личность не может быть информирована лучше, чем коллектив людей. Лицо, принимающее решение (ЛПР), невозможно обеспечить полной, релевантной, своевременной, достоверной информацией по всему спектру возникающих проблем. Особенность группы (коллектива) людей состоит в том, что если каждый из членов группы владеет только фрагментом от всей информации относительно некото-

рого события, то при правильном обобщении сведений, от всех членов группы, можно получить полную картину события.

Автор [7] считает, что прогресс в информационной сфере "значительно улучшил нашу способность узнать то, что сказали другие". Проблему он видит в том, что это не повысило наши способности узнать то, что действительно другие люди знают. Он делает вывод, что "мы имеем много бит, но мало информации". Хансон [7] предлагает альтернативу традиционному подходу путем создания "рынков решений", основанных на коллективных мнениях.

3. Методический аспект. В существующих СППР одним из инструментов принятия решения являются различного рода формализованные модели объекта управления. Так, в [2] выделяются такие виды СППР как имитационного и бизнес-моделирования. Предполагалось, что посредством формализованных моделей будут решаться большинство задач управления. Однако, как справедливо указывается в [1], "всякая формализация представляет собой как бы "втискивание" задачи в априорную формальную схему, которую выбирает человек решающий задачу. Если задача полностью формализована, она уже что-то потеряла по сравнению со своим первоначальным вариантом". Там же отмечается, что "способность человека формально ставить задачи отстает от его способности решать их на неформальном уровне". "Характерной чертой решения задачи человеком является изменчивость критериев, изменчивость точки зрения при переходе в новые диапазоны условий. Эта изменчивость человеческого разума особенно важна в задачах по выбору решения; она теряется при формализации этих задач. Только ум человека обладает качествами, необходимыми для принятия решения". [1]

Таким образом, круг задач, для СППР, построенных на основе формализованных моделей, ограничен возможностями формализации. В то же время, для СКППР, которая основывается на возможностях человеческого разума, формализация приемлема в той степени, в которой она не ограничивает эти возможности. Область допустимых задач, при этом, в принципе не ограничена.

4. Психофизиологический аспект. Для мозга отдельного индивида определен ряд параметров, которые показывают, что есть психофизиологические ограничения его способности принимать решения. Можно указать на следующие [5], [9]:

- по размеру мозга и памяти,
- по быстродействию,
- по пропускной способности восприятия и обработки информации.

То есть интеллект одного человека ограничен и существуют задачи, которые в силу объема информации и их структурной сложности, не могут быть им решены. В то время как указывает автор [6] “коллективный разум может быть применен для решения огромного количества задач, и их сложность не будет препятствием”. При этом Шуровьевски [6] доказывает, что “чем многочисленнее толпа, тем она мудрее”.

Очевидно, что общий интеллект коллектива не является простой суммой интеллектов составляющих его людей, но можно полагать некоторую возрастающую зависимость “коллективного интеллекта” от числа людей в коллективе.

Кроме вышеуказанных “барьеров возможности” мозга, психологами выявлены некоторые особенности умственной деятельности человека, которые приводят к появлению систематических, однотипных ошибок при принятии решения. Так в [4], [10] выявлены следующие эффекты, являющихся результатом “ошибок мозга”: “эвристика доступности”, “ожидание положительного исхода”, “отвращением к потере”, “ментальная бухгалтерия”, “эффект якоря”, “предвзятости подтверждения”, “склонности к уверенности”. Предотвращение таких мыслительных ошибок также возможно посредством применения коллективных оценок.

Виды СКППР

1. Экспертные и массовые.

По методам отбора и составу участников можно разделить СКППР на такие виды как экспертные — на основе группы экспертов (СКППРЭ, и массовые (СКППРМ) — коллектив обыкновенных людей.

Эксперт — это специалист в конкретной предметной области или в области управления. Как правило, количеством участников в группе экспертов, привлекаемых для поддержки решения, составляет 10–15 человек, и при отборе к экспертам предъявляются достаточно жесткие требования к их профессиональным и исследовательским качествам.

При формировании коллектива для массовых СКППР жесткие требования к составу участников отсутствуют, и, как уже отмечалось выше, некоторые авторы считают, что чем выше численность коллектива, тем выше качество решений.

Вышеуказанные различия СКППРЭ и СКППРМ предопределяют различия в качестве результирующей информации на их выходе:

– эксперт как бы всегда находится в позиции наблюдателя и на основе своих профессиональных знаний, опыта и интуиции делает рациональное, научное умозаключение о сути происходящих, оцениваемых событий. В решении эксперта присутствует в большей степени аналитическая составляющая.

– для члена коллектива СКППРМ важно то, что он является (являлся) участником некоторых событий, относительно которых принимается решение, и он выносит свое, чаще всего, эмоциональное суждение о том, каким он представляет правильный (или справедливый) с его позиции исход таких событий. Здесь в решении основной составляющей являются субъективные мотивы, переживания, ситуативный опыт человека, его отношение к событиям. [3]

В доступной научной литературе [3] указываются приоритетные области применения экспертных и массовых СКППР, однако не отмечается, что существуют явно выраженные ограничения сфер их применения. То есть области применения их полностью пересекаются. Поэтому, как указывается в работах по социологии и маркетингу (например [3]), один из методов, например, экспертный может быть использован в случае необходимости, для проверки результатов полученных посредством другого метода. Можно говорить о взаимодополняемости СКППРЭ и СКППРМ.

Мы предлагаем, для решения сложных задач, применять СКППР, в которой поддержка принятия решения осуществлялась бы совместно, параллельно и одновременно, как посредством группы экспертов, так и на основе мнения многочисленного коллектива не экспертов. Можно сказать, что в этом случае мы будем иметь один экспертный вариант решения построенный на научной, формально — логической основе, и другой — эмпирический, практично-прагматичный вариант. Если, при всех указанных различиях, мнения экспертов и коллектива не экспертов совпадут при решении некоторой задачи, то, по всей видимости, можно говорить о высокой степени правильности и надежности такого решения. То есть, в случае реализации предлагаемой схемы, мы имеем некоторый метод контроля валидности, надежности решения, который осуществляется путем сопоставления суждений профессионального сознания и сознания массового.

Структура такой СКППР, в обобщенном виде, представлена на рис.1.

2. С исполнительным органом или ЛПР.

В варианте СКППР, изображенной на рис.1, на основе агрегированных мнений коллективов людей окончательное решение принимает ЛПР. Такая схема принятия решения характерна для корпоративных СКППР, при управлении некоторым экономическим объектом.

На практике существует большое количество СКППР результатом функционирования которых является окончательное решение, принимаемое безоговорочно к действию, определенным для этого, исполнительным органом. В акционерных обществах неукоснительным для

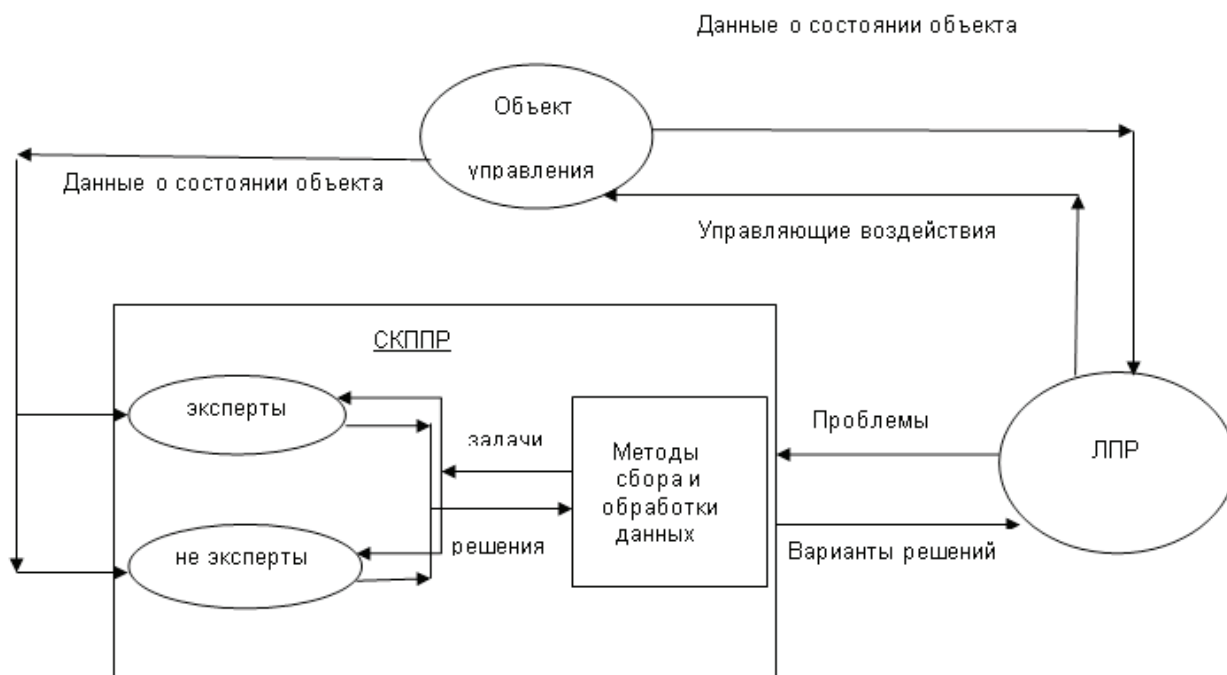

Рис.1. Структурная схема СКПП с двумя параллельными путями поддержки принятия решения

исполнения Советом директоров является решение, полученное в результате голосования на общем собрании акционеров. В этих СКПП прежде всего должна существовать четкая, правовая регламентация функциони-

рования СКПП и исполнения его решения. На рис.2 представлена структурная схема функционирования СКПП, решение которой реализовываются исполнительным органом.

Рис. 2. Структурная схема функционирования СКПП, решения которой реализовываются исполнительным органом

3. Онлайн-панели: рынки решений и массовые опросы.

Представляется, что наиболее удобной формой организации СКПП, является онлайн панель. Онлайн панель, в данном случае, представляет собой сообщество людей, давших согласие на регулярное участие в работе

панели. Каждый участник сознательно регистрируется на сайте в панели, предоставляя о себе различные социально-демографические данные и другие требуемые характеристики. Информация, которую респондент добровольно сообщает о себе, сохраняется в тайне и может быть использована только для решения задач СКПП, а не в ка-

ких-то других целях. Онлайн панель осуществляет непрерывный процесс формирования базы потенциальных участников, что дает возможность привлекать к её работе все новых и новых пользователей интернета.

На текущий момент можно указать два вида СКППР в форме онлайн панели:

- omnibusные онлайн-панели — посредством этих панелей осуществляют массовые опросы, по результатам которых принимаются решения. Для таких панелей характерно то, что решаемые задачи меняются, и участникам панели задают вопросы на разные темы,

- “рынки прогнозов” [8] и “рынки решений” [7] — на таких рынках расторгиваются ценные бумаги на события в будущем или варианты решения. Информация, которая содержится в рыночной стоимости, используется для того чтобы сделать предсказания о конкретном событии в будущем или выбрать вариант решения.

4. Корпоративные и социально-территориальные.

По мнению авторов [6], [7], [8] системы коллективной поддержки решений в ближайшем будущем найдут самое широкое распространение. При этом, по области применения и кругу решаемых задач, можно указать на наличие потребности в двух видах СКППР:

- социально-территориальные — местного, регионального, государственного, межгосударственного уровня. Для решения территориальных проблем с помощью населения территории,

- корпоративные — для предприятий (фирм, корпораций), осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Литература:

1. Дружинин, Г. В. Человек в моделях технологий: Учебное пособие в 3 частях. Часть 1. Свойства человека в технологических системах. — М. МИИТ. 1996 г. — 124 с.
2. Ершов, Д. М., Качалов Р. М. Системы поддержки принятия решений в процедурах формирования комплексной стратегии предприятия / Препринт # WP/2013/299. — М.: ЦЭМИ РАН, 2013. — 60 с. (Рус.)
3. Кравченко, А. И. “Методология и методы социологических исследований” М.: Издательство Юрайт. 2014. — 828 с.
4. Лерер Дж. Как мы принимаем решения. М. Астрель: Cognus, 2011.
5. Хокинс, Д., Блейкли С. Об интеллекте Издательство: «И. Д. Вильямс», Москва, 2007
6. Шуровьески, Джеймс. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство: Пер. с англ. — М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007. — 304 с.
7. Hanson RD. Decision markets. IEEE Intelligent Systems, May/June 16–19, 1999.
8. Joyce, E. Berg, Thomas A. Rietz. Prediction Markets as Decision Support Systems. Information Systems Frontiers 5:1, 79–93, 2003
9. Miller, George. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information. Psychological Review 63 (1956):81–87.
10. Tversky and D. Kahneman, “Judgement Under Uncertainty: Heuristics and Biases,” Science, 1974, 185, 1124–1131.

Выводы и заключение

В введении показано, что есть целый ряд объективных обстоятельств, которые обуславливают потребность развития теоретической концепции коллективного принятия решения.

В статье осуществлена классификация СКППР на виды по различным существенным характеристикам их функционирования. Выделены такие виды как:

- экспертные и массовые;
- с подготовкой вариантов решения для ЛПР и синтезом решения для исполнительного органа;
- социально-территориальные и корпоративные;
- omnibusные панельные и “рынки решений”.

Предложено, для решения сложных задач, создание СКППР в которых совместно, параллельно и одновременно, будут использоваться возможности и экспертной и массовой поддержки принятия решения. Предполагается, что в случае реализации предлагаемой схемы, повысится качество решений, так как мы получим некоторый метод контроля валидности решений, за счет сопоставления суждений профессионального сознания и сознания массового.

При очевидной перспективности СКППР, в самых разнообразных сферах жизни, есть ряд проблем, которые требуют решения для их успешного применения. Так обширное число публикаций на тему качества данных в СППР, в частности их достоверности, подтверждает актуальность этой темы и необходимость ее теоретической проработки.

Оценка аварийности и разработка мероприятий по пропаганде БДД в городе Артёме

Милин Егор Александрович, студент;
Пресняков Владимир Александрович, кандидат технических наук
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье рассмотрена проведенная оценка уровня БДД в городе Артёме за счет анализа количества ДТП за период с 2012 по 2014 гг. После предложены способы снижения аварийности на дорогах рассматриваемого города.

Ключевые слова: аварийность, БДД, пропаганда, социальная реклама, Артём

Обеспечение безопасности дорожного движения (БДД) является важной задачей для современного общества. Автомобильный транспорт развивается непрерывно (увеличиваются скорость, интенсивность движения, грузоподъемность). В системе «водитель — автомобиль — дорога — среда» (ВАДС) водитель автотранспортного средства является главным звеном и именно от него зависит эффективность и безопасность дорожного движения, ведь

по вине водителей происходит более 80% дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Гибель людей в ДТП относится к одной из основных причин смертности наиболее трудоспособной части населения. Поэтому крайне важно повышать БДД всеми возможными способами.

Для оценки уровня БДД по городу Артёму был проведен подсчет и анализ количества учетных ДТП по вине водителей за 2012–2014 гг.

Таблица 1. Количество учетных ДТП, произошедших по вине водителей

	2012г	2013г	2014г
ДТП по вине водителей	219	213	197
ранено	276	279	248
погибло	27	31	20

Исходя из данных приведенных в Таблице 1: количество ДТП по вине водителей за учетный период уменьшилось на 9.9%, число раненых уменьшилось на 10.1%, а число погибших на 25.9%.

Несмотря на данные, приведенные выше, снижение количества ДТП незначительное. В городе необходимо проведение мероприятий по повышению БДД и снижению числа аварий, причиной которых служит человеческий фактор.

Изучив различные методы повышения БДД, я считаю, что пропаганда самый эффективный из всех методов.

Служба пропаганды безопасности дорожного движения появилась в 1932 г. Тогда был утвержден циркуляр № 36 от 25 мая 1932 года Главного управления Рабоче-крестьянской милиции при Совете народных комиссаров так и назывался «О мероприятиях по развертыванию пропаганды вопросов безопасности уличного движения»

Пропаганда культуры и безопасности дорожного движения должна служить одним из важнейших направлений в государственной пропаганде, что, в частности, требует создания на государственном телевидении и радио специальных программ, подготовленных на высоком уровне психологической и педагогической ответственности. В этой работе основной акцент должен быть

сделан на понимание всеми общей и личной заинтересованности в решении проблемы, на необходимости разумного, ответственного, культурного, взаимоуважительного и дисциплинированного поведения на дорогах, внимания участников дорожного движения друг к другу, показа позитивных фактов культуры и мастерства вождения, добрых советов, примеров образцового поведения инспекторов госавтоинспекции и прочее; тот же стиль должен преобладать и в рекламе на дорогах.

Пропаганда БДД представляет собой целенаправленную деятельность, осуществляемую субъектами пропаганды по распространению знаний, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих поведение участников дорожного движения. С учётом современных реалий данное определение следовало бы расширить, видоизменить, поскольку основные усилия должны быть сосредоточены не столько на распространении информации, сколько на изменении с её помощью сознания участников дорожного движения. То есть, в основу должен быть положен принцип целеполагания, с помощью которого обозначаются более конкретные результаты деятельности.

Самым общим образом цель деятельности по пропаганде безопасности дорожного движения можно обо-

значить как снижение уровня дорожно-транспортного травматизма, смертности на дорогах, повышение защищённости участников дорожного движения.

Достижение данной цели возможно с помощью решения следующих задач:

- повышение культуры участников дорожного движения;
- формирование положительного образа сотрудника УГИБДД при использовании различных механизмов воздействия на сознание участников дорожного движения;
- снижение уровня детского дорожно-транспортного травматизма, развитие программ обучения детей различного возраста безопасному поведению на дорогах;
- распространение положительного опыта организации работы по профилактике травматизма, взаимодействию с общественными организациями;
- использование возможностей СМИ;
- разработка новых методов и приёмов работы, их внедрение в практику.

Существуют различные виды мероприятий по пропаганде БДД:

- 1) Информирование населения о состоянии безопасности дорожного движения и формирование у участников дорожного движения правосознания и культуры в области дорожного движения за счёт использования средств массовой информации (СМИ);
- 2) Установка вдоль дороги баннеров, плакатов и стендов агитационного содержания, с призывом о соблюдении ПДД;
- 3) Проведение широкомасштабных рекламных акций и выставок для привлечения внимания к проблемам нарушения ПДД;
- 4) Повышение качества подготовки специалистов, ответственных за проведение мероприятий по пропаганде БДД;
- 5) Организация процесса обучения детей безопасному поведению на дорогах;
- 6) Создание отрядов юных инспекторов движения (ЮИД).

Среди всех видов мероприятий по пропаганде БДД, для формирования *мотивации в соблюдении ПДД лучше всего подходит* использование возможностей социальной рекламы в обеспечении безопасности дорожного движения.

Социальная реклама — это сильный инструмент формирования общественного мнения.

Цель социальной рекламы — изменить отношение населения к какой-либо проблеме, привлечь внимание людей к конкретным социальным проблемам, а в долгосрочной перспективе — выработать новые социальные ценности.

Термин социальная реклама, являющийся дословным переводом с английского *public advertising*, используется только в России. А во всем мире ему соответствуют понятия некоммерческая реклама и общественная реклама.

Некоммерческая реклама — реклама, спонсируемая некоммерческими институтами или в их интересах и име-

ющая целью стимулирование пожертвований, призыв голосовать в чью-либо пользу или привлечение внимания к делам общества.

Общественная (социальная) реклама передает сообщение, пропагандирующее какое-либо позитивное явление. Профессионалы создают ее бесплатно (корректнее говорить об этической позиции отказа от прибыли), место и время в СМИ также предоставляются на некоммерческой основе

В социальной рекламе не должны упоминаться коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, а также конкретные марки их товаров, равно как и марки товаров, являющихся результатом предпринимательской деятельности некоммерческих организаций.

Осуществляемая на безвозмездной основе деятельность юридических и физических лиц по производству и распространению социальной рекламы, передаче своего имущества, в том числе денежных средств, другим юридическим и физическим лицам для производства и распространения социальной рекламы признается благотворительной деятельностью и пользуется предусмотренными законодательством льготами.

Рекламораспространители — организации средств массовой информации обязаны осуществлять размещение социальной рекламы, представленной рекламодателем, в пределах пяти процентов эфирного времени (основной печатной площади) в год, используемого в пределах, установленных для рекламы законодательством Российской Федерации о рекламе.

Рекламораспространители, не являющиеся организациями средств массовой информации, обязаны осуществлять размещение социальной рекламы в пределах пяти годовой стоимости предоставляемых ими услуг по распространению рекламы.

Рекламопроизводители обязаны предоставлять услуги по производству социальной рекламы в пределах пяти процентов годового объема производства ими рекламы.

Условия, касающиеся времени размещения и средств распространения социальной рекламы, предложенные рекламодателем, являются обязательными для рекламораспространителя, если рекламодатель обращается к рекламораспространителю не позднее, чем за месяц до предполагаемого срока распространения социальной рекламы.

Оплата производства, размещения и распространения социальной рекламы производится на основании договора.

Некоторые аналитики выделяют два уровня воздействия социальной рекламы. Это внедрение или закрепление определенных правил и утверждение в общественном сознании моральных поведенческих норм.

Социальный плакат, особая форма тиражной полиграфической продукции, является одним из старейших видов рекламы. Социальный плакат, получивший массовое распространение в начале 20 века, в первую мировую войну, является актуальным и в настоящее время. Плакат се-

годня это всё — от традиционного бумажного полиграфического плаката в помещении до широкоформатных «бигбордов» на фасадах зданий.

Текстовому обращению в социальном плакате, как правило, отводится очень важная роль, при этом возможны любые варианты соотношения с изобразительной графической компонентой — от полного отсутствия до стопроцентного доминирования при отсутствии графики.

Телереклама сегодня также имеет огромный арсенал возможностей распространения социальной информации от местного вещания кабельной сети до федеральных сетей и спутниковых компаний, транслирующих свой сигнал на целые континенты. Неотъемлемой частью телевизионных рекламоносителей стали наружные уличные и внутренние пространства городской среды. В данном случае, телеэкран в форме плазменной панели или жидкокристаллического экрана появляется в самых различных местах современной архитектуры: в администра-

тивной и торговой зоне, в салоне городского транспорта или на улицах города. Часто здесь звуковое сопровождение изображения убирается, чтобы не мешать окружающим людям в их профессиональной деятельности, или потому, что его невозможно передать из-за технического несовершенства конструкции. Поэтому телевизионную рекламу делят на два типа: озвученную и без звукового сопровождения. Особое внимание стоит уделить беззвучной телерекламе, так как она требует более выразительных визуальных форм, краткости информационного сообщения, сопровождения надписями, вплоть до бегущей строки и титров.

Вывод: Для повышения уровня БДД в Артеме необходимо более детальное исследование дорожно-транспортных происшествий за больший период времени. После этого нужно усовершенствовать методы обеспечения БДД за счет введения новых способов пропаганды соблюдения ПДД.

Литература:

1. А. В. Вашкевич, А. Е. Мизонова, Э. К. Кутуев Деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения. Под общей редакцией В. А. Кудина СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2012. 160 с.
2. <http://studopedia.org/6-101058.html>

Автоматизированные библиотечные системы

Себрякова Анна Анатольевна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

С конца прошлого века в библиотеках РФ идёт полная автоматизация библиотечных технологических процессов — начиная от формирования фондов, подразумевающее приобретение литературы, и заканчивая обслуживанием читателей. Отечественные библиотеки приобретали и в последующем модернизировали специализированное программное обеспечение и оборудование, объединенные в автоматизированную библиотечную систему, степень внедрения которой в различных библиотеках абсолютно разная, но многие начинают уже предоставлять доступ к ним своим пользователям.

Автоматизированные библиотечные системы являются системами планирования ресурсов организаций для библиотеки, используемые в целях отслеживания библиотечных фондов, от заказа их и последующего приобретения до непосредственной выдачи посетителю библиотеки. Кроме того, автоматизированная библиотечная система представляет собой комплекс программно-технологических, лингвистических средств, предназначенных для решения библиотечно-библиографических задач, и является главной составляющей системы автоматизации библиотеки. [4, с.217]

Основным преимуществом автоматизации для этой сферы является предоставление читателям более полных, более достоверных информационных данных о состоянии библиотечного фонда, о возможностях эффективной и быстрой ориентации в весьма больших объемах информации. [4, с.218] На данный момент основное направление развития автоматизации всех без исключения библиотек — это разработка каталога с библиографическими описаниями.

Функциональное назначение автоматизированных библиотечных систем заключается в автоматизации основных библиотечных процессов: комплектование (включая подписку на периодические издания), обработка литературных источников, печать стандартных выходных форм, таких, как каталожные карточки, книжные формуляры, инвентарные книги, бюллетени новых поступлений и пр. Кроме того, автоматизированные библиотечные системы являются идеальным средством автоматизации для малых и средних библиотек, позволяющим при самых минимальных затратах перейти к использованию новых информационных технологий. [6, с.329]

Принципиальные особенности автоматизированных библиотечных систем состоят в использовании оригина-

нальной СУБД, в возможности поиска в двух режимах: поиск по любым полям формата USMARC и их комбинациям, а также в ускоренном поиске с использованием словарей. Кроме того, существует возможность быстрой адаптации к технологическим особенностям библиотек и размерам фондов.

Основу автоматизированных библиотечных систем составляет система электронных каталогов, в которых содержится полная информация об изданиях, которые хранятся в библиотечных фондах. У части фондов есть электронные полнотекстовые копии, которые хранятся в pdf-форматах. Электронные копии сопоставляются с оригиналами посредством электронного каталога. [1, с.4]

При создании электронных копий частей своего фонда, библиотеки стремятся добиться обеспечения своих пользователей необходимыми информационными данными, не ограниченными количеством и временем. При всем при этом достигается почти полная сохранность фонда. Формирование фонда электронной документации производится согласно четвертой части ГК РФ и законов РФ «О библиотечном деле» и «Об информации, информатизации и защите информации».

При формировании фондов электронной документации успешно отрабатываются и впоследствии применяются в ежедневной практике технологические процессы оцифровки традиционной документации, конвертирования исходников в графические форматы, хранения документов и многоаспектного поиска посредством автоматизированных библиотечных систем, надёжного резервного копирования массивов информационных. [8, с.17]

Отметим, что автоматизация библиотечно-библиографической деятельности является комплексной многоуровневой проблемой, решение которой направлено на модернизацию библиотечных технологий, повышение производительности и эффективности труда специалистов, улучшение качества информационно-библиотечных услуг. Так, образование библиотечного фонда является сложным процессом в структурном отношении. Именно от качества создания библиотечного фонда в огромнейшей мере зависит его эффективность, а также эффективность использования его и полнота удовлетворения читательских запросов.

Информационная система — замкнутая система, поскольку происходит обмен между процессами информирования о состоянии и работой с читателем. Информационная система не может существовать без мощнейшей программной поддержки. Программное обеспечение информационных систем должно обеспечивать функционирование согласно целевому назначению системы. [7, с.78]

Целесообразно также выделить и такие звенья в автоматизированной информационной системе:

- информируемое;
- информирующее. [7, с.81]

В роли информируемых звеньев системы выступают читатели. В роли органа, который предоставляет информационные ресурсы, выступает сама библиотека. Инфор-

мирующее звено — ответственно за состояние информационных ресурсов, информируемое звено отвечает перед информирующим звеном за возврат фонда.

Основные и определяющие направлениями работы любой библиотеки — работа с фондом и читателями. Отсюда, собственно, и вытекает основная составляющая базы данных, заключающаяся в максимально полном и всестороннем описании фонда от библиографических описаний документации до каждого отдельно взятого экземпляра, привязанного к библиографическому описанию, с индивидуальным штриховым кодом, с местоположением его и статусом. [2, с.8]

Информация о документе и статус его становится доступными читателям и любым пользователям системы с самого момента ввода библиографического описания в базу данных посредством каталогизатора или же заказа документов отделом комплектования.

Другой основной составляющей системы являются читатели. В базу вводят записи о читателях, их индивидуальные штриховые коды, электронные адреса, пароли доступа к электронным читательским формулярам. При обслуживании в базе хранится история пользования читателями библиотечными документами.

Отметим, что любые действия в системе авторизованы. В записях базы хранится информация обо всех операциях ввода, о редактировании, обслуживании, а также хранятся коды операторов и время выполнения операций.

Основными задачами, решению которых в значительной мере способствует использование современных интегрированных библиотечных систем, являются оптимальное комплектование, обеспечение сохранности фонда и своевременного возврата документации, работа с задолжниками и инвентаризация.

В качестве дополнительного сервиса, предоставляемого читателям при внедрении библиотечных систем нового поколения, можно отметить значительную экономию времени читателей, взаимодействие читателей с библиотекой становится более удобным процессом, более информативным и открытым. Вместе с тем, данный сервис приводит к уменьшению статистических показателей, которые до сих пор были приняты для оценивания работы библиотеки и некоторых ее категорий, как, к примеру, число посещений, число обслуженных читателей и т.п. Исходя из этого встает вопрос относительно пересмотра устаревшей системы оценок.

В традиционном виде система учета — слабое звено для любой библиотеки. Отчеты из баз данных интегрированных библиотечных систем дают достоверные, оперативные, многосторонние сведения о ходе обслуживания, о состоянии и востребованности фонда во всех подразделениях библиотеки. [5, с.166]

Использование интегрированных библиотечных систем, охватывающих весь путь книги, между собой увязывает технологические процессы на различных участках, впоследствии определяя их. В таких условиях в особенности важной является работа с кадрами. Эффективное

использование системы требует обучения рабочего персонала навыкам работы с персональным компьютером и непосредственно с самой системой. Повышение квалификации сотрудников, их обучение новым технологиям, согласованность в работе персонала на различных стадиях технологического процесса — все это основные направления работы, которые требуют внимания со стороны администрации библиотеки. То есть, обучение сотрудников проводиться должно постоянно, поскольку круг используемых возможностей системы ежедневно расширяется, внедряются более новые сервисы для читателей, а также для персонала библиотеки, вносятся поправки в настройки и в шаблоны ввода. [5, с.168]

Таким образом, сотрудники библиотеки получают новые знания. Опыт показывает, что с внедрением в ра-

боту библиотеки интегрированной библиотечной системы у большинства сотрудников возрастает интерес к работе, ответственность и дисциплина. И возрастает престижность профессии.

Подводя итоги, необходимо отметить, что на сегодняшний день как процесс автоматизация библиотек перешла уже на принципиально другой уровень: важнейшая задача автоматизации библиотек заключается в построении нового единого метода работы на всех участках — начиная комплектованием фондов и заканчивая регистрацией книговыдачи и читателей. Так, на данный момент автоматизированная библиотека представляет собой информационный ресурс, который играет важную роль не просто для отдельно взятого образовательного учреждения, но также для региона и даже для государства в целом.

Литература:

1. Антопольский, А. Б. Электронные Библиотеки России — Стратегия Развития. — М.:, 2012. — 8 с.
2. Антопольский, А. Б. Электронные Библиотеки России Для Молодежи: Стратегия Развития. — М.:, 2012. — 11 с.
3. Антопольский, А. Б. Электронные Библиотеки России: Проблемы И Перспективы. — М.:, 2012. — 4 с.
4. Брофи, П. Современная библиотека учебного заведения. — М.: Омега-Л, 2011. — 312 с.
5. Вершинин, М. И. Электронный каталог. Проблемы и решения. — М.: Профессия, 2007. — 232 с.
6. Земсков, А. И., Шрайберг Я. Л. Электронная информация и электронные ресурсы. — М.: ФАИР, 2007. — 528 с.
7. МакМенеми, Д., Поултер А. Предоставление электронных услуг: руководство для публичных библиотек и центров обучения. — М.: Омега-Л, 2009. — 256 с.
8. Панкова, Е. В., Беркутова Л. С. Электронное библиографическое пособие. Практическое руководство для библиотечных работников. — М.: Форум, 2010. — 128 с.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 13 (93) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26